

Туркикинъ
И
МЕДИЦИНА
ЕГО
ВРЕМЕНИ

С.М.Громбах

Пиривкинз
И
МЕДИЦИНА
ЕГО
ВРЕМЕНИ

С.М. Громбах

Туркивич
И
МЕДИЦИНА
ЕГО
ВРЕМЕНИ

Москва
«Медицина»
1989

УДК 61 : 93] «18»

Г87

ББК 5г

Рецензенты: *Петров Б. Д.*, член-корр. АМН СССР, зав. отделом истории медицины ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н. А. Семашко МЗ СССР; *Овчинникова С. Т.*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Государственного музея А. С. Пушкина

Громбах С. М.

Г87 Пушкин и медицина его времени.—
М.: Медицина; 1989.— 272 с.: ил.— (Науч.-
попул. мед. лит.) —
ISBN 5-225-00275-7

В книге показано, как в творчестве и письмах А. С. Пушкина представлены и оценены актуальные проблемы медицинской науки и практики первой трети XIX в.: физиогномика и краниология, магнетизм, холера и чума, горячка и безумие, использование кавказских минеральных вод; определено отношение поэта к ним. Автор не избегает спорных моментов и предлагает новые направления исследований.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей медицины и культуры.

Г $\frac{4101010000-226}{039(01)-89}$ КБ-46-45-88

ББК 5г

ISBN 5-225-00275-7 © Издательство «Медицина»,
Москва, 1989

Оглавление

Введение	7
<i>Глава первая.</i> «Бегут, меняясь, наши лета...»	13
<i>Глава вторая.</i> Источники медицинских сведений	40
<i>Глава третья.</i> Приметы времени	100
<i>Глава четвертая.</i> «Нас уверяют медики...»	152
<i>Глава пятая.</i> Cholera morbus	199
<i>Глава шестая.</i> «Не дай мне бог сойти с ума...»	227
Заключение	262
Послесловие	264
Указатель имен	266
Указатель произведений А. С. Пушкина	269

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин

Введение

Тема этой книги на первый взгляд может показаться неожиданной и странной. Пушкин и медицина в обычных представлениях бесконечно далеки друг от друга, и попытка связать их не является ли спекуляцией на всенародной любви к гениальному поэту, стремлением без достаточного к тому основания приблизиться к великому имени? И не лишит ли такое рассудочное прикосновение к пушкинской поэзии ее неизъяснимого обаяния, не измельчит ли пушкинского творчества, его глубокого философского содержания?

Эти и многие подобные им вопросы неизбежно вставали перед автором. Тем не менее он решился осуществить это исследование и представить его на суд читателей.

Литература представляет художественный образ социальной действительности. Когда же речь идет о таком элементе действительности, как наука, в том числе медицина, то ее отражение в литературе указывает на степень проникновения ее в умы, в частности — на осведомленность в ней литераторов, а в отношении конкретного писателя — на его умение отличить прогрессивные взгляды от свойственных его времени заблуждений или — того хуже — от архаических, уже отошедших в прошлое представлений.

Пушкин — исключительное явление в истории отечественной культуры. Гениальный поэт, прозаик, выда-

ющийся историк, он пристально следил за всеми явлениями окружающей действительности. Его интересы чрезвычайно многогранны. То, что Пушкин сказал о Ломоносове: «Ломоносов обнял все отрасли просвещения <...>. Он все испытал и все проник» (XI, 32)¹ — в значительной степени можно отнести к нему самому. Это отмечали его современники, это было видно уже его ближайшим потомкам. Н. А. Добролюбов писал: «Пушкин откликнулся на все, в чем проявлялась русская жизнь; он обозрел все ее стороны, проследил ее во всех степенях»². П. А. Вяземский говорил, что Пушкин был «любопытный ум».

Конечно, в пушкинском творчестве в первую очередь и наиболее ясно воплотилось поэтическое, художественное постижение жизни, но в нем постоянно ощущается и незаурядный интеллект Пушкина-мыслителя, Пушкина-аналитика, заслуживающий внимания потомков и сам по себе, и как одна из предпосылок художественного творчества. Недаром первый биограф поэта П. В. Анненков, разбирая его рукописи, был поражен обилием неизвестных до того пушкинских текстов, набросков, отрывков, а главное — богатством их содержания. Их изучение позволило ему написать: «Натура поэта в нем никогда не ослабевала и поэтическая струя не иссякала, даже и в кропотливом сборе и проверке ученых материалов»³.

Пушкин действительно интересовался многим. В своих произведениях и письмах он касался самых

¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Академия наук СССР, 1937—1949. Здесь и далее ссылки на сочинения и письма Пушкина по этому изданию с указанием тома римскими цифрами, страниц — арабскими.

² *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1934. С. 114.

³ *Анненков П. В.* А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки его произведений. СПб.. 1873. С. 249.

различных сторон действительности, в том числе — науки, и она находит многообразное отражение в его творчестве, поэтому исследование темы «Пушкин и современная ему наука» увлекательно, интересно. Такое исследование выполнил с присущей ему эрудицией акад. М. П. Алексеев⁴. Оно привело автора к заключению, что Пушкин «верил в науку, считая ее одним из важнейших двигателей культуры, но он был так же далек от односторонних увлечений в науке, как и от односторонних упреков по ее адресу». Однако в этом фундаментальном труде, в котором рассматривается отражение в творчестве Пушкина многих отраслей знания: астрономии и философии, механики и акустики, географии и т. п., — как ни странно, не нашлось места для медицины. В медицинской же литературе соприкосновение Пушкина с этой отраслью знания неоднократно было предметом рассмотрения, но лишь с одной стороны, а именно: как лечили Пушкина после роковой дуэли на Черной речке.

Такой аспект проблемы, на наш взгляд, не актуален. Подобное направление исследований может быть квалифицировано не как решение проблемы «Пушкин и медицина», а скорее как один из аспектов другой — «медицина и Пушкин», поскольку анализирует прикосновение медицины к Пушкину, а не наоборот. Исследования такого рода, отражающие уровень развития медицины в определенную эпоху, могут избрать своим объектом любое реальное лицо, и с равным — а может быть, и с бóльшим — успехом им может стать некто, обращавшийся к врачам чаще и по более разнообразным поводам, нежели Пушкин. Проблема «медицина и Пушкин» имела право на существование тогда, когда на протяжении некоторого времени бытовала

⁴ Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: «Наука», 1972. С. 5—159.

легенда о якобы сознательно неправильном лечении Пушкина после дуэли и необходимо было подвергнуть ее объективному анализу. Сейчас эта версия, к счастью, полностью опровергнута. После специально посвященной этому вопросу главы в работе по истории хирургии в России в XIX в.⁵ и обстоятельной, весьма квалифицированной статьи акад. Б. В. Петровского⁶ вопрос этот может считаться вполне изученным и не нуждается в повторном рассмотрении.

Еще меньшего внимания, по нашему мнению, заслуживает вопрос, как и от чего лечили Пушкина в течение всей его жизни.

Поистине же благодарной — и для истории медицины, и для пушкиноведения — представляется проблема «Пушкин и медицина», т. е. изучение прикосновений Пушкина к медицине, отражения и преломления вопросов медицины в его творчестве и письмах. Объектом такого исследования недостоин быть любой реально существовавший человек, им заслуживает стать именно Пушкин — один из самых светлых умов первой половины XIX в.

В России той поры медицина была ареной острой борьбы идеализма и материализма, отвлеченного умозрения и опыта, более того — науки и мракобесия. Как ни далек был Пушкин от этой борьбы идей в столь специальной сфере, все же он ощущал ее веяния, и они отразились в его творчестве. Медицина, конечно, не была предметом его специальных рассуждений, но, как и все, что его окружало, медицинские сведения проникали в его сознание, критически осмыслялись и оседали в нем. Во что-то вникая глубоко, в чем-то скользя по

⁵ *Удерман Ш. И.* Избранные очерки по истории отечественной хирургии XIX столетия. Л.: «Медицина», 1970. С. 197—249.

⁶ *Петровский Б. В.* Ранение на дуэли и смерть А. С. Пушкина. — «Клиническая медицина», 1983. № 4. С. 109 и сл.

поверхности, что-то принимая, а что-то отвергая, Пушкин ощущал основную тенденцию развития современной ему медицины: победу опытного направления над априорными догмами, уходящими порой в глубокую древность и не соответствующими уровню развития наук о человеке.

Пушкину принадлежит замечательный афоризм, вынесенный в качестве эпиграфа к данной книге: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» (VIII, 13). Попытку «следовать за мыслями» самого Пушкина в области медицины, определить, что он знал в этой области, как оценивал современные ему взгляды на этот предмет, как отразил их в своем творчестве, и представляет эта работа. Давая некоторое представление о состоянии медицины в России в пушкинскую эпоху и о проникновении медицинских знаний в среду просвещенных людей того времени, далеких от медицины в профессиональном смысле, она прежде всего имеет целью показать характер усвоения этих знаний Пушкиным и преломления их в его творчестве и письмах. Автор льстит себя надеждой, что предлагаемое исследование позволит увидеть, насколько удалось Пушкину осуществить его стремление «в просвещении стать с веком наравне» (II, 187) пусть в одной, но чрезвычайно существенной области «просвещения». Оценить же эту сторону его личности невозможно, не представляя того «фона», на котором она формировалась и развивалась, т. е. общего характера существовавших в ту пору медицинских воззрений и представлений, поэтому в ряде случаев приходится несколько расширить круг освещаемых в книге вопросов за счет тех, что, на первый взгляд, непосредственно с Пушкиным и не связаны. Наконец, рассмотренный материал содержит реальный комментарий к ряду неясных для современного широкого читателя мест в пушкинских произведениях.

Эти соображения и дают автору право предложить книгу читателям.

Но прежде, чем приступить к изложению, необходимо сделать весьма существенное предуведомление.

В дальнейшем придется часто и широко цитировать Пушкина. Во избежание недоразумений следует сразу же сказать, что все цитаты подчинены только одной цели — рассмотрению м е д и ц и н с к и х представлений Пушкина, поэтому они как бы отрываются, абстрагируются от контекста и чаще всего неизбежно лишаются богатого и насыщенного философским, социальным, историческим содержанием смысла, присущего произведению, из которого они взяты. Так, безумие Евгения («Медный всадник»), представляющее проявление противостояния могущественной империи и «ничтожного» человека, здесь рассматривается лишь в сопоставлении описания Пушкиным симптомов помешательства и взглядов врачей того времени. Каков бы ни был замысел «Сцены из Фауста», мы извлекаем из нее лишь указание на проникновение сифилиса в Европу. Большой социальный смысл заложен в маниакальном стремлении Германна к обогащению («Пиковая дама»), но мы анализируем его мышление в соответствии с представлениями пушкинской эпохи о мании.

Эта оговорка необходима, чтобы устранить возможные недоумения и отвести упреки в недооценке автором истинной глубины пушкинского творчества. Обращение с анализируемыми текстами определяется задачами данной работы. Но, как и всякое частное исследование, она имеет конечной целью более полное постижение общего. Может быть, ознакомление с приведенными в данной книге сведениями поможет проникновению читателя в мир великого поэта и его произведений, а вместе с тем и в ту эпоху, когда они создавались.

Глава первая

«Бегут, меняясь, наши лета...»

Медицина в ее прикладном, врачебном, обличье сопровождала Пушкина на всем протяжении его жизни.

Он болел в Царскосельском лицее, и ему приходилось лежать в лицейском лазарете. По выходе из лицея он перенес длительную очень тяжелую болезнь, когда опасались за его жизнь, и, выздоровев, появился в свете с обритой головой.

На Юг в 1820 г. он отправился, увозя с собой привычную лихорадку, которая мучила его во все время путешествия по Кавказу и Крыму и не отпускала и в Кишиневе ¹.

Пресловутая «аневризма», послужившая предметом обширной переписки с начальством, друзьями и родными, хоть и несомненно аггравировалась им как последняя надежда на отъезд из ссылки за границу, тем не менее безусловно существовала и нередко давала себя знать.

¹ См. об этом: Письмо брату от 24 сентября 1820 г.: «Приехав в Екатеринослав, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновению» (XIII, 17; выделено мною. — С. Г.). По-видимому, это была малярия, поскольку через пять дней у него новый приступ лихорадки (см. об этом: *Цявловский М. А.* *Летопись жизни и творчества Пушкина*. М.: Изд. АН СССР, 1951. С. 226), а еще через четыре дня в Бахчисарае, по его словам, снова «лихорадка меня мучила» (VIII, 439).

В 1830-е гг. частые беременности жены, болезни детей, тяжелая болезнь матери, кончившаяся ее смертью, — все это требовало неизбежных контактов с медиками.

Несмотря на это, а вернее — вопреки этому, Пушкин не превратился в ипохондрика, не стал мнительным и иатрофилом.

Смолоду Пушкин, как почти все молодые люди во все времена, относился к своему здоровью легкомысленно, лечиться не любил и по возможности старался от лечения уклониться². Медицинский нигилизм его сопровождался весьма неуважительными высказываниями о врачах в стихах и письмах.

В ранней лицейской поэме «Бова» 15-летний Пушкин так описывает врача в совете царя Додона:

Ко лбу перст приставя тщательно,
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрипывал,
Но молчал — своей премудрости
Он пред всеми не показывал.

(I, 66)

² Доктор Е. П. Рудыковский, сопровождавший в 1820 г. семейство Раевских в поездке по Кавказу и Крыму, к которой, как известно, присоединился Пушкин, обнаруженный Н. Раевским в Екатеринославе больным, «в бреду, без лекаря, за кружкой оледенелого лимонаду» (XIII, 17), свидетельствует: «После обеда у него озноб, жар и все признаки пароксизма. Пишу рецепт. «Доктор, дайте чего-нибудь лучше: дряни в рот не возьму». Что будешь делать, прописал слабую микстуру ... Лечу, как самого простого смертного, и на другой день закатил ему хины. Пушкин морщится. Мы поехали далее. На Дону мы обедали у атамана Денисова. Пушкин меня не послушался, покушал бланманже и снова заболел. «Доктор, помогите!» — «Пушкин, слушайте!» — «Буду, буду!»». Опять микстура, опять пароксизм и гримасы. «Не ходите, не ездите без шинели». — «Жарко, мочи нет». — «Луч-

Сама фамилия врача — Эзельдорф (Ослиное Се-
ло) — и весь его облик достаточно красноречивы.

В лицейских стихах 1815 г. врач именуется «зловещим Гиппократом» (I, 120). Однажды Пушкину-лицеисту пришлось лежать в лазарете и быть пациентом доктора Пешеля. Выписавшись, поэт метнул эпиграмму:

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою,
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим.

(I, 177)

Внешне невинные строки в глазах лицейстов приобретали остро жалищий смысл: доктор Пешель сопоставлялся с лицейским дядькой Сазоновым, который, как стало известно незадолго до создания этих строк, оказался убийцей: на его совести было шесть или семь жертв. Иначе говоря, лечение Пешеля так же опасно, как услуги Сазонова.

Это была, по-видимому, не единственная пушкинская эпиграмма на доктора Пешеля. Товарищ поэта по лицу С. Комовский вспоминал впоследствии: «Профессор математики Карцов от души смеялся его [Пушкина] пиитическим шуткам над лицейским доктором Пешелем»³ (не шутке, а шуткам! — С. Г.).

Насмешки над врачами были в духе лицейского фольклора. В рукописном журнале лицейстов в За-

ше жарко, чем лихорадка». — «Нет, уж лучше лихорадка». Опять сильные пароксизмы. «Доктор, я болен». — «Потому что упрямы, слушайте!» — «Буду, буду!» (Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. С. 215).

³ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 60.

стойной песне А. Дельвига упоминается «Громкий смех над лекарями // При плесканьи полных чаш»⁴.

В. Кюхельбекер в стихотворении «Кофе» восклицал:

Я смеюсь над врачами!
Пусть они бранят тебя,
Рвением самих себя
И латинскими словами
И пилюлями морят...⁵

Но и после окончания лица, выздоровев от тяжелой болезни, Пушкин роняет такие озорные строчки:

Я ускользнул от Эскулапа,
Худой, обритый, но живой.
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.

(II, 83)

«Мучительная лапа» — это, возможно, воспоминание о каких-то болезненных процедурах, но скорее всего — постоянная у Пушкина характеристика врачебной деятельности. Уже в лицейской поэме «Тень Фонвизина» (1815) признаком эпохи служит то, что «мучат смертных лекаря» (I, 157). Рассказывая брату о своем путешествии с Раевскими, Пушкин сообщает: «Лекарь обещал меня не уморить» (XIII, 17). Этот лекарь — упомянутый уже Е. П. Рудыковский — пописывал стихи, и Пушкин адресует ему эпиграмму:

Аптеку позабудь ты для венков лавровых,
И не мори больных, но усыплай здоровых.

(II, 142)

«Морить больных», по мнению Пушкина, — это свойство врачебной профессии. В письме брату в янва-

⁴ Грот К. Я. Пушкинский лицей. СПб., 1911. С. 158.

⁵ Грот К. Я. Указ. соч. С. 176.

ре 1824 г., желая подчеркнуть профессиональный характер своей литературной деятельности, он писал: «Я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит — за деньги, за деньги, за деньги» (XIII, 86).

Насмешка и осуждение по адресу врачей в произведениях Пушкина сохраняются долго. Иван Петрович Белкин, например, «умер, несмотря на неусыпные старания уездного лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении закоренелых болезней, как то — мозолей и тому подобного» (VIII, 61); лекарь, осматривавший мнимобольного Минского, за 25 рублей охотно признал его больным («Станционный смотритель»); в предполагавшемся «Романе на кавказских водах» среди действующих лиц намечены «два лекаря, враги по ремеслу» (VIII, 966), которым, по-видимому, предназначалась незавидная роль; уездный лекарь, пользовавшийся старика Дубровского, оказался лишь «по счастью не совершенный невежда» (VIII, 172) и т. п.

Более того, в процессе работы над произведением, при переходе от черновиков к окончательному тексту эти черты иногда подчеркиваются, усиливаются. Так, уездный лекарь в повести «Дубровский» в одном из вариантов черновика не характеризуется столь убийственно-похвальным образом (VIII, 768), а упомянутый во введении к «Повестям Белкина» в черновом варианте искусен «в лечении закоренелых болезней, как то ногтееды, ломоты, почечуя» (VIII, 590), т. е. недугов, значительно более серьезных, чем «мозоли и тому подобное».

Такое отношение к врачам питалось двумя источниками. С одной стороны, оно опиралось на литературную традицию, восходящую к Мольеру и далее, вплоть до античности. Пушкин был не одинок в этом смысле: достаточно беглого взгляда на близкую ему литературу, чтобы обнаружить созвучные ему в этом нотки. В памя-

ти Пушкина была свежа эпиграмма Д. И. Хвостова: «Что ты лечил меня, слух этот верно лжив — // Я жив», — или заявление Н. Курганова в его знаменитом «Письмовнике», что врачи «надобны для убавки многолюдства». В произведениях ближайшего современника Пушкина А. Марлинского врачи изображаются либо корыстолюбцами, либо пьяницами. Они пишут рецепты «длиннее майского дня», и природе приходится побеждать «не только раны и болезни, но и самые лекарства» («Фрегат „Надежда“»). Врачи сами признаются: «...Если бы нам, медикам, случилось приходиться в отчаяние от ошибок, так пришлось бы задавиться после первого дежурства в клинике»; они не бывают «ни на свадьбах, чтобы не заставляя краснеть других, ни на похоронах, чтобы не краснеть самому» («Испытание»).

Доставалось врачам и от О. Сенковского: его сказка «Счастливец», например, начинается со злой сатиры на них; в повести «Большой выход у Сатаны» фигурирует известный доктор медицины и хирургии Иппократ, «убивший на земле своими рецептами сто двадцать тысяч человек и за то возведенный в сан отцов врачебной науки». Фельетон Ф. Булгарина «Предсказания на 1927 год» дает представление о том, как в 1827 г. воспринимались врачи и их наука: «Медики не станут прописывать рецептов, не угадав болезни, и не будут пробовать новых лекарств на своих больных. Больные не будут судить об искусстве медиков по важной поступи, угрюмому взгляду и длинным рецептам» и т. п. Такие примеры можно найти у многих авторов.

С другой стороны, известные основания для такого негативного отношения к врачам давала сама жизнь: практическая медицина, лишенная еще достаточного теоретического основания или пытающаяся найти его в умозрительных идеалистических системах, часто оказывалась беспомощной.

А. С. Пушкин. Гравюра Т. Райта. 1837.

Пушкин испытал это на себе. Во время упомянутой тяжелой болезни лечивший его лейб-медик Я. Лейтон употреблял «меры чрезвычайные», в частности, сажал больного в ванну со льдом и притом «за жизнь его не ручался» (XII, 305). Рекой лилась кровь больных от кровопусканий, считавшихся вернейшим средством от всех недугов. Вера в целебные свойства «животного магнетизма» бросала больных в объятия всяких шарлатанов, отвлекая их от истинного лечения. Расцвет натурфилософии приводил врачей в плен умозрительных теорий и заставлял их пренебрегать данными, полученными опытным путем. Все это приводило часто к печальным последствиям и рождало чувство неудовлетворенности у вдумчивых врачей, заставляло их высказывать горькие мысли по адресу своей профессии и науки. Передовые представители русской медицины того времени восставали против неоправданного обилия назначаемых лекарств. «Любители лекарств, — писал А. А. Иовский, — размножились повсюду. Лекарствословие осложняется со дня на день; сложность таковая оценивается как любимая привычка, и искусство превратилось в одни только формулы... На все имеются особенные лекарства, которыми наполнены фолианты и которые суть лучшая отрада для недоучившихся ученых»⁶.

Частнопрактикующий врач Ф. Сентимер возмущался: «Мы при первом появлении холеры отдались на руки одной слепой практике; употребляли подручные средства, какие только встречались, например, золу из печки, известку со стѣн, даже такие, которые и называть для врача стыдно. А после уже, увидев пагубные следы сего лечения, обратились к медицинской Теории,

⁶ *Иовский А.* Что есть медицина? — Вестник естественных наук и медицины. 1828. Декабрь. С. 411.

М. Добужинский. *Лекарь у постели Минского.* Иллюстрация к повести «Станционный смотритель». 1905.

но так безрассудно, что мы от нее требовали объяснить нам не только совсем ненужное, но чего ум человеческий вечно понять и узнать не может»⁷. Друг Пушкина, врач и писатель В. И. Даль, признавался, что врачи «девяносто девять рецептов пишут если не вредных, то по крайней мере бесполезных, а один путный» и что многие из них из боязни потерять авторитет, а стало быть и клиентуру, обманывают больных⁸.

⁷ *Сентимер Ф.* Еще нечто о холере. М., 1833. (Эта книга была в библиотеке Пушкина.— С. Г.)

⁸ *Северная Пчела.* 1832. № 127—128.

В юности подобные критические отзывы находили сочувственный отклик в душе Пушкина. С годами, став старше, он меняет свое отношение к врачам. Если прежде они, по его представлениям, только то и делали, что «морили людей», то сейчас он склонен отдать должное их человеколюбивой деятельности. В записи 29 июля 1831 г. о холерном бунте в Новгородских военных поселениях Пушкин отметил, что убиты 15 врачей, но один «спасен больными, лежавшими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели однако ж его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула» (XII, 200).

Женившись, Пушкин становится внимательным семьянином, он озабочен приглашением врачей к своим близким, следит за выполнением ими медицинских предписаний. В 1834 г. ему пришлось на несколько месяцев разлучиться с семьей. Наталия Николаевна с детьми уехала на лето в имение Гончаровых Полотняный Завод. Пушкин должен был вскоре присоединиться к ним, но хлопоты о печатании «Истории Пугачева» и заботы по улаживанию финансового положения родителей, брата и сестры удерживали его в «свинском Петербурге». Между поэтом и женой возникла переписка. За время с 17 апреля по 3 августа сохранилось 26 писем Пушкина к Наталии Николаевне. Поэт был взбешен обнаружившимся в это время фактом перлюстрации его корреспонденции, это сковывало его, мешало писать то, что он хотел, и так, как он хотел, но не препятствовало постоянно выказывать заботу о здоровье жены и детей. Он неоднократно упоминает о беседах с доктором И. Спасским, пересылает жене его письмо, напоминает о данных им инструкциях, рекомендует, по его указанию, применять Пирмонтские воды и т. п. (XV, 128, 134, 143, 149, 154, 162).

В своих произведениях Пушкин также отходит от неизменно скептического изображения врачей.

В незаконченной повести «Марья Шонинг» (1834) возникает образ лекаря Кельца — отзывчивого, доброго человека и знающего врача. А во французском протокольном перечне событий, который должен был стать основой этой повести, упоминается еще «один бедный врач», который бесплатно лечил мужа и жену Гарлин: «Иногда он приносил им бутылку вина, но денег у него не было» (VIII, 944).

Перед Пушкиным встают вопросы медицинской деонтологии, ответственности врачей за жизнь и здоровье больных. В стихотворном памфлете «На выздоровление Лукулла» мелькают образы врачей, которые «угрюмо шепчутся», когда больной при смерти, но «бодрятся» при надежде на его выздоровление (III, 404—405).

Работая над «Историей Петра» и перечисляя указы, изданные во время правления царевны Софьи, Пушкин особо отмечает тот, который, видимо, поразил его: «Между сими указ, повелевающий казнить смертью лекаря, уморившего своего больного» (X, 25). Очевидно, речь идет об указе 4 марта 1686 г.: «Сказать Великого Государя указ всем лекарям: буде из них кто нарочно или ненарочно кого уморят, а про то сыщется, и им быть казненным смертью».

В художественных произведениях Пушкина появляются примеры благотельного воздействия врачевания, прежде всего — хирургического. Так, в трагедии «Моцарт и Сальери» нравственное облегчение от решительного поступка сравнивается с результатом хирургической операции: «Как будто нож целебный мне отсек // Страдавший член» (VII, 133). В стихотворении «Странник» есть указание на пользу конкретной операции — «избавления от бельма» (по-видимому, удаления катаракты):

Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.

(III, 393)

Заслуживает внимания, что в сочинении английского проповедника XVII в. Дж. Беньяна (J. Bunyan), пересказ которого, в общем очень близкий к подлиннику, представляет пушкинское стихотворение «Странник», о вмешательстве врача нет ни слова. Там говорится лишь о каком-то увиденном вдали свете.

Впрочем, интерес к примерам излечения и шире — к медицине как науке, к проблемам, составляющим ее содержание, таким, как жизнь и смерть, здоровье и болезнь, — отмечался у Пушкина всегда, даже в период его скепсиса по отношению к врачам. Этот интерес сопровождал Пушкина на протяжении всей его жизни, и он старался удовлетворить его всеми доступными ему способами.

Так, в Михайловском в 1826 г., задолго до появления холеры в России, он беседовал со своим приятелем А. Вульфом об этой болезни. Спустя пять лет, когда вопрос о холере станет остроактуальным для всего русского общества, он вспомнит об этом: «Таким образом в дальнем уезде [Псковской] губернии молодой студент и ваш покорный слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через 5 лет сделалось мыслию всей Европы» (XII, 309).

Он посещает больницы для помешанных, на листах его черновиков зарисованы сцены, наблюдавшиеся там. В 1829 г., во время поездки на театр военных действий, в армии Паскевича он из «любопытства» посещает лагерь зачумленных (VIII, 481). Там же он слушает рассказ евнуха и замечает впоследствии: «В физиологическом отношении показания его были драгоценны» (VIII, 480). В том же лагере Паскевича он хотел увидеть гермафродита из пленных турок и, судя по употребленным при его описании латинским анатомиче-

ским терминам и по ссылкам на Гипократа, по-видимому, расспрашивал сопровождавшего его врача (VIII, 472).

Об интересе Пушкина к медицине говорит и наличие в его библиотеке медицинских книг, на чем мы специально остановимся далее. Об этом свидетельствует и то, что, собирая материалы для «Истории Петра», он особо отмечает основание госпиталей и анатомических театров при них, открытие и описание минеральных вод, приобретение анатомического кабинета и т. д. (X, 91, 112, 202, 211, 213, 231, 448, 451, 453 и т. д.). Свидетельством внимания к медицине служит и то, что в выпущенных Пушкиным четырех томах журнала «Современник» в разделе «Новые книги» названы и издания по медицине. При том, что библиография в «Современнике» не стремилась к полноте, была избирательной (215 названий в ней составляют всего около одной трети опубликованных за это время книг на русском языке)⁹, отражение в ней выхода одиннадцати медицинских книг знаменательно. В томах же «Современника», изданных уже после смерти Пушкина, не названа ни одна медицинская книга.

В своем интересе к медицине Пушкин разделяет увлечение лучших умов своего времени. Медицина — часть естествознания, а первая треть XIX в. — период обостренного внимания передовой части русского общества к естественнонаучным знаниям. Это было характерным признаком времени, в недрах которого зрели существенные социальные перемены. Как отмечают историки науки, «многие общие теоретические проблемы естествознания оказались боевыми вопросами идеологической борьбы. Так было во Франции

⁹ *Здобнов Н. В.* История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М.: Гос. изд. полит.-просвет. литературы, 1955. С. 230.

накануне Великой Французской буржуазной революции, так было и в России»¹⁰.

Признаки этого мы находим прежде всего в среде будущих декабристов. Устав Союза Благоденствия вменял в обязанность своему Отделу распространения знаний сочинение и перевод книг по естественным наукам. П. Борисов, Н. Крюков, И. Якушкин и др. в изучении естествознания находили поддержку своим материалистическим взглядам¹¹. Известно, что И. Якушкин подолгу беседовал с врачом-материалистом И. Дядьковским¹². А. Бестужев показывал на следствии: «Смело сказать могу, что я не оставил ни одной ветви наук без теоретического или практического изучения, и ни одно новое мнение в науках умозрительных, ни одно открытие в химии или механике — ото меня не уходило»¹³.

Это «поветрие» захватило широкие круги грамотного — как дворянского, так и разночинного — населения. Об этом свидетельствуют, в частности, бессмертные строки «Горя от ума» А. С. Грибоедова: и мечты Чацкого «в науки вперить ум, алчущий познаний», и возмущение княгини Тугоуховской ее «непутевой» родней: «Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник — // Князь Федор, мой племянник». И сам Грибоедов, получив по окончании университета степень

¹⁰ *Васецкий Г. С., Микулинский Р. С.* Основные черты развития естествознания в России в первой половине XIX в. — В кн.: *Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в.* М.: Соцэкгиз, 1959. С. 8.

¹¹ См.: *Избранные* социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1—3. Политиздат, 1951.

¹² *Лушников А. Г.* И. Е. Дядьковский и клиника внутренних болезней в первой половине XIX в. М.: Медгиз, 1953. С. 25—26.

¹³ *Восстание декабристов.* Т. 1. М.—Л.: Госиздат, 1925. С. 430.

кандидата словесных наук, а затем — кандидата прав, занялся изучением наук математических и естественных и был признан подготовленным к докторскому испытанию ¹⁴.

Д. И. Завалишин вспоминал, что многие из его товарищей по Морскому корпусу не считали для себя достаточным только специальное военно-морское образование, а стремились дополнить его образованием университетским ¹⁵. Так, в частности, поступил В. И. Даль.

Эти примеры могут быть значительно умножены. Интерес к науке, повторяем, был знаменем времени. Недаром Пушкин, перечисляя темы, рождавшие споры между Онегиным и Ленским, среди них назвал и «плоды наук» (VI, 38) ¹⁶, а в VIII главе романа в числе прочитанных Онегиным книг упомянул сочинения ученых-медиков Биша и Тиссо (VI, 183), к которым мы еще вернемся в дальнейшем.

¹⁴ *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М.: Изд. худож. литературы, 1947. С. 78.

¹⁵ *Московские Ведомости.* 1872. № 260.

¹⁶ Ю. М. Лотман, правда, склонен видеть в этом косвенную ссылку на известный трактат Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов» (*Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1980. С. 194). С этим вряд ли можно согласиться. Во-первых, трактат Руссо увидел свет в середине XVIII в. и к 20-м годам века XIX уже в значительной степени утратил свою актуальность, а во-вторых, трактовка Ю. М. Лотмана могла бы быть правильной лишь по отношению к первоначальному варианту комментируемой строки пушкинского романа — «наук, ума добро и зло» (VI, 278). Пушкин отказался от такой редакции, разделил «плоды наук» и «добро и зло», придав, таким образом, «плодам наук» независимое от «добра и зла» значение. К этому нужно добавить, что в начале XIX в. под «науками» чаще всего понимались науки естественные.

Общественный интерес к естественным наукам стимулировал их развитие. Оно шло трудно, преодолевая яростное сопротивление воинствующего идеализма.

Первая половина 20-х годов XIX в. была ознаменована в России разгромом университетов, возглавленным М. Магницким и Д. Руничем и поддержанным правительством. Университетское образование было подчинено богословию и узко понятой религиозности. Инструкция директору Казанского университета (январь 1820 г.) предписывала наблюдать, чтобы «ни под каким видом не были распространяемы в университете вредные либо соблазнительные чтения или беседы»¹⁷. «В преподавании всех наук в Университете должен быть один дух Святого Евангелия, — говорилось в этой инструкции. — <...> Крайне опасно было бы для Университета, если бы студенты, изученные закону Божию в классе оного, услышали в других преступные внушения вольнодумства, скрывающегося ныне под столь разнообразными видами»¹⁸.

Естественнонаучное мышление также числилось по ведомству преступного вольнодумства, поэтому специальная глава инструкции была посвящена обучению в «Факультете врачебных наук». Она гласила: «Профессоры сего факультета должны принять все возможные меры, дабы отвратить то ослепление, которому многие из знатнейших медиков подвергались от удивления превосходству органов и законов животного тела нашего, впадая в губительный материализм»¹⁹. Следуя этой инструкции, профессор Никольский на лекции по математике преподносил студентам «откровения» такого рода: «Гипотенуза в прямоугольном

¹⁷ *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. Т. 1. СПб., 1864. С. 1204.

¹⁸ *Там же*. С. 1208.

¹⁹ *Там же*. С. 1214.

треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви»²⁰; на торжественном акте была читана лекция «О пользе и злоупотреблениях наук естественных и необходимости основывать их на христианском благочестии»; профессор анатомии и физиологии К. Ф. Фукс доказывал, что цель анатомии — находить в строении человеческого тела премудрость Творца, при толковании вопроса о связи тела и души «надо всячески остерегаться, чтобы не впасть в ужасный материализм подобно некоторым безумным врачам»²¹ и т. п. В Казанском университете был закрыт анатомический музей, а анатомические препараты были похоронены по церковному обряду.

На следующий год было предложено инструкцию директору Казанского университета «принять к руководству» и по Петербургскому университету²². А через три года были установлены новые правила надзора за всеми студентами, содержавшие пункт, требующий, чтобы студенты «книг, противных христианской вере ..., а также к лекциям не принадлежащих, не читали и у себя не имели»²³.

Еще через год последовало распоряжение министра народного просвещения, чтобы все подведомственные университетам научные общества ежемесячно подавали «мемории» о своих занятиях²⁴. В числе этих обществ были Общество испытателей природы и Обще-

²⁰ *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889. С. 225.

²¹ *Там же.* С. 228.

²² *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* Т. 1, 1864. С. 1474.

²³ *Там же.* С. 1598.

²⁴ *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения.* Т. 1. СПб., 1866. С. 566—567.

ство врачебных и физических наук при Московском университете и Фармацевтическое общество при Петербургском университете, которые таким образом подпали под очень жесткий идеологический контроль.

Тем не менее, несмотря на все препятствия, естественные науки в России развивались.

Это не прошло незамеченным для Пушкина. Он писал в 1836 г.: «Мы не принадлежим к числу подобо-страстных поклонников нашего века, но должны признаться, что науки сделали шаг вперед» (XII, 72). Прогрессивный во всем, поэт уважал и ценил науку. Его отношение к людям науки видно из его оценки Ломоносова. В то время, как в пушкинском окружении Ломоносов воспринимался главным образом как поэт, а значение его научной деятельности недооценивалось, Пушкин весьма невысоко отзывался о поэтическом таланте Ломоносова, но восхищался им как ученым. Широко известен его удивленно-восторженный отзыв: «Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает машины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка» (XI, 32). В другом месте Пушкин подкреплял свое мнение о Ломоносове как о великом труженике науки, тщательно воспроизведя в своей статье его отчет о научных занятиях в 1751—1756 гг. и заметив, что «ничто не может дать лучшего понятия о нем» (XI, 249—253). Пушкина привлекала в Ломоносове его энциклопедичность, приверженность к опыту

как основе науки, а также смелость в постановке новых вопросов и в отказе от устаревших взглядов и мнений.

В бумагах Пушкина был обнаружен датируемый предположительно 1829 г. до невозможности исчерканный и почти не поддающийся прочтению стихотворный набросок. Он был, однако, расшифрован и сейчас хрестоматийно известен и даже «зацитирован». Он этого, впрочем, заслуживает, так как прекрасно показывает пушкинское понимание путей развития науки:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, [сын] ошибок трудных,
И Гений, [парадоксов] друг,
[И Случай, бог изобретатель]

(III, 464)

В немногих словах здесь кроется огромный смысл: в них приветствуется дух просвещения, который, как надеется поэт, воцаряется на земле; предсказывается прогресс науки; утверждается роль опыта, преодолевающего все ошибки; провозглашается необходимость за случайными явлениями распознать закономерность и поверить в нее. В этом отрывке Пушкин по существу вступил в полемику с известным афоризмом Гиппократа: цитируемый обычно в его усеченном варианте — *vita brevis, ars longa* (жизнь коротка, искусство долговременно), он имеет продолжение *occasio autem praeseps, experimentum periculosum, iudicium difficile*, где «случай» характеризуется словом *praeseps*, что означает «мимолетный, стремительный, скоропреходящий, рискованный», а «опыт» сопровождается эпитетом *periculosum*, т. е. «опасный». Современник Пушкина выдающийся русский врач профессор М. Я. Мудров перевел этот афоризм следующим образом: «Наука наша так длинна, что целая жизнь для нее коротка, время так

едко и быстро, что случай в оном скоротечен, опыт опасен, суждение трудно»²⁵.

Пушкин же, как видим, совершенно иначе воспринимает опыт, дает ему оценку, свободную от отрицательных черт и лишь указывающую на его трудность. Опыт труден, ибо он достигается путем многочисленных проб и неизбежных ошибок. Поэт понимал возможность, а может быть, и необходимость ошибок и их последующего исправления. Ему принадлежит глубокая и благородная мысль — он, правда, высказал ее по другому поводу, но она может быть отнесена и к научным взглядам: «Ошибаться и усовершенствовать суждения свои сродно мыслящему созданию. Бескорыстное признание в оном требует душевной силы» (XIII, 155—156). Случай же Пушкин лишает оттенка опасности, присущего ему у Гиппократов, и, наоборот, воспринимает его как источник находок, изобретений. В этом он близок к идее современного ему историка, философа и дипломата Ф. Ансильона²⁶. Весной 1829 г. П. Чаадаев, посылая Пушкину только что вышедшую книжку Ансильона, в сопроводительном письме адресовал поэту много лестных слов и рекомендовал ему воспользоваться этой работой, которая, «быть может, наведет его на удачные мысли» (XIV, 44; подлинник по-французски). Среди прочих содержащихся в этой книжке суждений «обо всем понемногу» (если воспользоваться определением Чаадаева) Ансильон утверждал, что в истории наук и искусств большую роль играл случай и что многие открытия в науках обязаны своим про-

²⁵ *Мудров М. Я.* Слово о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача (1813 г.). — В кн.: М. Я. Мудров. Избранные произведения. М.: АМН СССР, 1949. С. 173.

²⁶ *Pensées sur l'homme, ses rapports et ses intérêts, par Frederic Ancillon, Berlin, 1829.*

исхождением счастливым уклонением, зигзагам (*saillies*), приводящим к непредвиденным находкам. Неожиданные, непредвиденные открытия Пушкин именуется изобретениями. Особо следует отметить провозглашенное им в цитированном отрывке право гения быть «другом парадоксов», т. е. идти против общепринятых взглядов, утверждать справедливость того, что сегодня противоречит «правилам», воспринимается как парадокс. Эта идея особенно дорога поэту, ибо парадоксальное мышление в известной степени близко к вдохновению, которое «есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно к быстрому ображению понятий, что и способствует объяснению оных» (XI, 41); вдохновение, по мнению Пушкина, нужно и в поэзии, и в геометрии²⁷.

Вера в опыт как в основу науки помогала развитию и медицины. Вопреки всем препонам, врачебные наблюдения и здравый смысл привели врачей, современников Пушкина, к убеждению, что ведущее значение в становлении медицинской науки имеют не богословие и не умозрительные теории, а опыт, клинические наблюдения. Вместе с тем становилось ясно, что одних эмпирических данных, не объединенных некоей общей идеей, недостаточно. А. Иовский писал: «Немыслящая навичка (емпиризм) ... восстает против усовершенствования наук и искусств»²⁸. Росла

²⁷ Трудно удержаться, чтобы в связи с этим не напомнить высказывания В. И. Ленина о значении фантазии в науке: «Нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке» (Полн. собр. соч. Т. 29. С. 330); и спустя несколько лет снова: «Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии» (Полн. собр. соч. Т. 45. С. 125).

²⁸ *Иовский А.* Что есть медицина? — Вестник естественных наук и медицины. 1828. Декабрь. С. 415.

потребность в более глубоком проникновении в законы существования организма и его болезней, в какой-то объединяющей все факты идее. Это порождало популярность различных теорий и «систем», будто бы отвечающих этой потребности. К таким теориям относилась, к примеру, натурфилософия Ф. Шеллинга. Он пытался обобщить достижения современного ему естествознания и на идеалистической телеологической основе найти единый закон, которому подчиняется вся вселенная, в том числе и человек. Единство кроется, по Шеллингу, в присущих всей природе явлениях полярности. В человеческом организме — это полярность между двумя из основных свойств живого: чувствительностью и раздражимостью; нарушение соразмерности между ними вызывает болезнь. Натурфилософия, несмотря на то что излагалась ее сторонниками очень сложно и малопонятно, подкупала своей кажущейся стройностью и приобрела многих последователей, в том числе и среди врачей.

Пушкин склонен был признать пользу натурфилософии для естествознания. «Теория наук,— писал он,— освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и, хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно» (XII, 72).

Врачи — сторонники натурфилософии — считали, что она «заслуживает особенное уважение наипаче счастливым своим направлением согласить идеальность с реальностью или идею с опытом»²⁹. Полностью

²⁹ *Нелюбин А.* Фармакография. Изд. 4-е. 1840. Ч. 1. С. 6.

«согласить» идею с «очевидными истинами» натурфилософия, однако, не смогла: она для этого была слишком умозрительна, оторвана от практики. А. И. Герцен писал о Шеллинге: «Его не практическая, не реальная натура всего яснее видна из того, что он, занимаясь по преимуществу философией природы, никогда не занялся положительным изучением какой-либо отрасли естественных наук»³⁰. Казавшаяся вполне убедительной для теоретиков вроде А. Нелюбина или Д. Велланского, натурфилософия не удовлетворяла практических врачей. От их имени выступал, в частности, профессор А. Иовский: «Общее рассуждение тогда только может иметь свою цену, когда оно скрепляет, так сказать, истины, очевидные при наблюдении, подтверждаемые исследованиями и освящаемые опытом»³¹.

Не удовлетворяемые ни одной модной «системой», русские врачи склонялись то к одной, то к другой, становились приверженцами то броунизма с его идеей возбудимости, то бруссеизма с его теорией происхождения всех болезней в результате местного раздражения тканей, то гомеопатии. Многие пытались найти равнодействующую между чистым умозрением и голым эмпиризмом. В одной публикации говорилось: «Врач, соединяющий в себе и практика и теоретика, один только может дать основательное направление своей науке. Практик и теоретик должны бы сблизиться между собою больше, нежели это бывает обыкновенно; тогда наука врачевания много бы выиграла»³². Перво-

³⁰ Герцен А. И. Избранные философские произведения. Т. 1. Госполитиздат, 1948. С. 116.

³¹ Иовский А. Обзор систем 19-го столетия. — Вестник естественных наук и медицины. 1828. Ноябрь. С. 248.

³² «Друг здравия». 1834. № 22. С. 181.

основой же медицинской науки передовые русские врачи признавали опыт, и именно это привело к значительному развитию медицины в России. В первой половине XIX в., даже в первой его трети, русская медицина уже числила в своих рядах таких самобытных ученых, как физиолог А. Филомафитский, клиницисты М. Мудров, Е. Мухин, П. Чаруковский, И. Дядьковский. Выходила звезда Н. Пирогова.

Это дало право профессору М. Я. Мудрову в речи 3 октября 1828 г. «О пользе врачебной пропедевтики» заявить: «Наука (имелась в виду медицина. — С. Г.) не стоит на одном месте; она, подобно великой реке, беспрестанно течет вперед и ничем остановлена быть не может»³³.

У нас нет точных сведений ни о том, что Пушкин встречался в то время с Мудровым и беседовал с ним, ни о том, что он прочел его речь в напечатанном виде, но Мудров был домашним врачом и близким другом родителей поэта³⁴, и не исключено, что текст этой его речи был Пушкину известен. Если же это и не так, то тем более знаменательно, что ощущение прогресса медицины у поэта совпало с суждением передового деятеля этой науки его времени.

В 1830 г., набрасывая проект предисловия к VIII и IX главам романа «Евгений Онегин», Пушкин отмечал в нем, что истинная поэзия остается вечно юной, но науки изменяются. В числе изменяющихся наук он назвал медицину: «И между тем как понятия, труды,

³³ Мудров М. Я. Избранные произведения. М.: АМН СССР, 1949. С. 277.

³⁴ По семейному преданию, мать Пушкина подарила дочери Мудрова миниатюрный портрет Пушкина-ребенка. В настоящее время он находится в экспозиции Государственного музея А. С. Пушкина в Москве.

открытия великих представителей старинной Астрономии, Физики, Медицины и Философии состарились и каждый день заменяются другими...» (VI, 541). В черновом варианте эта фраза звучала несколько иначе: «И между тем как физика Плиния устарела, как Астрономия Архимеда изменилась, как Галлиен...» (там же). Предложение осталось незаконченным и было отброшено. По-видимому, причиной этого было то, что имена Плиния, Архимеда, Галена придавали мысли неправильный оттенок: устаревшей признавалась лишь наука древнего мира, тогда как речь должна была идти о прогрессе наук в недавнее время, о постоянном движении как неотъемлемой их характеристике. В число наук, которые совершенствовались в его время, понятия которых «каждый день заменялись другими», Пушкин включил и медицину. Именно этим, а также постоянным прямым соприкосновением с людскими судьбами она и была для него интересна.

Глава вторая

Источники медицинских сведений

Как же питал Пушкин свой интерес к медицине? Откуда черпал он медицинские сведения?

Лицей, дававший широкое для того времени гуманитарное образование, очень мало внимания уделял естественным наукам. Обскуранты всех мастей вообще пытались полностью преградить лицеистам путь к наукам о природе. Когда готовился проект учреждения Царскосельского лицея, граф Ж. де Местр, мистик и мракобес, пользовавшийся влиянием при дворе, в записке министру просвещения заявил, что в программе преподавания совершенно не нужны естественная история, химия и астрономия¹. К счастью, его послушались не безоговорочно. Все же естественно-научные познания лицеистов были ограниченными: они сводились к изучению «всеобщей, частной и прикладной физики». Во «всеобщей» излагались «общие явления тел, явления сцепления, притяжения и сходства, законы равновесия и движения тел»; особенная физика состояла в «изъяснении явлений теплоты, света, простых веществ и их соединений; электричества, гальванизма и магнетизма». В окончательном курсе излагалось общее понятие о небесных телах, физическая

¹ *Литературное наследство*. Т. 29—30. 1937. С. 551.

география, метеорология и, наконец, «система и связь всех наук физических»².

Преподавал эти дисциплины математик Я. И. Карцев. Особого контакта с ним у Пушкина не было. На втором году обучения Карцев характеризовал Пушкина следующим образом: «Более дарования, нежели прилежания, рассеян. Успехи довольно хороши»³. Однокашник Пушкина С. Комовский, однако, впоследствии вспоминал, что тот «у математика ... не очень охотно учился»⁴. И. Я. Карцев скоро изменил мнение о Пушкине: «Слаб и успехов примерных не оказал»⁵.

Сведения о строении и жизненных отправлениях живых существ в лицее вообще не преподавались. Таким образом, естественнонаучный багаж у Пушкина при окончании лицея был очень невелик. Все, что он впоследствии знал о строении и деятельности человеческого организма, о болезнях и их природе, он узнал сам по собственной инициативе. Недаром П. В. Анненков, собиравший материалы к биографии Пушкина по свежим следам, расспрашивавший его современников и знакомцев, писал: «Друзья поэта свидетельствуют, что ... никто так не трудился над дальнейшим своим образованием, как Пушкин»⁶. Я. Грот, сам бывший лицеист, собиравший сведения о Пушкине у его соучеников, отмечал, что он «представляет один из самых поразительных примеров самообразования в России»⁷.

² *Селезнев И.* Исторический очерк Имп. Царскосельского Лицея. СПб., 1861. С. 131.

³ *Грот К. Я.* Указ. соч. С. 356.

⁴ *Там же.* С. 94.

⁵ *Селезнев И.* Указ. соч. С. 14 (вторая пагинация).

⁶ *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855. С. 146.

⁷ *Грот Я.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899. С. 53.

Что же служило Пушкину стимулом к самообразованию в вопросах медицины? Им двигал живой интерес к ее научным основам, к причинам и проявлениям болезней, к бытовым и профессиональным способам лечения. В этом интересе трудно иногда отличить любознательность от любопытства; скорее всего, в нем сказались и жажда видеть, столь необходимая художнику, и жажда знать — стремление пытливого ума. И он удовлетворял этот интерес всеми доступными ему способами, следы чего обнаруживаются и в его бытовом поведении, и в творчестве.

Советы жене, как вести себя во время беременности, исходят, несомненно, из предписаний доктора И. Спаского (XIV, 246, 248, 249). Сведения о различии горячек в зависимости от климата и о необходимости по-разному их лечить — это тоже повторение чужих слов (VIII, 459). Платок, смоченный уксусом в качестве лечебного средства («Станционный смотритель», VIII, 101), пиявки и шпанские мушки, поставленные старику Дубровскому (VIII, 172), домашнее лечение «чаем и вином, // И уксусом, и мятною припаркой» («Домик в Коломне», V, 90) — все это заимствовано из бытовых наблюдений. Но у Пушкина обнаруживаются и гораздо более серьезные по своему характеру знания из естественнонаучной сферы.

П. А. Плетнев вспоминал: «Природа кроме поэтического таланта наградила его изумительной памятью и проницательностью. Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь»⁸.

Среди источников медицинских сведений поэта следует прежде всего отметить его беседы с «умными

⁸ Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. 1, СПб., 1885. С. 366.

и учеными людьми». Жизнь дарила ему встречи с такими людьми, вернее — он сам искал этих людей. Среди них были и врачи. В специальной публикации⁹ названы 12 врачей, с которыми сталкивался Пушкин. Вероятно, их было больше. Среди них — светские знакомые поэта, врачи, лечившие его самого и его родных, те, кто оказывал ему медицинскую помощь после роковой дуэли, и даже заимодавцы. Мы, однако, оставляем большинство из них в стороне и коснемся только тех лиц, о ком с определенной степенью достоверности можем предположить, что Пушкин серьезно беседовал с ними и мог почерпнуть из этих бесед какие-то сведения о медицине. Среди них в хронологической последовательности на первом месте должен быть назван А. И. Галич.

Александр Иванович Галич (1783—1848; настоящая его фамилия была Никифоров, а Галичем он назвал себя сам при поступлении в Педагогический институт) — не врач, а философ, но его занятия философией приблизили его к так называемой «антропологии», т. е. человековедению, включающему вопросы физиологии и психологии, т. е. области, граничащие с медициной.

А. Галич, окончив провинциальную духовную семинарию, был в числе нескольких способных учеников направлен в Петербург для поступления в Педагогический институт. По его окончании в 1803 г. он был послан за границу, где в течение четырех лет основательно изучал философию. Свидетельством приобретенной в этой области эрудиции стала изданная им спустя несколько лет по возвращении на родину обсто-

⁹ *Кацнеленбоген А. Г. А. С. Пушкин и его врачебное окружение.* — Клиническая медицина. 1981. № 12. С. 95—98.

ятельная история философии с древнейших времен до начала XIX века ¹⁰.

Назначенный адъюнктом Педагогического института, он вместе с тем с мая 1814 по июль 1815 г., в связи с болезнью Н. Кошанского, преподавал в Царскосельском лицее русскую и латинскую словесность. Он тяготился этой должностью, неоднократно подавал заявления с просьбой освободить его от занятий. За свое недолгое пребывание там молодой преподаватель, любивший свободу мысли и слова, не лишенный юмора, не очень обременявший своих питомцев школьной латынью, сумел завоевать признательность и любовь лицеистов. Особо теплое чувство испытывал к Галичу Пушкин. Он упомянул его в поэме «Пирующие студенты» и посвятил ему два Послания (1815 г.). В конце II главы романа «Евгений Онегин» поэт благодарит будущего потомка, «чья память сохранит // Мои летучие творенья; // Чья благосклонная рука // Потреплет лавры старика!» (VI, 49). Это — скрытая цитата из Галича. В. Кюхельбекер вспоминал, что в Лицее Галич, принимаясь за Гомера, говаривал: «Пора потрепать старика» ¹¹. Увидевшись с любимым учителем спустя 20 лет, Пушкин записал в Дневнике: «Встретил доброго Галича и очень ему обрадовался» (XII, 322).

За это время Галич, будучи профессором Петербургского университета, стал жертвой судилища, учиненного Руничем при разгроме университета в 1821 г. На основании студенческих записей его лекций

¹⁰ См.: [Галич А.] *История философских систем*, по иностранным руководствам составленная и изданная Главного Педагогического Института экстраординарным профессором АЛЕКСАНДРОМ ГАЛИЧЕМ в двух книгах. Ч. 1. СПб., 1818; ч. 2. СПб., 1819.

¹¹ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 94.

и упомянутой его «Истории философских систем...» он был обвинен в безбожии и «маратизме» и подвергся увещаниям и угрозам. Ему было заявлено, что в случае упорства он будет официально объявлен сумасшедшим. У него не хватило мужества отстаивать свои убеждения, и он просил «не помянуть грехов юности и неведения»¹². Его оставили в университете, понизив в должности. Опальный ученый продолжал усиленно заниматься философией и в 1834 г. выпустил книгу «Картина человека». В ней мы находим разделы, посвященные строению и функциям разных систем человеческого организма, определения здоровья и болезни, животного магнетизма. Особое внимание уделено душевным болезням. В посвященном им разделе наше внимание привлекает высказанное вопреки распространенному в то время взгляду на принципы содержания душевнобольных заявление автора: «Иной страждущий получил бы верное облегчение, если б можно было удалить его из удушливых вертепов, примерно из того зверинца, который часто называется у нас *домом сумасшедших*, и окружить другими лицами и предметами, кои бы живо и разнообразно его занимали» (выделено авт.— С. Г.)¹³.

В адресованных ему пушкинских стихах Галич рисуется главным образом как участник и даже президент лицейских пирушек, как «верный друг бокала // И жирных утренних пиров» (I, 121). Но в этих стихах звучит и сожаление о том, что Галич покинул лицей, и желание юного поэта хоть «лишь помощью бумаги» побеседовать с ним (I, 134), и упоминание о том, что общение с Галичем не сводилось только

¹² *Чтения* в Имп. Обществе истории и древностей российских. М., 1862. Кн. 3. С. 196—202 (четвертая пагинация).

¹³ *Галич А. Картина человека*. СПб., 1834. С. 624.

к звону бокалов, а сопровождалось чтением стихов и беседами о поэзии. Недаром именно он, Галич, подсказал Пушкину тему и «заставил» его написать для экзамена стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», прочитанное поэтом в присутствии Г. Р. Державина; Пушкин вспомнил это обстоятельство в дневниковой записи, навеянной новой встречей через много лет.

Нет сомнения, что беседы увлеченного философией молодого преподавателя лицея уже тогда касались и тех вопросов телесной и духовной жизни человека, которые нашли впоследствии отражение в книге «Картина человека».

Ряд определений, данных Галичем, встречаются в несколько измененном виде в произведениях Пушкина. Не исключено, что они запали в память поэта еще со времени их общения в лицее. Со своей стороны Галич внимательно следил за творчеством поэта и прибегал к его сочинениям для иллюстрации своих положений. Так, говоря о «расстройствах умственных сил», он писал: «Если б мы ни из чего иного не умели дознать, что разум есть и высокое наше преимущество и собственная сущность жизни,— мы узнали бы то из ужасного впечатления, которое производят в нас на сцене герои иных трагедий Шекспировых, *юродивые* Загоскина, Пушкина и т. п.» (выделено авт.— С. Г.)¹⁴.

В 1820 г., во время поездки по Кавказу и Крыму, Пушкин общался с уже упоминавшимся доктором Е. П. Рудыковским.

Евстафий (Остап) Петрович Рудыковский (1784—1851) в 1810 г. окончил Петербургскую медико-хирургическую академию. Участник Оте-

¹⁴ Галич А. Указ. соч. С. 594—595.

чественной войны 1812 г. и заграничных походов, он вернулся из Франции в Россию в 1815 г. и с 1818 г. служил в Киевском госпитале.

Близко знакомый с генералом Н. Н. Раевским, он сопровождал его с семьей в путешествии 1820 г., участником которого был и Пушкин. Воспоминания Рудыковского об этом знакомстве и адресованные ему стихотворные строки Пушкина мы привели ранее.

В 1821 г. в Кишиневе Пушкин познакомился с доктором Шулером.

Ф е д о р М и х а й л о в и ч Ш у л е р (?—1829), венгр родом, в качестве хирурга участвовал в походе Наполеона на Россию. При отступлении из Москвы он был взят в плен русскими войсками и навсегда остался в России. В 1821—1822 гг. он был старшим врачом расположенной в Кишиневе 16-й дивизии, которой командовал М. Ф. Орлов.

Пушкин и Ф. Шулер вступили в одну и ту же масонскую ложу «Овидий», основанную в июле 1821 г. в Кишиневе.

В советской исторической литературе масонство заслуженно расценивается как организация в основном реакционная, уводившая ее членов от активной борьбы за гражданские свободы в мистическое «самоусовершенствование». Но нельзя забывать, что русское масонство начала XIX в. обладало и значительными элементами если не революционности, то во всяком случае — идеологии социальной справедливости. Как отмечал автор одного из доносов, главная цель масонов — «учредить между всех состояний людей волюность и равенство, а истребить деспотизм или самодержавное правление»¹⁵.

¹⁵ *Семевский М. И.* Декабристы-масоны. — Минувшие годы. 1908. Февраль. С. 36.

Устав ложи «Овидий» нам неизвестен, но она не случайно немедленно привлекла к себе пристальное внимание начальства. Уже в ноябре 1821 г. последовал генералу И. Н. Инзову запрос из Петербурга об этой ложе и об участии в ней Пушкина¹⁶. Впоследствии, в 1826 г., Ф. Шулер на допросе показывал, что цель ложи была в основном благотворительная. Пристальный интерес к ней в Петербурге и закрытие масонских лож в России вскоре после ее создания породило убеждение Пушкина, что именно за кишиневскую ложу «уничтожены в России все ложи» (XIII, 257). По-видимому, в этом мнении была немалая доля истины.

Служа военным врачом, Шулер оказал большие услуги своей новой родине. Это был вдумчивый врач, и «Военно-медицинский журнал» содержит немало его печатных работ на самые разные темы. Они были опубликованы уже после кишиневского периода его жизни, но надо думать, что уже тогда он оправдывал то доброе мнение о себе, которое сохранили воспоминания его сослуживцев. По их словам, Шулер всегда был весел и общителен, бескорыстен, обо всем судил здраво. Был он хорошим рассказчиком, а рассказывать ему было о чем — ведь он путешествовал по всей Европе, с армией Наполеона был в Египте, знал русский, французский, немецкий, итальянский, греческий, турецкий, молдавский языки и был интересным собеседником.

Шулер был искусным врачом, о нем говорили, что он мог «самого Эскулапа заткнуть за пояс». Особенно славился он умением распознавать чуму и бороться с ней. Ему удалось ликвидировать не одну вспышку этой страшной болезни, но в конце концов он сам пал ее жертвой. Когда в 1829 г. вспыхнула чума в Эривани,

¹⁶ *Кульман Н. К истории масонства в России. Кишиневская ложа. — Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Октябрь. С. 347—348.*

Шулер был направлен туда. Он сумел за два месяца побороть эпидемию, но, по воспоминаниям одного из офицеров Эриваньского гарнизона, сам стал ее последней жертвой¹⁷.

Вскоре после этого в тех краях оказался Пушкин. Ему не довелось уже встретиться со своим кишиневским приятелем, но рассказы о нем оживили память об их совместном пребывании в Кишиневе, в одной масонской ложе, о частых беседах. Память об этом была достаточно глубока. Спустя еще несколько лет, в 1833 г., т. е. более чем через 10 лет после их встреч, Пушкин, сочиняя вместе с П. Вяземским шуточный поминальный список, включил в него и «доктора Шулера, умершего в чуме» (III, 488).

В 1823—1824 гг. в Одессе, в доме Воронцовых, Пушкин встречался с их врачом, доктором В. Гутчинсоном (в современном написании В. Хатчинсон — W. Hutchinson), приглашенным М. С. Воронцовым из Лондона. Это был умный, образованный человек, по отзывам Воронцова, «прекрасный ученый, хорошо воспитанный». Хатчинсон действительно был членом научного Линнеевского общества в Лондоне, членом Врачебной коллегии в Париже, членом Медицинского и хирургического общества в Лондоне и т. п.

В семье надменного вельможи он сумел поставить себя независимо. Воронцов в своих письмах упоминает о нем как о «почтенном нашем докторе»¹⁸. П. А. Вяземский, со слов жены, бывшей в Одессе одновременно с Пушкиным, отзываясь о «докторе Воронцовых» как об искусном и ученом враче¹⁹. Все встречавшиеся

¹⁷ *Московский Телеграф*. 1830. № 2. С. 146—147.

¹⁸ *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л.: Прибой, 1929. С. 91.

¹⁹ *Остафьевский архив князей Вяземских*. Т. 3. СПб., 1899. С. 78.

с ним в доме вельможи отмечают уважение, которым он пользовался. «Предметом общего, особого внимания гордо сидел тут англичанин-доктор, длинный, худой, молчаливый и плешивый»²⁰, — вспоминал впоследствии Ф. Ф. Вигель, оказавшийся с ним за одним столом у графини Браницкой, матери Е. К. Воронцовой. М. Н. Волконская, вернувшаяся в октябре 1824 г. из Одессы, вспоминала о докторе, который «совершенно одинок, не находя никакого удовольствия в избитых разговорах в салоне графа Воронцова»²¹.

Тем охотнее Хатчинсон беседовал с Пушкиным. Разговоры их касались в основном вопросов философии. П. Анненков, со слов чиновника канцелярии Воронцова А. И. Левшина, сообщал, что в доме наместника Пушкин часто встречался с доктором-англичанином, по всей вероятности, страстным поклонником Шелли, «который учил поэта философии атеизма»²².

Эти «уроки» дорого обошлись поэту. Он упомянул о них в письме к П. А. Вяземскому, которое было вскрыто на почте, стало известно в Петербурге и послужило поводом для замены южной ссылки отправкой «в далекий северный уезд...». Пушкин писал: «Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelli-

²⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 2. М.: Круг, 1928. С. 202.

²¹ Труды Гос. исторического музея. Вып. 2. М., 1926. С. 15. (Предположение комментатора письма М. Н. Волконской, что под доктором подразумевается упомянутый выше Рудыковский, лишено всяческого основания. — С. Г.).

²² Анненков П. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 260.

gent Créateur et régulateur *, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная» (XIII, 92).

«Уничтожение доказательств бессмертия души» нашло в ту пору в мыслях Пушкина благодатную почву. Незадолго до бесед с «глухим философом», а может быть, и одновременно с ними, поэт создает стихи, проникнутые тяжким сознанием ожидающего его за гробом «ничтожества», — «Надеждой сладостной младенчески дыша...» (II, 295).

«Тысяча листов» атеистического трактата В. Хатчинсона нам не известны, но сохранилось его медицинское сочинение, выпущенное еще в Лондоне в 1820 г.: «Рассуждение о детоубийстве в его отношении к физиологии и юриспруденции»²³. Эта книга в ее втором издании (1821) была в одесской библиотеке Воронцова. Хатчинсон посвятил свою книгу Дж. Макинтошу — известному историку, публицисту и прогрессивному общественному деятелю. Это дало повод Л. П. Гроссману предположить, что Хатчинсон «принадлежал к небольшому кругу англичан, сочувствовавших французской революции и ее людям»²⁴. Его книга — это один из первых трудов в новой для того времени отрасли медицины — судебной медицине и судебной психопатологии. Сочетание в ее авторе эрудиции в медицине, философии и вопросах права делали его очень интересным собеседником для Пушкина. Не исключена

* ... что не может быть существа разумного, Творца и правителя (франц.).

²³ [W. Hatchinson] *A Dissertation on Infanticide in its Relation to Physiology and Jurisprudence* by William Hutchinson M. D. London, 1820.

²⁴ Гроссман Л. Кто был «умный афей?» — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М. — Л., 1941. С. 417.

возможность, что спустя много лет в планах повести, в которой затронут мотив детоубийства («Марья Шонинг»), сказались реминисценции прочитанной в Одессе книги «умного афея».

Среди медиков — современников Пушкина — особое место занимает Д. М. Велланский.

Даниил Михайлович Велланский (1773—1847), сын украинского ремесленника, поступил в 1796 г. в медицинское училище, преобразованное затем в Медико-хирургическую академию. В 1802 г., окончив Академию, он, как лучший выпускник года, был направлен за границу. Он проводит в Германии 1802—1805 гг., где, помимо занятий медициной, слушает лекции знаменитого натурфилософа Шеллинга, став его рьяным поклонником и последователем. Вернувшись на родину, Велланский приобретает известность в равной мере как биолог и философ. Его диссертация на латинском языке «О преобразовании теории медицины и физики на основе натуральной философии» построена на утверждении, что опыт не может быть основой знания — ею может служить только умозрение; медицина также лишь тогда может считаться наукой, когда она зиждется на теоретическом основании; такой теорией служит натурфилософия. Диссертацию его, однако, не сразу допустили к защите исходя из того, что ее «для наставления приготавливаемых в армию врачей не можно принять основанием» из-за чрезвычайной сложности изложения и оторванности от врачебной практики²⁵. Велланский защитил свою диссертацию только в 1807 г. и с 1808 г. стал читать лекции по физиологии и патологии в Военно-медицинской академии, в 1814 г. он стал профессором.

²⁵ Авроров П. Исторический очерк кафедры общей патологии при Имп. Военно-медицинской Академии 1806—1898. СПб., 1898. С. 58.

Д. М. Велланский.

Велланский пользовался большой популярностью. И. П. Павлов, занимавший впоследствии ту же кафедру физиологии в Военно-медицинской академии, в одной из своих лекций по истории кафедры так упоминал о нем: «Велланский был очень талантливый человек..., но не был все же настоящим физиологом. Благодаря заграничному влиянию он стал натурфилософом, т. е. истолковывал все явления, не считаясь с действительностью, а как вздумается. Сейчас подобная натурфилософия кажется настолько забавной, что ею можно развлекаться в послеобеденное время. Но тогда

Велланский имел большой успех, пользовался популярностью у городской публики, и в его аудитории толпилось много народа»²⁶. Велланского действительно слушали не только студенты. Московский журнал «Телескоп» писал: «Завидуем петербургским жителям, которые будут иметь удовольствие слушать сей новый курс, столь много обещающий. Только для совершенной пользы их желаем, чтобы изложение его было столь же ясно, сколько начала глубоки и взгляды возвышенны»²⁷. Последние слова содержат намек на туманную форму, в которую знаменитый ученый облакал свои мысли, но не противоречат признанию его популярности.

Эта популярность объяснялась ощущаемой всеми потребностью в теории, в обобщении фактов. И даже трудно воспринимаемые сентенции Велланского, порой лишенные реального содержания, манили жадную к познаниям молодежь.

Велланский был убежденным сторонником учения о животном магнетизме, в 1818 г. он перевел книгу немецкого ученого Клюге о животном магнетизме²⁸, добавив к двум частям оригинала третью — «Теория животного магнетизма», — написанную им самим.

Несмотря на ярко выраженный идеализм, воззрения ученого имели для своей эпохи и положительную сторону: они приучали к широкой системе взглядов на окружающие явления как на единый процесс, в котором отдельные факты находятся в глубокой связи и взаимодействии²⁹. Лекции Велланского и исповедуе-

²⁶ Павлов И. П. Лекции по физиологии 1912—1913 гг. М., 1949. С. 269.

²⁷ *Телескоп*. 1831. № 2. С. 300.

²⁸ *Животный магнетизм*, представленный в историческом, практическом и феоетическом содержании. СПб., 1818.

²⁹ Коштоянц Х. С. Очерки по истории физиологии в России. М.—Л.: АН СССР, 1946. С. 63.

мая им натурфилософия вызывали ярость мракобесов. Его книги проникали в печать, лишь преодолевая мощное сопротивление цензуры. Во времена господства Магницкого и Рунича ученый попал в число лиц, объявленных неблагонадежными вольнодумцами, чуть ли не моральными предтечами 14 Декабря³⁰.

Мы не располагаем документальными данными о встречах и беседах Пушкина с Велланским, но их возможность и даже высокая вероятность очевидна. Достаточно вспомнить, что в 1830 г. «Литературная Газета» при явном участии поэта поместила статью Велланского (об этом — дальше), что Пушкин и Велланский — участники субботних собраний у В. Ф. Одоевского, что поэт глубоко интересовался животным магнетизмом, теоретиком и апологетом которого был Велланский. Осенью 1836 г. Велланский выпустил книгу «Основное начертание общей и частной физиологии или физики органического мира». В своем журнале «Современник» Пушкин в разделе «Новые книги» поместил извещение о ее выходе, причем эта книга — одна из немногих (28 из 215), отмеченных звездочкой, а как указывалось в первом томе «Современника», «книги, отмеченные звездочками, будут впоследствии разобраны». Правда, в третьем томе своего журнала Пушкин оговорился, что «в списке вновь вышедшим книгам звездочкою отмечены были у издателя те, которые показались ему замечательными или которые намерен был он прочитать, но не предполагал отдавать о всех их отчет публике: многие не входят в область литературы, о других потребны сведения, которых он не приобрел»³¹. Книга Велланского отмечена таким

³⁰ Каменский З. А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М.: Наука, 1980. С. 112—113.

³¹ *Современник*. 1836. Т. 3. С. 331.

ТАИСТВЕННАЯ, или КАВКАЗСКОЕ ИЩЕВІЕ. Фантастическая повесть, основанная на преданіяхъ Кавказскихъ Горцевъ. Въ 4-хъ частяхъ. С. П. Б.

АДЪЛЪ. Повесть въ шестидесяти С. П. Б.

* ЖИЗНЬ НАШАЛЕОНА БОНОВАРТУ, шпортера Французовъ. Соч. Сира Балгера - Скотта. Переведъ съ Англійскаго С. де Шанелью. Томъ Первый. Часть: 1, 2, 3 и 4. С. П. Б.

* ОБОЗРѢНІЕ главнѣйшихъ дѣйствій геттера - ельдмаршала князя Варлаамскаго графа Пасквича - Эриванскаго противъ Турокъ въ Азіи. Сочиненіе генерала Валентина. Переводъ командира Ахиллова. С. П. Б.

* СТРАНСТВОВАНІЕ Талемака, сына Улесава. Соч. Фесилова. Переводъ, пересмотрѣнный А. Очиннымъ. Въ 2-хъ частяхъ. С. П. Б.

ДЕКОНОВЪ ГОРОДСКАГО и СЕЛЬСКАГО ЗОЛѢЙСТВА, составленный Иваномъ Ануфьевымъ. Вышедше 4 тома при подпискѣ раздается, а въ остальные 8 томовъ выйдетъ бысть. М.

АНТИАНТЕ. Кастильскій. Историческій романъ. Соч. Герихонинъ Абраматтесъ. Переводъ съ Французс. 4 ч. М.

ПРОБУЖДА СЪ ДѢТЬМИ по осемному шару. Виктора Гурлямова. Первое второе, исправленное. С. П. Б.

* КАВАЛЕРІЯ, — дѣвица, промисленная въ Россіи, въ 2 част. Издатель Иванъ Гутковский С. П. Б. При подпискѣ 4 ч. выдѣтся, а на 2 бысть.

Подъ снѣмъ заглавіемъ выдѣтся въ сѣбѣ всѣмъ томъ записокъ П. А. Ауриной. Читателю «Современника» выданъ уже отрывокъ изъ этой книги. Она офрандана безъ сомнѣній предѣсть этого искренняго и небрежнаго рассказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылала героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семь первыхъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Императрицы Александры. Ожидается появленіе послѣднихъ томовъ, дабы подробнѣе разобрать книгу, дабы читателю было по весьма отношеніямъ.

КНИЖКА—МАЛЮТКА, для милыхъ малютокъ. Издатель Оксфордъ Пискоу. С. П. Б.

* ОСНОВНОЕ НАЧЕРТАНІЕ ОБЩЕЙ и ЧАСТНОЙ ФИЗІОЛОГІИ или ФІЗИКИ ОРГАНИЧЕСКАГО МИРА, соч. Данииломъ Велланскимъ. С. П. Б.

* Очеркъ исторіи города Кіева, составленный И. Завервскимъ. Рувиль.

Руководство для родителей, желающихъ обучить дѣтей своимъ въ мѣсто учебнаго заведенія. С. П. Б.

ИЗМѢРЕНІЯ домовъ въ С. Петербургѣ, съ планомъ. С. П. Б.

Страница
IV тома
журнала
«Современникъ»
с информаций
о выхое книги
Д. Велланскаго.
1836.

значком в IV томе «Современника», т. е. уже после этого заявления Пушкина. Так или иначе, звездочка указывала на несомненный интерес Пушкина к этой книге, на то, что она «показалась ему замечательной».

Пушкину должно было импонировать в ней прежде всего то, что, в отличие от обычных посвящений ученых трудов вельможам в надежде на их покровительство, автор посвятил свою книгу «Юным Россиянам, занимающимся Физическими и Психическими науками и желающим иметь высшее, истинное познание органической Природы и Существа человеческого». Прочсть эту книгу поэт, вероятно, уже не успел, но нужно думать, что основные ее положения сложились в уме Велланского уже давно, и именно в таком виде они могли стать известны Пушкину.

По Велланскому, вся природа едина, поэтому общую физиологию составляет «умозрительное познание неорганической природы» и «теория органического мира», к которому принадлежат растения и животные, изучаемые зоологией и антропологией. Строение тела человека близко к животным, поэтому рассматривается в зоологии, в антропологии же рассматриваются свойства, присущие только человеку, в основном — «психическая сфера существа человеческого».

По Велланскому, существуют три степени психической сферы: воображение, душеразположение (настроение. — *С. Г.*) и фантазия. Для Пушкина несомненный интерес должны были представлять мысли Велланского о творчестве, в частности, соображения о различии между стихами и прозой, между талантом и гением. «Талант, — писал (говорил? — *С. Г.*) Велланский, — дан в удел не многим... С настоящим талантом сопряжено сильнейшее воображение и пронизательнейшее суждение. Талант творит сам произведения свои в известном круге Наук и Искусств, но подражательным образом... Гений, по умственным его идеям и творче-

ской силе фантазии, столь возвышен над талантом, сколько талант... превосходит понятливость... Поелику гений выше таланта, то первым одарены весьма немногие и редко находятся оба в одной персоне... Гений содержится к таланту, как беспредельное к ограниченному; и гений есть талант в его беспредельности, а талант составляет ограниченный гений»³².

А вот как Велланский трактует разницу между стихами и прозой: «Стихотворение есть плод фантазии, волнуемой в океане неопределительных идей; а прозаическая речь, как произведение определенных понятий, течет известными струями к предназначенной цели. Достоинство стихотворения состоит в остроумных вымыслах, украшенных кадансами и рифмами стихов; но важность прозаической речи зависит от основательного доказательства и ясного изложения предлагаемых суждений»³³. Эти слова невольно заставляют вспоминать заметку молодого Пушкина: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое...» (XI, 19). Это было написано в 1822 г. Не повторил ли их поэт много лет спустя в присутствии Велланского? И не был ли в таком случае не только ученый источником идей для поэта, но и поэт — для ученого?

Наиболее частыми и долгими в последние пять лет жизни Пушкина были встречи с И. Т. Спасским.

Иван Тимофеевич Спасский (1795—1861), профессор Медико-хирургической академии, пользовался, по словам современников, большой популярностью как среди врачей, так и среди публики.

³² [Велланский Д.] *Основное начертание общей и частной физиологии, или физики органического мира, сочиненное...* Даниилом Велланским. СПб., 1836. С. 248—250.

³³ Велланский Д. М. Указ. соч. С. 204.

Н. И. Пирогов, довольно критически относившийся к большинству своих коллег, называет его среди немногих «дельных представителей медицины» того времени, считает его доброй душой, но при том — человеком, не имевшим твердых убеждений. Живой, талантливый, увлекающийся, Спасский окончил с золотой медалью Медико-хирургическую академию и вскоре был в числе десяти выпускников послан на четыре года за границу для усовершенствования в зоологии, сравнительной анатомии, физиологии и диететике. Там он вступил в масонскую ложу.

Вернувшись в Россию, молодой ученый получил должность адъюнкта по кафедре зоологии и минералогии и вскоре стал профессором. В 1833 г. он перешел на кафедру общей терапии и фармакологии. По словам его учеников, Спасский владел даром слова и был «одним из лучших русских профессоров, у которых студенты того времени многому научились»³⁴. Учились у него не только врачи. В. В. Стасов рассказывал, что в Училище Правоведения, где Спасский читал судебную медицину, его лекции вызывали «жгучий интерес», от них «широко раскрывались глаза, и никого уже не было, кто бы читал постороннюю лекцию»³⁵. Это объяснялось не только характером читавшейся Спасским дисциплины, но и его ораторским искусством.

С момента приезда Пушкина с женой в Петербург Спасский становится их постоянным домашним врачом. Он лечит Наталию Николаевну, детей; по совету поэта к Спасскому обратилась, заболев, его мать. Даже в отсутствие жены Пушкин советуется со Спасским о ее

³⁴ *Здекауэр Н. Ф.* Имп. Медико-хирургическая Академия. — Русская Старина. 1891. № 4. С. 121.

³⁵ *Стасов В. В.* Училище Правоведения в 1836—1843 гг. — Русская Старина. 1881. Июнь. С. 252—253.

здоровье и пересылает ей заочные инструкции и рецепты Спасского (XV, 128, 143, 149, 162). По-видимому, его рекомендации определили неоднократные напоминания в письмах Пушкина жене, ожидавшей ребенка, о необходимости два часа в сутки ходить по комнате (XIV, 246, 249), не стягиваться, не сидеть поджав ноги (XIV, 248).

Взаимоотношения Пушкина со Спасским не ограничивались медицинской помощью. В одном из писем жене поэт писал: «Послезавтра обедаю у Спасского» (XV, 143).

Когда раненого Пушкина привезли домой, тотчас послали за Спасским. Тот, по его словам, не медля отправился и затем почти не покидал дома поэта до самой его смерти. Позже Спасский получил от вдовы Пушкина на память его трость с серебряным набалдашником.

Разносторонне образованный, знаток классической и современной медицинской литературы, Спасский был интересным собеседником. Его коллеги-врачи отмечали «замечательную изящность», ясность, краткость и «отчетность» слога его статей на медицинские темы. В них ученый ссылался на художественные произведения, мемуары и т. п. В медицинских вопросах он разделял прогрессивные взгляды. Так, в период широкого распространения идеалистических представлений о существовании так называемой врачующей силы природы (*vis medicans naturae*) Спасский дал материалистическое объяснение этой «силе». Он видел в ней совокупность условий, способствующих выздоровлению больного, среди которых и «надлежащая степень органического противодействия» (по нынешней терминологии — резистентность. — *С. Г.*) организма, и лечебные воздействия извне, в частности лекарственные. В эпоху общего неумеренного увлечения сложными лекарствами Спасский выступил против «рецептов в аршин

длиной». Он писал: «Чем проще врачебное предписание, тем оно лучше». Вместе с тем он признавал необходимость в ряде случаев и сложных лекарств и формулировал условия, в которых они нужны. Чрезвычайно интересны его рассуждения о роли врача в обществе и в помощи правительству, ибо врач указывает «на причины, оказывающие вредное влияние на здоровье целой страны», и — главным образом — в помощи отдельным лицам. «Врач, — писал он, — должен быть всегда готов идти на помощь ближнему... Ни время года, ни время дня не освобождают его от этой обязанности. И в бурю, и в стужу, и в дождь, и в зной он не может и не должен отказываться спешить туда, где страждущие ждут от него и советов и деятельного пособия».

Спасский говорил о трудностях врачебной деятельности и, опираясь на данные статистики, показывал раннюю смертность среди врачей. Вопреки заявлению Стасова о «сильной привязанности Спасского к пациентам из князей и графов», он напоминал, что, хотя врачу «открыт вход и в хижину бедняка и в жилище вельможи, в том и в другом он должен видеть лишь больного и нигде не забывать важность своего назначения». Выступал он и в защиту врачей от невежественных нападок публики.

Эти мысли Спасский излагал в своих статьях в медицинских журналах³⁶ и в Энциклопедическом лексиконе Плюшара³⁷. Можно предположить, что он выска-

³⁶ *Спасский И. Т.* Выгоды сложных врачебных предписаний. — Военно-медицинский журнал, 1835. Ч. 25. № 3. С. 395—402; Болезнь. Исцеление. Лечение. — Там же. Ч. 26. № 1. С. 125 сл. Там же. Ч. 26. № 2, 3 и др.

³⁷ *Энциклопедический лексикон.* Т. 12. СПб., 1838. Статьи: Врачующая сила природы (с. 138—139); Врач (с. 139—140).

зывал их и в беседах с Пушкиным, и они не могли не сказаться на изменении взглядов поэта на врачей в последние годы его жизни.

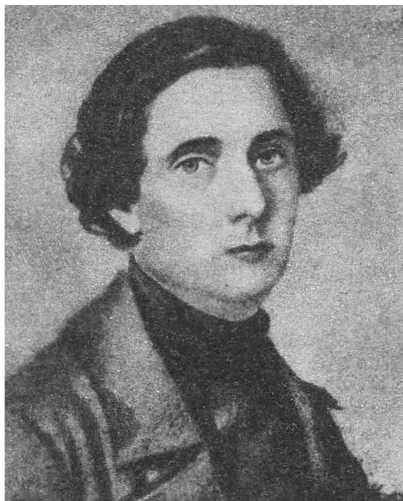
На этих страницах должен быть назван и последний спутник Пушкина в жизни — В. И. Даль.

В л а д и м и р И в а н о в и ч Д а л ь (1801—1872) известен всем как автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка», меньше знают о нем, как о плодовитом писателе, и лишь немногие помнят, что он был врачом, свидетелем последних минут Пушкина.

Сын морского врача, Даль сперва собирался посвятить себя морской службе. Он окончил Морской корпус и некоторое время служил офицером флота, но затем вышел в отставку и поступил на медицинский факультет Дерптского университета. За три года закончив университет, он выдержал экзамен на доктора медицины и хирургии и защитил диссертацию. Но вместо профессорской кафедры очутился в действующей армии военным врачом, участвовал в турецкой и польской кампаниях 1829—1831 гг. Там ему пришлось много оперировать, а однажды он выполнил такую необычную «операцию», как руководство постройкой временного моста для перехода наших войск и уничтожением этого моста, предотвращающим возможность их преследования. Впоследствии Даль описал эту операцию в специальной брошюре³⁸, которая сохранилась в библиотеке Пушкина.

Вернувшись из армии, Даль стал ординатором Петербургского военного госпиталя и скоро приобрел известность как искусный хирург; особенно его прославили глазные операции. Он, по-видимому, был разно-

³⁸ *Описание* моста, возведенного на реке Висле для перехода отряда генерала-лейтенанта Ридигера. СПб., 1833.

В. И. Даль. 1830-е гг.

сторонне одаренным человеком. Недаром Н. И. Пирогов, скупой на похвалы, писал о Дале, с которым вместе учился в Дерпте: «Это был замечательный человек... Это был прежде всего человек, что называется, на все руки. За что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить»³⁹. Видимо, отвечая своим завистникам и недоброжелателям, Даль предпослал эпиграфом к своей брошюре поговорку А. В. Суворова: «Сегодня счастье, завтра счастье, — помилуй бог! Надобно сколько-нибудь и ума».

³⁹ *Пирогов Н. И.* Севастопольские письма и воспоминания. М.: АН СССР, 1950. С. 326.

Успешная хирургическая практика не заслонила для Даля неудовлетворенности общим состоянием современной ему (и Пушкину! — С. Г.) медицины. В газете «Северная Пчела» он выступил со статьей «Слово медика к больным и здоровым» (1832, № 127—128), подписав ее *Владимир Луганский, отставной флота лейтенант и доктор медицины*. Появление под статьей литературного псевдонима указывало на переход Даля от медицины к литературе, но в ней отражены соображения Даля-врача. Они были в достаточной степени горькими. Он говорил о недобросовестности врачей, вынужденных выписывать ненужные, а иногда и вредные лекарства в угоду невежественным больным, видящим в лекарствах единственное средство к выздоровлению. Даже гомеопатическое лечение, по его мнению, полезнее или, во всяком случае, менее вредно, поскольку лекарства при нем даются в огромном разведении и поэтому «силою действия равны нулю».

Как видно уже по этим последним словам, гомеопатию Даль отрицал. Он выступил против ее приверженцев с едким памфлетом, характер которого ясен из самого названия («Самуил Ганнеман, Pseudomessias Medicus, всеразводитель. Критическое очищение и омоложение врачебных конюшен Авгия, наименованных „Органон Врачебной Науки; способ гомеопатического врачевания тож“») и из эпитафии «Дураку закон не писан»⁴⁰. Спустя некоторое время, однако, Даль, по совету кого-то из своих друзей проведя несколько опытов лечения гомеопатическими средствами, изменил свое отношение к ней и публично в этом признался⁴¹. Это произошло уже после смерти Пушкина

⁴⁰ *Сын Отечества*. 1833. Ч. 34. С. 347—358. Ч. 35. С. 28—33.

⁴¹ *Современник*. 1838. Т. 12. С. 43—72.

и могло бы быть не отмечено нами, но это характеризует добросовестность Даля как врача и человека.

Пушкин познакомился с Далем во время пребывания того в Петербурге в 1832—1833 гг. Даль в это время опубликовал и принес Пушкину первый выпуск своих сказок. Поэт заинтересовался и литературным творчеством молодого врача, и, главным образом, вниманием его к народным выражениям и пословицам. Общение Пушкина с Далем в этот период было сравнительно кратковременным: через полгода Даль уехал в Оренбург, став чиновником особых поручений при Оренбургском губернаторе В. А. Перовском. Случилось так, что вскоре в Оренбурге оказался и Пушкин, приехавший собирать материалы о восстании Пугачева. Он пробыл в Оренбургской губернии всего пять дней, и эти дни прошли в непрерывном общении с Далем и беседах с ним. Они подружились. В декабре 1836 г. Даль прибыл по служебным делам в Петербург. До смерти Пушкина оставался один месяц. В это время поэт часто виделся с Далем и много беседовал с ним. Даль, объездивший всю Россию, в бытность мореплавателем посетивший за границу, писатель, собиратель и толкователь слов, к тому же искусный и думающий врач, был, конечно, интересным собеседником для Пушкина. Их разговоры вращались главным образом вокруг вопросов литературы и языка, но не исключено, что затрагивались и вопросы медицины и медицинского фольклора. Богатейшее собрание пословиц и поговорок, составленное Далем, содержит особый раздел «Здоровье — Хворь». В нем отражены народные представления о болезнях и о здоровье, возникшие на основе многовековых наблюдений, снискавших, как известно, доверие Пушкина. Некоторые из них в известной мере совпадали со взглядами самого поэта, такие, например, как «Кто лечит, тот и увечит» или «Не спрашивай здоровья, а глянь в лицо».

Узнав о смертельном ранении Пушкина, Даль поспешил к нему и оставался рядом до самой его смерти. Далю принадлежит подробная записка о последних днях поэта.

Мы упомянули некоторых наиболее интересных медиков — собеседников Пушкина и тех, с кем в той или иной мере сводила его судьба. Конечно, общение с ними не могло не повлиять на естественнонаучные взгляды поэта. Но главным источником знаний, в том числе и медицинских, было для Пушкина чтение.

Хрестоматийное изречение «Чтение — вот лучшее учение» принадлежит Пушкину (XIII, 42); оно адресовано брату Льву. Поэт имел право на такую заповедь, ибо сам он был «великий чтец». П. В. Нащокин, ближайший его друг, говорил: «Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности»⁴². Нащокин вспоминал, что поэт «почти постоянно держал при себе в карманах одну или две книги, и в свободное время, затихнет ли разговор, разойдется ли общество, после обеда — принимался за чтение»⁴³. Рассмотрим круг пушкинского чтения с точки зрения интересующей нас темы.

Немалую роль в приобщении Пушкина к вопросам медицины играли журналы. Специальных периодических медицинских журналов, таких как «Военно-медицинский журнал», «Друг Здравия», «Вестник естественных наук и медицины», он, конечно, не читал. Но в первой трети XIX в. общая и специальная печать еще не были разделены в такой степени, как это произошло позже: общие журналы уделяли достаточно

⁴² *Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925. С. 39.*

⁴³ *Там же. С. 47.*

внимания популяризации науки, в том числе медицины, и публиковали специальные статьи и рецензии на научные, в частности медицинские, книги.

Пример тому — «Вестник Европы». За годы его существования (1802—1830), особенно в период расцвета, в 1815—1825 гг., на его страницах было напечатано много серьезных статей, в том числе на естественнонаучные и медицинские темы. Доброго слова заслуживает в этом смысле и «Московский Телеграф». Стремясь дать своим читателям как можно больше самых разнообразных сведений, этот журнал помещал на своих страницах много статей и материалов научно-популярного характера. А. Бестужев шутил, что «Московский телеграф» «извещает и судит обо всем, начиная от бесконечно малых в математике до петушьих гребешков в соусе или до бантиков на новомодных башмачках»⁴⁴. Кроме того, журнал печатал отзывы на многие русские и иностранные книги и даже статьи, и эти отзывы давали достаточно полное представление о содержании и характере обсуждаемых публикаций, в том числе и медицинских.

И наконец, «Сын Отечества». За 25 лет, прошедших от его основания (1812) до смерти Пушкина, в нем появилось свыше 90 публикаций по естествознанию и медицине. И хотя Н. В. Гоголь в первом томе пушкинского «Современника» довольно непочтительно отозвался о «Сыне Отечества» — постоянном литературном противнике Пушкина: «... худенькая тоненькая книжечка в три листа, начинавшаяся статьею о каких-нибудь болезнях, которой не читают даже медики»⁴⁵, — великий писатель был не вполне

⁴⁴ *Полярная Звезда* на 1825 год. С. 22.

⁴⁵ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: АН СССР, 1952. Т. VIII. С. 163.

прав. Среди публикаций этого журнала были и серьезные материалы на актуальные темы — о магнетизме, холере, гомеопатии и др.

На страницах общих журналов порою вспыхивала острая полемика на медицинские темы в виде критики и «антикритики» по поводу различных событий, специальных книг и статей. Так, в 1829 г. «Сын Отечества» поместил критическую статью о книге доктора Е. Смельского «Диететика юношества», затем — ответ Смельского на эту статью и ответ автора статьи на этот ответ.

Кстати сказать, дважды за краткий срок своего существования в такой полемике участвовал и литературный рупор Пушкина «Литературная Газета». В 1830 г. Н. Греч поместил в «Северной Пчеле» статью, содержащую неумеренные восторги по поводу произведенной недавно приехавшим из Франции доктором Сатом операции камнедробления (литотрития) в мочевом пузыре ⁴⁶. Эта публикация вызвала возражения со стороны преподавателя истории, литературы и энциклопедии медицины Медико-хирургической Академии доктора Штюрмера, уличившего Греча в ряде ошибок. Греч в свою очередь ответил Штюрмеру «антикритикой», полной насмешек и обидных выпадов ⁴⁷. «Северная Пчела» также не раз возвращалась к операции д-ра Сата, и тогда «Литературная Газета» предоставила Штюрмеру свои страницы для пространного ответа. Вопреки Сату и «Северной Пчеле», доказывавшим полную неосведомленность русских врачей в предлагаемом «новом» методе оперативного лечения мочекаменной болезни, д-р Штюрмер на страницах «Литературной Газеты» утверждал, что подобные операции

⁴⁶ *Северная Пчела*. 1830. № 69, 70.

⁴⁷ *Сын Отечества*. 1830. № 34. С. 40—52.

производились в России и ранее и что необходимые для нее инструменты «изготавливались на Аптекарском острове долго до прибытия к нам г. Сата». Штюрмер был прав. За два года до приезда д-ра Сата в московском журнале «Вестник естественных наук и медицины» было напечатано описание такой операции и рекомендация применять ее⁴⁸, а спустя месяц — советы о способах ее выполнения⁴⁹. В данном, однако, случае важно другое: статье Штюрмера было предпослано Введение издателя Газеты (Дельви́г или Сомов), которое начиналось следующим образом: «Целое прошедшее лето на полях Русской Литературы кипела неукротимая, но полезная для науки война между издателем Северной Пчелы и Петербургскими медиками...» «Полезной для науки» эта «война» была не только выяснением истинной ценности предложенной Сатом замены удаления камней из мочевого пузыря их раздроблением и даже не защитой престижа русской медицины. Польза ее четко определена в том выводе, который сформулировала «Литературная Газета» в конце цитированного Введения. Он значительно шире обсуждавшейся конкретной темы: «Пока мы, откинув в сторону все смешные и неприличные выходки обеих партий, почерпнули из спора сего следующую истину: хороший медик или хирург не должен держаться одной какой-нибудь системы, одного способа; нет, ему нужно все системы, все способы знать и не больных подводить под один закон, а к больному приравливать многообразные свои знания»⁵⁰.

К этому выступлению «Литературной Газеты» Пушкин отношения не имел: в октябре 1830 г. он то-

⁴⁸ *Вестник естественных наук и медицины*. 1828. № 5. С. 50—59.

⁴⁹ *Там же*. 1828. Октябрь. С. 139—147.

⁵⁰ *Литературная Газета*. 1830. № 51.

мился в Болдине и в издании газеты не участвовал, поэтому цитированное Введение к письму Штюмерера интересует нас лишь как свидетельство взглядов его ближайших соратников и единомышленников. Но за несколько месяцев до того, в феврале 1830 г., когда основная роль в подготовке и выпуске «Литературной Газеты» принадлежала Пушкину⁵¹, газета также откликнулась на животрепещущие медицинские события. В это время внимание петербургского общества привлекли магнетические опыты некоей Турчаниновой, которая, по словам современников, «почувствовала в себе магнетическую силу лечить горбатых и коротконогих и приехала в Петербург заняться этим»⁵². Ей верили многие представители петербургского «света», и на ее сеансы собиралось много народа. Выходившая в Петербурге французская газета «Le Furet» (1830. № 9) в фельетоне «Le Regard» высмеяла А. Турчанинову и ее «лечение». В ответ на это на страницах «Литературной Газеты» (1830. № 16) появилась большая статья акад. Д. Велланского, бывшего, как уже говорилось, горячим приверженцем животного магнетизма. О взглядах Пушкина на эту проблему будет сказано дальше, здесь же хотелось бы только процитировать примечание издателя, сопровождающее статью Велланского: «Благодарим почтенного Автора за доставление сей статьи в нашу газету. Кому, как не глубокомысленному физиологу, должно было подать голос о столь замечательном явлении, возбуждающем всеобщее внимание?».

⁵¹ «Скучно издавать Газету одному», — писал Пушкин П. Вяземскому в январе 1830 г., сетуя на отсутствие в Петербурге А. Дельвига и на слабую помощь Ореста Сомова: «Все Оресты и Пилады на одно лицо» (XIV, 61).

⁵² *Записки* Н. И. Мордвиновой. — Русский Архив, 1833. № 1. С. 189.

Наконец, книги.

Пушкин был страстным книголюбом и книгоцеем, и мы лишены возможности даже предположительно представить себе круг читанных им медицинских книг. В том же, что таких книг было немало, убеждает нас наличие их в личной библиотеке поэта. Конечно, книги пушкинской библиотеки не могут рассматриваться только как источник медицинских сведений, но наличие в ней книг, очень далеких от основной сферы деятельности их владельца, бесспорно помогает проникновению в круг его интересов. Недаром такой известный пушкинист, как М. А. Цявловский, считал, что тема «Медицинские книги в библиотеке Пушкина» заслуживает специального исследования. Оно не может ограничиться библиографическим описанием, а должно включить характеристику соответствующих книг из этой библиотеки, попытку определить, чем то или иное издание могло привлечь внимание поэта, и, наконец, выяснение того, какое отражение нашло содержание отдельных книг в его жизни, мыслях и творчестве.

Такое исследование М. А. Цявловский много лет назад завещал выполнить мне. Пусть же очерк о медицинских книгах из библиотеки Пушкина, включенный в данную работу в сокращенном виде, станет моей данью памяти патриарха советского пушкиноведения.

Библиографическое описание пушкинской библиотеки выполнено в свое время Б. Л. Модзалевским⁵³. Оно включает более полутора десятков книг, созданных врачами. Судя по датам издания, большинство из них приобретено в 30-е годы XIX в. Учитывая разрушительные воздействия, которым подвергалась библиоте-

⁵³ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. 9—10. СПб., 1910.

ка поэта с момента смерти ее владельца до поступления в Пушкинский Дом, где ее изучал Б. Л. Модзалевский, можно предположить, что она изначально была на много богаче, в том числе включала больше и медицинских книг. С другой стороны, нельзя не учитывать и возможность зачисления в опубликованную Модзалевским опись книг, поступивших в библиотеку уже после смерти Пушкина. Так или иначе, сохранившиеся в этой библиотеке книги, относящиеся к медицине, заслуживают нашего внимания.

Чем могли они привлечь интерес Пушкина?

Первым, естественно, возникает предположение, что эти книги служили их владельцу пособием при лечении родных или домочадцев. Первая треть XIX в. — это время, когда еще широко применялось самостоятельное врачевание с помощью всевозможных так называемых лечебников. Недаром журналисты отмечали, что «от размножившихся домашних лечебников мы не знаем, куда деваться»⁵⁴. Это предположение, однако, отпадает: к категории лечебников в библиотеке Пушкина принадлежит лишь «Домашний лечебник» Х. Пекена⁵⁵, купленный, по-видимому, у букиниста, — подмоченная и поеденная мышами книга в старинном кожаном переплете. В качестве же руководства к врачеванию Пушкин с большим успехом мог воспользоваться более современным изданием подобного рода.

Отпадает и возможное предположение, что медицинские книги попали в библиотеку Пушкина в связи с изданием журнала «Современник», когда по обя-

⁵⁴ *Северная Пчела*. 1825. № 123.

⁵⁵ [Х. Пекен.] *Домашний Лечебник или Простой способ лечения*, сочинен Христианом Пекеном Медицины Доктором и Коллежским Советником... В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук 1765 года.

занности редактора он должен был быть в курсе всех выходящих книжных новинок. Во-первых, почти все имевшиеся у него издания по медицине опубликованы задолго до начала выхода «Современника», а во-вторых, у него не было обыкновения покупать книжные новинки только для поверхностного знакомства с ними: для этого он избрал другой путь.

Один из книгопродавцев того времени рассказывал, что Пушкин часто заходил к нему: «Когда издавал журнал „Современник“, ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в его журнале; иногда ему приходила охота острить у Лисенкова в магазине над новыми сочинениями, взявши книгу в руки в прозе, быстро пробежал ее, читая гласно одно лишь предисловие, и по окончании приговаривал, что он имеет об ней полное понятие»⁵⁶. Это в известной степени подтверждается тем, что в сохранившейся библиотеке Пушкина не оказалось ни одной книги из тех, о выходе которых он извещал в отделе «Новые книги» своего «Современника».

Поэтому нужно думать, что медицинские книги попали в библиотеку Пушкина потому, что они в силу тех или иных причин привлекли его внимание. И если некоторые из них сохранились в его библиотеке нечитанными и даже неразрезанными, то это не должно нас смущать. Можно согласиться с предположением Б. Л. Модзалевского, что Пушкин, мечтая удалиться из Петербурга в деревню, покупал книги «впрок» с тем, чтобы прочесть их позднее⁵⁷. К тому же среди приобретенных им книг скорее всего были и прочитанные

⁵⁶ Лисенков И. Т. Воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах. — В кн.: Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С. 67.

⁵⁷ Пушкин и его современники. Вып. 13, СПб., 1910. С. 108.

ранее, поэтому при рассмотрении медицинских книг из библиотеки Пушкина мы не будем придавать решающего значения числу разрезанных страниц и их содержанию при определении того, что именно интересовало в них поэта, но соответствующие сведения все же заслуживают внимания, поскольку документируют специальный его интерес к содержанию разрезанных страниц.

Нужно сказать, что не все книги из библиотеки Пушкина, написанные врачами, могут быть причислены к медицинским, т. к. зачастую они лишь мельком касаются вопросов медицины или совсем далеки от них.

К таким книгам прежде всего относятся описания путешествий, предпринятых в XVIII в. русскими учеными по заданию молодой Академии Наук: И. И. Лепехиным⁵⁸, П. Палласом⁵⁹, С. Крашенинниковым⁶⁰.

Иван Иванович Лепехин, один из первых русских академиков-врачей, доктор медицины, ботаник и этнограф, человек очень незаурядный и занимающий почетное место в истории русской культуры, привлекал внимание Пушкина как первый неперемный секретарь Российской Академии, членом которой был и Пушкин. В заседании Российской Академии 18 января 1836 г. он опровергал некоторые детали биографии Лепехина, изложенной В. А. Поленовым, но в лепехинских «Дневных записках Путешествия» поэта привлекли главным образом не разбросанные на их страни-

⁵⁸ [Лепехин И.] Дневные записки путешествия Доктора и Академии наук Адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского Государства. Ч. 1—3, СПб., 1771—1780.

⁵⁹ П. С. Палласа, Доктора медицины, Профессора натуральной истории Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. 1—3, СПб. 1773—1788.

⁶⁰ [Крашенинников С.] Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым. Ч. 1—2. СПб. 1786.

цах замечания медицинского характера, а описания городов и сел, быта и нравов российских провинций екатерининского времени. Особое внимание поэта привлекли страницы, посвященные тем местам, где разыгрывалось пугачевское восстание — предмет его специального изучения. Во втором томе сохранилась закладка между страницами, на которых описаны Башкирия, нравы башкир, железный завод Демидова.

«Описание земли Камчатки» С. Крашенинникова было внимательно изучено и прокомментировано Пушкиным (X, 343—367), но и здесь его интересовали не медицинские наблюдения путешественника.

Пушкинская библиотека содержит и книги иностранных врачей — Леклерка ⁶¹, Гаттри ⁶², Дуппе ⁶³, О'Мира ⁶⁴.

Н. - Г. Леклерк (Nicolas-Gabriel Leclerc, 1726—1798) — французский врач, начавший службу в России в середине XVIII в. в качестве домашнего врача К. Г. Разумовского и достигший избрания почетным членом петербургской Академии Наук. К чести его должно быть упомянуто, что ему принадлежит

⁶¹ *Le Clerc*. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Paris, 1783; Idem. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. Paris, 1783.

⁶² [*Guttrie M*]. *Dissertation* sur les antiquités de la Russie. Par Matthieu Guttrie. Traduit sur son ouvrage Anglais. SPB, 1796.

⁶³ [*Doppet*]. *Memoires* politiques et militaires du Général Doppet. Avec des notes et des éclaircissements historiques. Paris, 1824.

⁶⁴ [*O'Meara*]. *Napoléon* en exil ou L'écho de S-te Hélène, ouvrage contenant les opinions et les reflexions de Napoléon sur les evenements les plus importants de sa vie et de son gouvernement, recueillis par Barry E. O'Meara, son dernier chirurgien. Bruxelles, 1824.

первое в России «похвальное слово» Ломоносову, произнесенное через несколько дней после смерти великого ученого. Будучи в России, он не столько занимался врачебной деятельностью, сколько интересовался населением страны, бытом, нравами, обычаями, но, по выражению одного из современников Пушкина, «на все глядел сквозь закопченное стекло». В этом же духе он написал свою на шумевшую «Историю древней и новой России», вызвавшую известные полемические «Замечания» Болтина. Внимательно изучая историю России, Пушкин не мог не заинтересоваться трудами Леклерка.

Не имеет медицинского характера и книга М э т ь ю Г а т т р и. Автор ее — шотландский врач, служивший в России во второй половине XVIII в. В противоположность Леклерку и многим другим иностранцам, писавшим о России, Гаттри очень доброжелательно относился к чужой ему стране и в своих корреспонденциях из Петербурга в Англию охотно подчеркивал положительные черты в русских нравах и обычаях. Его книга, написанная в России в «краткие часы досуга», содержит материалы о русских народных песнях, плясках, музыкальных инструментах, праздничных обычаях. Гаттри пришел к выводу, что нравы и обычаи древних русских и древних греков сходны, что в его глазах — высшая похвала. Он резко отзывался о путешественниках, которые «*se galorent*» по России, не дают себе труда познакомиться поглубже со страной и ее народом и затем клеветают на них.

Автор «Политических и военных мемуаров» литератор и генерал войск революционной Франции Ф. А. Д о п п е (*François Amedée Doppet*, 1753—1800) хотя и был врачом по образованию, но в книге, сохранившейся в библиотеке Пушкина, он лишь в 1-й главе бегло сообщает о своих занятиях медициной перед Великой Революцией. В целом же повествование далеко от медицины.

Лишена медицинского содержания и книга О' М и р а. Ирландец по происхождению, английский военный врач Барри О'Мира был прикомандирован к Наполеону с момента его отплытия от берегов Англии на остров Святой Елены. Проведя с изгнанником три года, он написал воспоминания, проникнутые явным сочувствием к низложенному императору, в которых попытался воспроизвести все сказанное ему Наполеоном во время их частых бесед. Об этой книге, между прочим, очень высоко отозвался Вяземский в статье, помещенной в 1-м томе «Современника»⁶⁵.

В книге ирландского врача «хранили многие страницы отметку» пушкинского карандаша, но все отчеркнутое касается далеких от медицины вопросов.

Среди книг пушкинской библиотеки, написанных врачами, но не имеющих медицинского характера, должна быть названа и упоминавшаяся брошюра В. И. Даля. Об обстоятельствах, вызвавших ее создание и свидетельствующих о находчивости Даля и разнообразных его способностях, сказано раньше.

Что же касается до собственно медицинских книг, бывших в библиотеке Пушкина, то некоторые из них представляли для него, по-видимому, исторический интерес.

К ним относятся упомянутый «Лечебник...» Пекена и особенно — «Описание моровой язвы»⁶⁶. В этой кни-

⁶⁵ Впрочем, в современной историографии эта книга получила достаточно критическую оценку. Так, академик Е. В. Тарле отзывался о ней как о вполне недостоверной. (Тарле Е. В. Наполеон. М.: АН СССР, 1957. С. 423).

⁶⁶ *Описание моровой язвы*, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год, с Приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений. По Всевысочайшему повелению напечатано 1775 года в Москве при Императорском Университете.

ге речь идет о жестокой эпидемии чумы, поразившей Москву в 1770—1772 гг. Это объемистый том в 650 страниц, содержащий рассуждение «О моровой язве вообще», затем — историю московской эпидемии, а также — в виде приложений — все «принадлежащие установления», т. е. подлинные документы, отражающие ход борьбы с эпидемией. Книга эта до сих пор является незаменимым источником сведений для лиц, изучающих как теоретические медицинские взгляды и представления в России XVIII века, так и практические мероприятия того времени, направленные на борьбу с эпидемией. Для историка и писателя эта книга содержит неисчерпаемый запас совершенно достоверных сведений о Москве XVIII века, ее улицах, населении и многих сторонах быта и нравов.

Известен интерес Пушкина к России той эпохи. В его библиотеке было множество книг, посвященных этому времени, в частности, таких, которые дают богатый материал для бытописателя. В этом же плане, по-видимому, привлекало его и «Описание моровой язвы».

Известен также специальный интерес Пушкина к восстанию Пугачева, плодом чего явилась «История Пугачева» и из нее возникшая повесть «Капитанская дочка». Упоминаемое же «Описание моровой язвы» относится ко времени, всего на два года предшествующему Пугачевскому восстанию. Пушкин, как известно, очень тщательно собирал материалы для своего исследования. Совершенно естественно, что встретившаяся ему у букиниста книга, служившая достоверным свидетельством об интересующем его времени и о событиях тех лет, в частности, — о чумном бунте, не могла не привлечь внимания поэта. Эту же роль — источника характерных бытовых деталей XVIII века — призван был, очевидно, сыграть и упомянутый «Лечебник...» Пекена.

Точных примет использования Пушкиным этих двух книг в его художественном творчестве нет, но можно предположить, что уже приводившееся нами определение уездного лекаря в черновых вариантах предисловия к «Повестям Белкина» как человека, весьма искусного в лечении закоренелых болезней — ногтеды, ломоты, почечуя и др. (VIII, 590), навеяно знакомством со старинным Лечебником. Эта версия становится особенно вероятной, если учесть, что перечисленные болезни упомянуты в письме к «Издателю» от «приятеля покойному родителю Ивана Петровича» (VIII, 60). Сам же Иван Петрович Белкин, по Пушкину, родился в 1798 г., так что приятель его отца вполне мог руководствоваться терминологией Лечебника 1765 года.

Черновой план «Истории села Горюхина» содержит запись: «Пожар. Соседи. Повальная болезнь» (VIII, 719). Поскольку эти заметки относятся к событиям жизни деда героя, а сам герой родился в 1801 г., то вполне допустимо, что под «повальной болезнью» подразумевается чума 1770—1772 гг. И пойдя повесть по намеченному плану, «Описание моровой язвы», несомненно, было бы использовано.

Опустошительная эпидемия холеры 1830—1831 гг. не могла не привести к появлению в библиотеке Пушкина книг, описывающих эту болезнь. Поэт был прекрасно осведомлен и о взглядах на происхождение холеры, и о мерах борьбы с нею (мы остановимся на этом подробно в дальнейшем), так что можно предположить, что книг о холере у Пушкина было несколько. Известна же только одна, изданная уже после окончания эпидемии, что свидетельствует о сохранении у Пушкина интереса к данной болезни: это сочинение Ф. Сентимера «Еще нечто о холере» (М., 1833). Автор его, «вольнопрактикующий врач», как он значится в Российском Медицинском списке и как он сам

назвал себя на титульном листе своей книги, в истории отечественной медицины обычно не упоминается. Между тем он был явно незаурядной личностью. Его книга очень невелика по объему, в ней всего 28 страниц. Она, по словам автора, представляет отрывок из большого труда, по-видимому, оставшегося незаконченным: другие сочинения этого автора в печати не появлялись.

Само название книжки указывает, что Сентимер противопоставлял свои взгляды на холеру общепринятым. Холера, однако, не является основной темой его книжки, по его мнению, эта болезнь послужила пробным камнем, обнаружившим пороки современной ему медицины: с одной стороны, увлечение ненаучными теориями, к которым он относит магнетизм, гомеопатию и т. п., а с другой — доверие к самым нелепым предрассудкам. «Неужели, — задает вопрос автор, — нет средней дороги между безглазую Практикою, похожею на смерть, и между могильною пустословною Теориею? <...>. Ежели мы будем смотреть на звезды, а не на страждущее лицо больного холерою, то разумеется, никогда не будем знать, как лечить от сей болезни».

В библиотеке создателя «Пира во время чумы» совершенно естественно наличие книги, посвященной той самой чумной эпидемии, о которой идет речь в пьесе. Это — английская «История великой лондонской чумы 1665 года, содержащая наблюдения и воспоминания о наиболее замечательных событиях общественной и частной жизни в течение этого ужасного периода, написанная горожанином, жившим все время в Лондоне»⁶⁷. Это сочинение, принадлежащее перу

⁶⁷ *The History of the Great Plague in London in the year 1665 containing Observations and Memorials of the Most Remarkable Occurences, both Public and Private, daring that Dreadful Period, by a Citizen who lived the whole Time in London.*

знаменитого Д а н и е л я Д е ф о, — одно из лучших его произведений, приравняваемое к «Робинзону Крузо». Писатель придал книге форму воспоминаний очевидца, на самом же деле это — мистификация: во время эпидемии 1665 г. Дефо было всего 4 года, и «История чумы», конечно, не воспроизводит личных впечатлений автора. Тем не менее она имеет характер подлинных мемуаров, что ввело в заблуждение известного английского врача XVIII в. Мида, который цитировал ее как достоверный рассказ очевидца. В пушкинское время книга эта трактовалась как мистификация, и лишь Вальтер Скотт причислял ее к «особому классу сочинений, которые относятся наполовину к художественной литературе, наполовину к истории». В начале XX в. было установлено, что Дефо включил в свою книгу подлинные документы, что делает ее достоверным источником сведений о лондонской эпидемии ⁶⁸.

⁶⁸ *Nicholson W.* The Historical Sources of Defoe's Journal of the Plague Year. 1920. Было высказано мнение (Н. В. Яковлев), что книга Дефо могла служить Пушкину одним из источников при работе над «Пиром во время чумы» (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.: АН СССР. Т. VII. С. 580). Это предположение, однако, опровергается рядом обстоятельств, прежде всего — датой выхода книги. Предположительно названный Б. Л. Модзалевским при библиографическом описании библиотеки Пушкина 1722 г. — это год первой публикации сочинения Дефо под несколько иным, по сравнению с представленным на интересующей нас книжке, названием, повторенным в неоднократных переизданиях (*A Journal of the Plague Year*). То же издание, которое сохранилось в библиотеке Пушкина, датируется предположительно 1830 г. (см. *British Museum Catalogue*. Vol. 21, p. 123). Следовательно, книга, скорее всего, попала к поэту уже после создания трагедии «Пир во время чумы», кроме того, никаких совпадений в ней с книгой Дефо нет. Более того, известно, что «Пир во время чумы» представляет перевод одного из актов пьесы Вильсона «Чумный город». Больше никакие источники Пушкину не потребовались и не были им использованы.

Две медицинские книги относятся к области венерологии. Первая из них — сочинение французского врача Л. Деланда «Онанизм и прочие любовные злоупотребления и их влияние на здоровье»⁶⁹. Книга эта, по словам автора, представляет попытку предостеречь молодежь от половых излишеств. Ее содержание шире ее названия: речь в ней идет об анатомии и физиологии генеративного аппарата, психофизиологии полового акта и содержатся сведения о вредных последствиях раннего начала половой жизни и половых излишеств, в частности — мастурбации. Хотя автор в предисловии и указывал, что преувеличение и запугивание в этом вопросе опасны и что все, к чему он стремился, — это только сказать правду, тем не менее — в силу ли некоторого увлечения своим похвальным намерением, в силу ли современного ему состояния знаний — он весьма расширил границы губительных последствий половых злоупотреблений и в том числе мастурбации, включив в них, кроме истощения, и эпилепсию, и косоглазие, и туберкулез, и астму, и «рахитизм» и т. д.

Другая книга — это *Code preservatif de la siphilis maladie vénérienne*. Книга не сохранилась в библиотеке поэта, хотя значилась в ее посмертной описи⁷⁰. Ни ее выходные данные, ни содержание неизвестны.

Интерес Пушкина к проблеме безумия, — на чем мы специально остановимся далее, — делает вполне объяснимым наличие в его библиотеке книги «Психологические заметки о безумии»⁷¹. Автор ее — Ф р а н с у а

⁶⁹ [*Delandes L.*] *De l'Onanisme et des autres abus vénériens, considérés dans leur rapports avec la santé. Par le Docteur Loop Delandes. Bruxelles, 1835.*

⁷⁰ *Модзалевский Л.* Библиотека Пушкина. Новые материалы. — Литературное наследство. Т. 16—18. М., 1934. С. 1018.

⁷¹ [*Leuret F.*] *Fragments psychologiques sur la Folie. Par François Leuret, Docteur en Medicine. Paris. 1834.*

Л е р е, известный французский психиатр, ученик знаменитого Ж. Эскироля. Эта книга принадлежит к числу его основных трудов. Она содержит много обстоятельно описанных примеров из клинической практики автора.

Книга состоит из двух разделов. Первый — «Умственное расстройство» (*Délire de l'intelligence*), второй — «Эмоциональное расстройство» (*Délire des passions*). В первом разделе представляет особый интерес глава «Патологические ассоциации или закрепление ошибочных идей», в которой автор, между прочим, упрекал ученых, отстаивающих свои «бредовые идеи». Во втором разделе речь идет о различных маниях — величия, преследования — и об ипохондрии.

В бывшем у Пушкина экземпляре разрезаны первые 36 страниц. Это первая глава первого раздела — «Бесвязность идей». На разрезанных Пушкиным и, можно думать, прочитанных им страницах находится, между прочим, горячая тирада против выдвинутой Гейнротом и распространенной в Германии реакционной доктрины, согласно которой сумасшедшие — не больные, а преступники, и потому их нужно не лечить, а наказывать. Этим, кстати, оправдывался обычай содержать их в цепях и в ужасных условиях. «Этот принцип ложен — восклицает Лере, — этот вывод ужасен. Самые умные, самые добродетельные люди могут потерять рассудок. Бывает даже, что именно избытку добродетели они обязаны болезнью»⁷².

Сочувственного внимания Пушкина, с таким состраданием описавшего безумие Евгения в поэме «Медный всадник», не могла не остановить и следующая мысль Лере: «Смеяться над больными — глупая жестокость; щадите их, ибо никто так не жалок, как они»⁷³.

⁷² *Leuret F. Op. cit. P. 21.*

⁷³ *Leuret F. Op. cit. P. 16.*

В библиотеке Пушкина сохранилась книга П. Н. Савенко «Кавказские минеральные воды» (СПб., 1828). Это изящная небольшого формата книжка, титульный лист которой украшен гравюрой И. Чесского по рисунку Ф. Сонцова.

Автор этой книжки — П е т р Н а з а р о в и ч С а в е н к о, профессор Медико-хирургической академии, летом 1827 г. посетил Северный Кавказ, детально познакомился с минеральными источниками, дал характеристику их минерального состава и пытался проанализировать полезные свойства. В соответствии со взглядами его времени, он был убежден в исключительной лечебной силе вод. Он писал: «Никто из благоразумных наших соотчичей не сомневается более в непостижимо-целебной силе неоцененных Кавказских источников. <...> Там, где жестокие и упорные болезни полагают границу действию обыкновенных наших целебных средств, в тех случаях, где искусство врачевания обессилилось над изнеможенной болезнями природою, — минеральные воды... истребляют недуги, уничтожают жестокие болезни и восстанавливают здоровье тех, кои страданиями были приговорены к неизбежной пагубе». И далее перечисляются те болезни, которые чудесным образом излечиваются Кавказскими источниками. Даются также указания, как пользоваться источниками, какой при этом вести образ жизни, и ряд бытовых советов всем приезжающим на воды для лечения.

Пушкин мог приобрести книжку Савенко вскоре после ее выхода, собираясь в 1829 г. на Кавказ. А возможно, она понадобилась ему позже, когда он принимался за роман, действие которого должно было происходить на Кавказских водах. В одном из планов этого романа значится пункт: «Теперешнее состояние Кавказа, и прежнее» (VIII, 966). Обстановка, в которой должны были развертываться события, была совершен-

но реальная и определенная⁷⁴, и в описании этой обстановки Пушкин должен был быть предельно точным. Известно, как нетерпимо относился он ко всевозможным погрешностям против действительности и как тщательно старался избегать их в своем творчестве. Средством возможно точнее описать Кавказские минеральные воды, местоположение источников, приемы пользования ими, насытить роман множеством реалистических деталей, по-видимому, и служило знакомство с книгой Савенко.

Роман не был написан. В сохранившихся набросках и планах его трудно, конечно, обнаружить достоверные следы обращения к этой книге, хотя настойчивые указания Пушкина на время действия [«первые числа апреля» (VIII, 412); «весна, кто живет на Кавказе (<...> Семейства съезжаются» (VIII, 965)] приводят на память некоторые места из книги Савенко: «При наших Кавказских минеральных водах, ваннах да горячих источниках курс лечения начинается в Апреле месяце, но наибольший съезд бывает в начале Июня месяца»⁷⁵.

К этой книге нам еще предстоит вернуться в дальнейшем.

Большой интерес представляет наличие в библиотеке Пушкина произведения выдающегося французского анатома и физиолога К. Биша «Физиологические

⁷⁴ «Доктора объявили, что моей Маше нужны железные воды, а для моего здоровья необходимы горячие ванны» (VIII, 412), — стало быть, местом дальнейшего действия должны быть Горячеводск — Железноводск или Константиногорск. В черновых набросках указано еще точнее: «... во время переезда из Горяч. [их] на Холодные» (VIII, 966), т. е. из Горячеводска к железистым источникам. В другом месте: «... сидят у кислосерного источника» (VIII, 967); «Приезд пар. [аличного] смерть его в Конст. [антиногорской]» (VIII, 968) и т. д.

⁷⁵ Савенко П. Указ. соч. С. 26—27.

исследования жизни и смерти»⁷⁶. Пушкину принадлежало пятое издание этой книги, по-видимому, то самое, которое вышло накануне создания VIII главы романа «Евгений Онегин» и внушило поэту мысль заставить своего героя прочесть эту книгу. Напомним, что, «вновь читая без разбора». Онегин, между прочим, прочел «Madame de Staël, Биша, Тиссо...» (VI, 183). Некоторые комментаторы усматривают в этом указание на стремление Онегина найти в этих книгах средство от «болезни», вызванной его любовью к Татьяне⁷⁷. Это предположение, однако, безосновательно: если в книгах Тиссо еще можно было бы предположить наличие целебных советов, то сочинения Биша все носят теоретический характер, и интерес к ним, и в частности к тому, которое было в библиотеке Пушкина, объясняется лишь свойственным первой половине XIX в. вниманием к естествознанию, о чем было сказано раньше.

Свой экземпляр сочинения Биша поэт прочел не полностью. В нем разрезаны лишь первые 96 страниц, т. е. первые шесть глав первой части «Физиологические исследования о жизни». По Биша, жизнь разделяется на два основных вида: жизнь органическую и жизнь животную. Первой обладают и животные, и растения, вторая же присуща только животным. Определение жизни как совокупности функций, сопротивляющихся смерти, сформулированное Биша, подсказало Пушкину замечание, что долго сохраняющаяся живость деятельности и внимательности «по физиологическим примечаниям» является «порукой в долголетию и здравии» (XV, 12).

⁷⁶ [Bichat Xav.] *Recherches physiologiques sur la Vie et la Mort*, par Xav. Bichat. Paris, 1829.

⁷⁷ Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: «Мир», 1932. С. 172. В последующих изданиях своей книги автор от этого предположения отказался.

Среди книг пушкинской библиотеки привлекает внимание издание парижского профессора медицинской химии Ж. де Фонтенелля «Медико-юридические исследования о недостоверности признаков смерти, опасностях преждевременных погребений, способах определять смерть и возвращать к жизни тех, кто находится в состоянии кажущейся смерти»⁷⁸.

Случаи преждевременного ошибочного погребения привлекали внимание Пушкина, и об этом будет сказано особо, но данная книга могла заинтересовать его не только этой темой.

В имевшемся у него экземпляре Пушкин просмотрел Введение, а из 352 страниц основного текста разрезанными оказались лишь 86 в четырех местах книги. В первой части разрезаны первые 29 страниц. На них — главы «О жизни» и «О смерти», в которых автор полностью следует за Биша в разделении жизни на органическую и животную, прекращающиеся не всегда одновременно. Вторую часть — «О недостоверности признаков смерти» — Пушкин полностью пропустил, третья же — «Об опасностях поспешных погребений» (с. 81—113) — оказалась вся разрезанной. В ней приведено много примеров мнимой смерти, иногда кончавшихся благополучно, часто же приводивших к погребению заживо.

В четвертой части — «Болезни, которые, прекращая животную жизнь, приводят к мнимой смерти» — разрезанной оказалась только одна глава — «Удушье от удушения» (с. 145—158). Быть может, работа над

⁷⁸ [Fontenelle J.] *Recherches médico-legales sur l'incertitude des Signes de la mort, les dangers des inhumations précipitées, les moyens de constater les décès et de rappeler à la vie ceux qui sont en état de mort apparente.* Par M. Julia de Fontenelle, professeur de chimie medicale... etc. Paris, 1834.

Титульный
лист книги
К. Лаватера
«Искусство
распознавать
людей
по их
физиономии».
1820.

ALPHÉTEIN EN AGAÏN.

L'ART
DE CONNAITRE LES HOMMES
PAR
LA PHYSIONOMIE,
PAR GASPARD LAVATER.

AVERTISSEMENT. L'auteur se dispense de solliciter pour son ouvrage le privilège de l'Etat, et se borne à se faire inscrire au Bureau de la Librairie, au Palais de la Loi, le 23 Mars 1788. Il a été imprimé chez M. la Comtesse de la Roche-Aymon, par M. Moitteux, et chez M. la Comtesse de la Roche-Aymon, par M. Moitteux, et chez M. la Comtesse de la Roche-Aymon, par M. Moitteux.

On trouve chez M. la Comtesse de la Roche-Aymon, dans les collections de ses ouvrages, une Traduction de M. Anquetin, traducteur, imprimé de Hollande.

PARIS,
DERRIÈRE, LEZ SAINT-JACQUES, CHEZ M. LA COMTESSE DE LA ROCHE-AYMON, 1788.

«Капитанской дочкой» с описанием казни капитана Миронова вызвала интерес Пушкина к механизму наступления смерти при повешении. А может быть, известную роль играло постоянное воспоминание о пяти повешенных декабристах... И с большой долей вероятности можно себе представить горькие размышления, возникшие у Пушкина при чтении приведенных Фонтенеллем примеров возвращения повешенных к жизни. Значит, и казненных декабристов, может быть, удалось бы спасти, попали они после исполнения приговора в руки друзей...

В принадлежавших Пушкину книгах отразился и интерес поэта к распространенному в его время учению об определении характера и душевных свойств людей по их лицу и по форме черепа — так называемым физиогномике и краниологии, связанным с именами Лафатера и Галля.

В библиотеке Пушкина это учение представлено трудом К. Лафатера «Искусство распознавать людей по их физиономии»⁷⁹ и книгой «Физиогномия, или искусство распознавать людей по чертам их лица и внешним признакам»⁸⁰.

«Искусство распознавать людей...» Лафатера было одним из последних книжных приобретений поэта. Осенью 1836 г., нуждающийся в средствах, осаждаемый «жадным полком займодавцев», — он тратит 120 рублей на приобретение 10-томного лучшего изда-

⁷⁹ [Lavater G.] *L'art de connaitre les hommes par la Physionomie*, par Gaspard Lavater. Nouvelle edicion, corrigée et disposée dans un ordre plus methodique precedée d'un Notice historique sur l'Auteur. Paris, 1820, vol. 1—10.

⁸⁰ *La Physiognomonie*, ou l'art de connaitre les hommes d'après les traits du visage et le s manifestations exterieurs; selon les systemes de Gall, Porta, Lavater etc.; Par l'Auteur des Lettres à Camille sur la Physiologie... Paris, 1830.

ния системы Лафатера, снабженного многочисленными гравюрами и рисунками. Эти десять томов представляют посмертное собрание сочинений К. Лафатера, отредактированное парижским профессором медицины Моро и снабженное большим числом (600!) гравюр, изображающих человеческие лица, отражающие черты характера их обладателей, в большинстве случаев безымянные, но иногда представляющие портреты конкретных людей.

Первый том, в котором оказались разрезанными первые 40 страниц, содержит предисловие самого Лафатера к прежним изданиям его сочинений, очерк жизни и творчества автора, а также написанную им самим собственную подробную «физиогномическую» характеристику, сопровождаемую графическим портретом и силуэтом, на котором показаны линии и углы, способствующие физиогномическому анализу. Далее идут несколько глав, излагающие основные положения учения Лафатера. Об этом будет сказано позже, при изложении вопроса об отношении Пушкина к системе Лафатера.

«Физиогномия, или искусство распознавать людей по чертам лица...» — это книжка малого формата, но достаточно емкая (227 страниц текста). Ее автор скрылся за прозрачным криптонимом — «Автор писем к Камилле о физиологии», по которому его легко распознать, поскольку сами «Письма к Камилле» вышли в том же 1830 г. с полным именем автора на титульном листе. Это — И с и д о р Б у р д о н, член французской Медицинской Академии, автор ряда трудов по физиологии, в которых он соединил эрудицию ученого с талантом популяризатора. Этот талант проявился и в книге, сохранившейся в библиотеке Пушкина.

О характере изложения и одновременно о ряде положений системы Лафатера дает представление глава книги Бурдона «Зависимость физиономии от темпе-

раменты», из которой мы позволим себе сделать большую выписку.

Признавая существование основных темпераментов — сангвинического, меланхолического, холерического (желчно-го), — автор дает краткое описание свойств, присущих каждому из них, и характерной для каждого внешности. Итак, у сангвиников «лицо полное, цветущее, губы свежие и яркие, зубы правильные и красивые. Волосы светлые или светлорусые, обычно густые и вьющиеся; глаза почти всегда голубые, выражают веселье, жажду удовольствий и, пожалуй, милую беззаботность. Совокупность этих черт создает смеющуюся физиономию, откровенную и открытую, вид счастья, удовлетворения и сладострастия» (с. 64—65). Лица людей меланхолического или нервного темперамента «могут в какой-то степени служить им контрастом. Насколько лицо сангвиника отражает легкость, откровенность и радость, настолько лицо меланхолика указывает на глубину мыслей и угрюмость. Кожа лица бледная, щеки впалые, губы тонкие и поджатые, глаза обычно темные, волосы темные и редкие; взгляд одухотворен, черты очень подвижны. Общее выражение лица — задумчивое и серьезное или злое и лукавое, сочетание ума и страдания» (с. 66—67). Именно этим темпераментом обладают большинство писателей и ученых: «Сильнее других ощущающие несправедливость и человеческие несчастья, они беспокойны и протестуют. Если они обладают поэтическим даром, они используют свое неисчерпаемое воображение, чтобы рисовать в самых мрачных красках судьбу человека; они горькой иронией преследуют предрассудки и пороки света, бичуют страстным стихом все, что потрясает их впечатлительную и гордую душу (с. 67—68). Таковы Жильбер, Байрон, Паскаль.

Содержание этой книги шире ее названия, т. к. в ней изложено не только учение К. Лафатера о физиогномике, но и доктрина Ф. Галля о краниологии. Книга снабжена 16 гравированными портретами выдающихся людей с краткой их характеристикой («физиогномической биографией») и схемой расположения выпуклостей черепа, отражающих, по Галлю, преимущественное развитие отдельных черт характера и душевных свойств. Большой интерес представляет глава,

содержащая толкование некоторых (30) лобных выпуклостей.

Судя по всему, Пушкин внимательно проштудировал эту книгу. Как увидим далее, в его творчестве нашли отражение некоторые положения, сформулированные в книге Бурдона.

Уже отмеченная уверенность поэта в прогрессе медицины покоилась, в частности, на его знакомстве с медицинскими представлениями древних. Две книги в его библиотеке свидетельствуют о стремлении узнать о них не только понаслышке. Это — «Афоризмы Гипократа» во французском переводе⁸¹ и «Краткая история медицины» Л. Гасте⁸².

Имя великого врача древности было хорошо известно Пушкину. Он пользовался им как нарицательным наименованием врача еще в лицее (I, 120), а затем ссылался на Гипократа в «Путешествии в Арзрум», описывая гермафродита (VIII, 472). В принадлежащей Пушкину книге перевод афоризмов Гипократа и комментарии к ним выполнены доктором медицины Парижского факультета, профессором греческой медицины де Мерси, переводчиком, комментатором и издателем ряда произведений Гипократа. Афоризмы распределены по трем разделам: первый содержит 25 афоризмов, второй — 52 и третий — 31 афоризм. Каждый из них сопровождается развернутым комментарием на двух—четырёх страницах, лишь пояснение к первому

⁸¹ [*De Mercy*]. Nouvelle traduction des Aphorismes d'Hippocrate... et commentaires specialment applicables à l'etudex de la medicine pratique, dite clinique; Par M. le chevalier De Mercy... Paris, 1817.

⁸² [*Gasté L. F.*] Abrégé de l'Histoire de la Medicine, conçiderée comme science et comme art dans ses progrès et son exercice, depuis son origine jusqu'oui dix-neuève siecle. Par L. F. Gasté, D. M. P. Paris, 1835.

занимает 18 страниц. В комментариях упоминаются и другие врачи древности, в частности, Гален. Может быть, отсюда и знакомство Пушкина с этим именем, упомянутым им однажды (см. гл. 1), причем в той же французской транскрипции — «Галлиен» (Gallien), как в данной книге.

В своем экземпляре книги Пушкин оставил неразрезанным предисловие переводчика и просмотрел 72 страницы основного текста, содержащие первые 13 афоризмов и комментарии к ним. Первый из афоризмов Гиппократ — знаменитое «жизнь коротка, искусство долго» — Пушкин перефразировал в письме к М. А. Корфу: «История долга, жизнь коротка, а пуще всего, человеческая природа ленива» (XVI, 168); о скрытой полемике поэта со второй, менее известной частью афоризма речь шла раньше.

Автор «Краткой истории медицины» французский военный врач Л. Гасте не был оригинален в своем труде. По его словам, он пользовался многотомным сочинением К. Шпренгеля, поставив себе задачей кратко изложить все, что в нем есть истинного, полезного, интересного. Пушкина вполне устраивало такое изложение истории медицины, и, как только книга Гасте появилась в Петербурге, он тотчас же купил ее⁸³, но разрезаны в его экземпляре только введение и первые 13 страниц основного текста, содержащие краткую историю медицины Египта, Иудеи, Индии. Введение же главным образом посвящено жалобам на недооценку деятельности врачей, в частности военных. Современному положению медиков автор противопоставляет уважительное отношение к ним Наполеона.

⁸³ Согласно счету книгопродавца Ф. Беллизара, Пушкин купил эту книгу 8 ноября 1835 г. (См.: *Пушкин и его современники*. Вып. 13, СПб., 1910. С. 114).

Наконец, нужно назвать книгу К. Бриль-Крамера «О запое и лечении оного. В наставление каждому, с прибавлением подробного изъяснения для неврачей о способе лечения сей болезни» (М., 1819).

Автор этой книги в Российском Медицинском списке в 1815 г. числился в Симбирске «практикующим». Так именовались иностранные доктора медицины, не признанные в России в этом звании, но получившие право врачевания. В 1819 г. Бриль-Крамер оказывается в Москве и, судя по объявлению в «Вестнике Европы» (1819, август, № 15), собирается издавать «Российский Журнал для собирания и распространения новейших открытий по Медицине и Хирургии». Журнал этот, однако, не вышел, и дальнейшая судьба Бриль-Крамера неизвестна.

В книге, бывшей в библиотеке Пушкина, Бриль-Крамер, вопреки распространенному представлению о запое как о «пагубной привычке», рассматривает его как болезнь, ближайшей причиной которой служит «болезненное состояние раздражительности мозга», в свою очередь часто происходящее от употребления вина. Так как автор, по его словам, старался сделать свое сочинение «для всякого употребительным» и писал «не для одних только врачей», то он на последних страницах книги поместил популярное «Прибавление, содержащее в себе подробнейшие изъяснения для неврачей о способе лечения запоя». Вероятно, именно «Прибавление...» и заставило Пушкина приобрести эту книгу, для подарка брату Льву, о чем свидетельствует имеющаяся на ней надпись.

Младший и нежно любимый брат поэта Лев, талантливый и легкомысленный, кутила и мот, причинял Пушкину много забот и хлопот. Недаром их общий друг, знаменитый острослов С. А. Соболевский, как-то после очередного крупного проигрыша Льва заметил: «Придется же Александру Сергеевичу его кормить.

Кормить-то не беда, а поить накладно»⁸⁴. На сохранившемся в пушкинской библиотеке экземпляре книги Бриль-Крамера на внутренней стороне переплета рукою Пушкина написано: «Милостивому Государю Братцу Льву Сергеевичу Пушкину».

Сохранилась также в библиотеке Пушкина книга, находящаяся как бы на стыке художественной и медицинской литературы,—это «Отрывки из дневника бывшего врача» на английском языке⁸⁵.

Мне не удалось увидеть эту книгу в подлиннике, поэтому приходится судить о ней по ее русскому переводу, вышедшему в том же 1835 г., что ее публикация в Париже⁸⁶. Это — собрание свыше 40 новелл, созданных на основе отрывочных записей, которые вел врач во время своей практики и представляющих, по словам их автора, «обломки нагой истины, с ее неслыханными горестями, с тайнами и чудесами человечества, выведенными на сцену с верностью добросовестного свидетеля». Особой художественной ценностью большинство новелл не обладает, но следует отметить, что некоторые из них содержат описания болезней или состояний, которые могли представлять интерес для Пушкина. Это чахотка (в рассказах «Сухотка», «Магдалина», «Обольститель»), ясновидение («Видение»), галлюцинации («Беснующийся»), ипохондрия и др. Впрочем, судя по описанию Б. Л. Модзалевского, книга сохранилась в библиотеке Пушкина неразрезанной.

⁸⁴ *Литературное наследство*. Т. 16—18. М., 1934. С. 798.

⁸⁵ [Harrison]. *Passages from the Diary of a late Physician*. Paris, 1835.

⁸⁶ *Записки доктора*. Сочинение Гаррисона. Ч. 1—9 (Библиотека романов и исторических записок, издаваемых книгопродавцом Ф. Ротганом на 1835 год, т. 16—24). СПб., 1835.

На следующий год одна из новелл Гаррисона — «Государственный человек» — была напечатана отдельно⁸⁷. В первом томе пушкинского «Современника» Гоголь поместил аннотацию этой серии, отметив, что это — «повести, печатанные в разных номерах *Телескопа*. Издатель, выбрав их оттуда, выпустил отдельными книжками и хорошо сделал».

В этой публикации повести «Государственный человек» предпослано следующее небольшое введение, отсутствующее в издании 1835 г.: «Мрачная тень, обливающая страницы моего дневника, не должна казаться удивительною. Он справедлив во всех своих частях. Это зеркало, в коем с строжайшею верностию повторены сцены, сменявшиеся предо мною в продолжение моего врачебного поприща. Ремесло адвоката и ремесло медика ограничиваются одними страданиями человечества: что бы случилось с ними без преступлений и без болезней?»⁸⁸.

⁸⁷ См. *Сорок одна* повесть лучших иностранных писателей в 12 частях, изданных Николаем Надеждиным. Ч. 3. М., 1836.

⁸⁸ Книга, о которой шла речь, представляет библиографическую загадку. Начать с того, что в авторитетных современных каталогах изданий первой половины XIX в. книги, по всем основным пунктам библиографического описания (название, место и год издания, объем) соответствующей той, что включена Б. Л. Модзалевским в описание библиотеки Пушкина, нет. Само по себе это объяснимо неполнотой любых каталогов старинных изданий. Зато известно сочинение Harrison, William Henry. *Tales of a Physician*, выдержавшее по крайней мере два издания: London, 1829—1831 (в двух частях) и Philadelphia, 1835 (см.: *The National Union Catalogue*, Vol. 232, 1972; *The British Library General Catalogue of Printed Books*. Vol. 141, 1982). Как мы видим, имя его автора и название соответствуют русскому изданию 1835 г., но состав (17 новелл) совершенно с ним не совпадает. В то же время существует книга, одноименная бывшей в пушкинской библи-

Среди книг пушкинской библиотеки была одна, название которой как будто требует приобщения ее к числу изданий с медицинским содержанием. Это «Физиология вкуса», принадлежащая перу Брилла де Саварена (Brillat de Savarin). В двух томах этого сочинения разрезаны многие страницы. На самом же деле этот труд имеет мало общего с медициной и даже с физиологией, о чем говорит уже его подзаголовок: «Рассуждение о возвышенной гастрономии; сочинение теоретическое, историческое и злободневное, посвященное парижским гастрономам профессором, членом многих ученых обществ»⁸⁹.

«Физиология вкуса» — это любопытная смесь научных сведений по физиологии вкусовых ощущений, аппетита, пищеварения с гастрономическими рассуждениями изощренного лакомки, кулинарными рецептами, советами по организации застолья и анекдотами.

отеке, по составу в значительной части идентичная русскому изданию Гаррисона, но... вышедшая под другим именем: Warren Samuel. Passages from the Diary of late Physician, in two vol. London, 1832—1838. Судя по тому, что второй ее том появился позже петербургского издания, это не первая публикация англоязычного оригинала. В этих условиях особый интерес приобретает предпосланное ей уведомление, что она представляет «единственное издание, обращение которого на континенте санкционировано автором». В современных каталогах У. Г. Гаррисон (W. Harrison) и С. Уоррен (S. Warren) фигурируют как различные лица с разными годами жизни (соответственно 1795—1878 и 1807—1877). Кто из них является автором переведенных в России новелл и чьему перу принадлежит книга из библиотеки Пушкина, еще предстоит выяснить.

⁸⁹ *Physiologie du Gout, ou Meditation de gastronomie transcendente; ouvrage theorique, historique et à l'ordre du jour, dedié aux gastronomes parisiens par un professeur, membre des plusieurs societés savantes. Paris, 1834.*

Характер книги ясно очерчивается парадоксальными «Афоризмами профессора», предпосланными тексту. Вот некоторые из них:

— Животные насыщаются, человек ест; только умный человек умеет есть.

— Скажи мне, что ты ешь, и я тебе скажу, кто ты.

— Открытие нового блюда важнее для счастья человечества, чем открытие нового светила.

— Десерт без сыра — красавица с одним глазом.

— Самое необходимое свойство повара — точность; оно в такой же степени необходимо приглашенным.

Первое из приведенных изречений было модным в пушкинскую эпоху. Оно стало эпиграфом к одному из периодических изданий («Le Gastronom»), оно обнаруживается и в дневнике пушкинского приятеля послелицейского периода П. П. Каверина⁹⁰.

Именно эти афоризмы, а не гимн изысканному гурманству, привлекли внимание Пушкина. Он не был чревоугодником. П. А. Вяземский вспоминал: «Он вовсе не был лакомка. Он даже, думаю, не ценил и не хорошо постигал тайны поваренного искусства»⁹¹. Но парадоксы Брилла де Саварена пришлись ему по душе. Он попытался симитировать их. Между страницами книги был обнаружен листок, на котором пушкинской рукой написано: «Не откладывай до ужина того, что можно съесть за обедом. L'exactitude est la politesse des cuisiniers*. Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность».

⁹⁰ Щербинин Б. Н. *Приятели Пушкина* М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1911, с. 48—49.

⁹¹ А. С. *Пушкин* в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература. 1985. Т. 1, С. 144.

* Точность — вежливость поваров (франц.).

Этих афоризмов нет у Брилла де Саварена — они принадлежат, по-видимому, самому Пушкину. Второй из них перефразирует известную поговорку о вежливости королей, но носит явный отпечаток одной из приведенных выше сентенций Брилла де Саварена⁹². А еще один из приведенных афоризмов французского автора поэт перефразировал в письме к жене 28 апреля 1834 г.: «Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es» * (XV, 134).

Как мы видим, медицинские книги в библиотеке Пушкина различны и по содержанию, и по той цели, с какой они приобретались. И как бы гадательны ни были предположения об использовании поэтом его книг по медицине, о том, что привлекло его внимание к ним, в самом подборе этих книг в какой-то степени отразился Пушкин, его разносторонняя любознательность, его внимание к медицине.

Итак, мы рассмотрели в достаточно общем виде те источники, из которых Пушкин мог черпать сведения медицинского характера. Теперь настало время приглядеться к тому, каким образом приобретенные им в этой области знания отражались в его собственных взглядах и — главным образом — в его художественном творчестве. К анализу этой проблемы мы и обратимся в следующих главах.

⁹² Des toutes les qualités du cuisiniers, la plus indispensable est l'exactitude.

* Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты (франц.).

Глава третья

Приметы времени

Германн проникает ночью в спальню графини. Внимательно осматриваясь, он замечает «столовые часы работы славного Легоу, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом...» (VIII, 240). Перечисленные Пушкиным предметы, зафиксированные пристальным взглядом Германна, не случайны: это все — приметы времени, в котором жила и блистала старая графиня. Именно так они воспринимались современниками. Не случайно и в Записках графа Сегюра упоминается, какой шум произвели именно «магнетические прутики Месмера и воздушный шар Монгольфьера»¹.

Приметами времени служат не только вещи — ими в равной степени могут быть мнения, идеи, «в которых отразился век». Прodelав триумфальное шествие, завоевав умы, многие из них затем подвергаются разоблачению и, забытые, сохраняют свой след лишь на пожелтевших страницах старых книг. Такие идеи отмечены в истории каждой науки. Были они и в медицине конца XVIII — начала XIX вв. Естественно, они нашли отражение в художественной литературе, в том числе у Пушкина. В его произведениях и письмах обнаружи-

¹ *Московский Телеграф*. 1826. Ч. 8. № 8. С. 369.

ваются присущие именно его времени медицинские взгляды и представления. Некоторые из них он принимает на веру. Так, он разделяет мнение, что молоко может «броситься в голову» (XV, 181); верит в пользу считавшихся панацеей кровопусканий (XIV, 249), в то, что существуют «ревматизмы в голове», от которых можно «поглупеть» (XII, 332). К некоторым же, даже общепринятым, воззрениям он относится с иронией, другие воспринимает скептически.

Так, сохранился рассказ о том, как в 1820 г. в Кишиневе Пушкин, «удерживая смех и краснея», усомнился в истине рассказа какого-то немолодого чиновника о человеке, вином вылечившем себя от чумы². В пору неумеренного увлечения сложными и множественными лекарствами он относился к ним весьма сдержанно. Когда болела «золотухой» в возрасте одного года его первенец, его любимица «Машка» он очень тревожился о ее здоровье, но тем не менее писал жене: «Ради бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью» (XV, 31). Сестре он говорил: «Хотел привести тебе еще одного доктора — специалиста по нервам, но слишком много поваров кушанье портят. Держись Молчанова; уважаю его за то, что лекарствами не пичкает!..»³ Правда, это последнее замечание сообщено в «Воспоминаниях» Л. Н. Павлицева, племянника поэта, которые, по мнению большинства пушкинистов, в значительной части вымышлены и недостоверны⁴.

² *Пушкин* в воспоминаниях современников. 1985. Т. 1. С. 262.

³ *Павлицев Л.* Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 147.

⁴ Если верить Павлицеву, то интерес представил бы его рассказ о том, как заболела его мать, сестра поэта Ольга Сергеевна, и лечил ее какой-то молодой неопытный врач Иванов, причем, по словам рассказчика, лечил «самыми энергичными средствами, отчего ей сделалось гораздо хуже». Зайдя к

Скептическое отношение Пушкина к ряду принятых в его время на веру медицинских представлений заставляет более пристально приглядеться к высказываниям поэта о некоторых из них.

Среди тем, волновавших публику того времени, был, в частности, вопрос о мнимой смерти и преждевременном погребении. Книги и журнальные статьи конца XVIII и начала XIX вв. пестрят примерами погребения мнимоумерших, находившихся в глубоком обмороке или в летаргическом сне. В 1801 г. популярный петербургский врач Г. Эллизен опубликовал отдельной книгой «Врачебные известия о преждевременном погребении мертвых». В 1803 г. Медицинская Коллегия издала «для народа» книжку своего главного доктора О. Каменецкого «Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами», в котором была специальная глава «О признании обмертвения и смерти, так равно и о времени погребения». Сменивший Медицинскую Коллегию Медицинский Совет в 1819 г. выпустил «Наставление как распознавать истинную смерть от мнимой», а спустя несколько лет вернулся к этому вопросу, издав брошюру «Об опасности скоропоспешного погребения мертвых».

Пристальное внимание к преждевременному погребению объяснялось тем, что врачи того времени исходили из убеждения, что, кроме случаев разрыва крупных сосудов и нервов, действительная смерть никогда непосредственно не следует за мнимой смертью: «Между сею или концом жизни и оною всегда человек, смотря

сестре, Пушкин как-то попросил показать ему рецепты и ужаснулся: «Да как же можно было довериться такому коновалу? — будто бы вскричал он. — От его лекарств и ломовая лошадь свалится» (*Там же*. С. 108—109). Но, повторяем, полностью доверять этому источнику нельзя.

по разности болезней, больше или меньше обретается в среднем состоянии, в продолжении коего сокровенная жизнь остается»⁵. Эта же идея содержится, как упоминалось ранее, в книге Ж. де Фонтенелля⁶, находившейся в библиотеке Пушкина.

Это обусловило настойчивую рекомендацию, от чего бы смерть ни произошла, «не прежде как по прошествии трех суток тело предавать уже погребению»⁷. В данном случае «научные» рекомендации совпадали с церковными ритуальными предписаниями и народными обычаями. Напомним, что в пушкинской «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» богатыри, прежде чем «сотворить обряд печальный», «ждали три дня» (III, 552). «Научным» подкреплением этих правил стало упомянутое уже учение о наличии двух жизней человеческого организма — органической и животной.

На проблему преждевременного погребения, столь занимавшую умы современников, Пушкин в своих произведениях отозвался очень скупой, и его отклик на нее звучит иронически. Так, почтенный «автор» «Истории села Горюхина» в своей летописи отмечал, что, поскольку горюхинцы относили покойника на кладбище в самый день смерти, «дабы мертвый в избе не занимал напрасно лишнего места», то нередко случалось, что «мертвец чихал или зевал в ту самую минуту, как его выносили в гробе за околицу» (VIII, 136).

⁵ [Еллизен И. Г. Д.] *Врачебные известия о преждевременном погребении мертвых, собранные Иоганном Георгом Давидом Еллизенем.* СПб., 1801. С. 9—10.

⁶ *M. Julia de Fontenelle.* Op. cit.

⁷ *Каменецкий О.* Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами по поручению Государственной Медицинской коллегии сочиненное оной коллегии членом Осипом Каменецким. СПб., 1808. Ч. 2. С. 66.

Одной только строчкой в письме откликнулся Пушкин и на широкое распространение модной в его время гомеопатии.

Эта доктрина возникла в самом начале XIX в. Ее родоначальник Самуэль Ганнеман выпустил свое основное произведение «Organon der rationellen Heilkunde» в 1810 г. Гомеопатия в ее изначальном виде была естественным порождением процветавшего в то время идеализма, проявившегося в ней наиболее последовательно и откровенно: болезни, по Ганнеману, зависят от расстройства жизненной силы, они имеют чисто духовный, нематериальный характер; поэтому и лекарства действуют не своим вещественным составом, а заключенными в них нематериальными силами. Эти силы проявляются тем активнее, чем меньше выражена телесность лекарственного вещества: «идея болезни» излечивается «идеей лекарства». Отсюда берет начало один из основных принципов гомеопатии: микроскопические дозы лекарственных препаратов, их миллионные разведения.

Не удовлетворенные практическими результатами своей деятельности, многие врачи некритически восприняли модную новинку, окутанную туманной философской фразеологией. Некоторые случаи удачного излечения заслонили беспочвенность ее теоретического фундамента, и гомеопатия быстро приобрела много сторонников, в том числе в России. Одна за другой появляются в России статьи и книги, пропагандирующие это учение. Впрочем, одновременно с хором приветственных, восторженных голосов раздавались и трезвые, порой очень резкие отзывы противников гомеопатии.

Пушкин неожиданно оказался в центре этой полемики: в ней приняли самое активное участие медики из его ближайшего окружения — Спасский и Даль. Когда в Москве в 1830 г. вышла на французском языке книга

доктора И. Шимко, ниспровергавшая все основные положения гомеопатии, Спасский на страницах «Сына Отечества» (1830, № 14,17) поместил подробное ее изложение. О выступлениях Даля против гомеопатии мы говорили раньше. Через несколько номеров после статьи Спасского в том же «Сыне Отечества» (1830, № 35, 36) был напечатан «Разговор между Аллопатиком, Гомеопатиком и профаном» с характерным примечанием издателя (Греч), пытающегося соблюсти видимость объективности: «Печатаем сию статью по правилам беспристрастия, повелевающим выслушивать и другую сторону». Статья эта носит характер диспута между приверженцами гомеопатии и аллопатии, в заключение которого сам Гомеопатик, признавая целесообразность гомеопатического лечения в отдельных случаях, делает все же ряд критических замечаний по адресу гомеопатии. А спустя еще несколько месяцев в том же журнале за 1831 г. (№ 4—6) появилась заимствованная из «Edinburg Review» статья «Новое врачевание в Германии или Учение Омеопатии», склоняющаяся к положительной оценке. «Сын Отечества» снова вернулся к гомеопатии в 1832 г. и еще пять раз в 1833 г. Медицинский Совет Министерства внутренних дел высказался против применения гомеопатии⁸. Официальное мнение не совпадало, однако, с представлениями множества врачей: гомеопатия не только сохраняла приверженцев, но и приобретала новых.

Став на стезю журналистики, Пушкин вынужден был считаться с интересами читателей, поэтому в «Современнике» в разделе «Новые книги» он сообщал об изданиях по гомеопатии. Из одиннадцати помещенных

⁸ *Заключение* Медицинского Совета о лечении по способу гомеопатическому. — Журнал Министерства Внутренних дел. 1832. № 3. С. 48—63.

им извещений о новых медицинских книгах четыре были посвящены гомеопатии. Сам же он, далекий от возможности научного теоретического опровержения этого учения, понял тем не менее его беспочвенность и в письме жене изрек короткий, но убийственный приговор этому медицинскому течению: лечение «омеопатически» он счел признаком «почти сумасшествия» (XVI, 111).

Широко распространенным в то время увлечением медиков, да и всех обывателей, было убеждение в чудодейственном влиянии на здоровье м и н е р а л ь н ы х и с т о ч н и к о в, особенно кавказских. «Воды» признавались спасительными при всех болезнях.

Кавказские минеральные воды, в частности — серные источники горы Машук и кислый ключ Нарзана, были исследованы, как уже говорилось, в конце XVIII в. академиком Палласом и другими врачами, нашедшими в них целительные начала. Медицинская Коллегия решила использовать эти источники для лечения больных в войске, расположенном на Кавказской линии. В 1803 г. был назначен особый врач, «постоянно при сих водах пребывающий». Этим было положено начало систематическому изучению целебной силы Кавказских вод. В 1809—1810 гг. над ним успешно работал Ф. П. Гааз, в будущем — известный врач-филантроп. С 1811 г. появляются в печати известия о кавказских источниках и их целебных свойствах.

Начиная с 1815 г. было приступлено к «устроению вод», и за 5—8 лет, по мнению современников, были сделаны «неимоверные в сем деле успехи». В 1819 г. Ермолов, будучи наместником на Кавказе, приказал выстроить ванное заведение и предпринял некоторые меры по благоустройству поселка. Изучение лечебных свойств источников продолжалось. В 1823 г. на Кавказ был направлен крупный химик и фармаколог профессор А. Н. Нелюбин, составивший

научное описание Кавказских вод⁹. Спустя несколько лет тем же занимался профессор Медико-хирургической академии П. Н. Савенко, книга которого «Кавказские минеральные воды», как мы отмечали, сохранилась в библиотеке Пушкина.

К этому времени Кавказские воды приобрели чрезвычайную популярность. Врачи склонны были видеть в них панацею. Уже первые научные публикации о минеральных источниках Кавказа содержали утверждения, что эти воды помогают при совершенно различных болезнях: «...в застарелых завалах желез и внутренностей, при застоях в брюшных сосудах, ... в болезнях желез, золотухе, в застарелых наклонных болезнях всякого рода, ... в застарелой венерической болезни, ... в ломоте, подагре, ревматизмах» и т. д.¹⁰

Здравомыслящие врачи пытались объяснить ошибочность таких взглядов. В. И. Даль писал, что «последняя увертка, убежище, чтобы избавиться от докучливого больного, — теплые воды <...>. Универсально все болезни излечивающей микстуре мы не верим, а хотим все болезни излечивать одними и теми же минеральными водами!»¹¹ Но ничего не помогало. Продолжалось буквальное паломничество на воды. Современный журнал писал: «Кавказские целебные воды обратили ныне всеобщее внимание. Число посетителей ежегодно умножается. Мнимый больной Мольера не выдумка, и всякий из нас, вероятно, встречал людей, которые готовы пить все на свете микстуры и глотать

⁹ [Нелюбин А.] Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод, сочиненное Александром Нелюбиным. Т. 1—2. СПб., 1825.

¹⁰ *Всеобщий журнал врачебной науки*. 1811. № 6. С. 82—83.

¹¹ *Северная Пчела*. 1832. № 127.

какие угодно пилюли и ездить на все на свете воды для того только, чтобы иметь наслаждение лечиться ... Не говорим о тех, которые на воды ездят как за город, погулять, повеселиться»¹².

Одни воды рекомендовалось пить, в других — купаться. Наибольшей популярностью пользовались купанья в серных (теплых и горячих) источниках горы Машук, а также ванны и прием внутрь воды кислого источника на южном склоне горы Железной, получившего у местного населения название Богатырской воды или Нардсана.

В 1820 г. вместе с семьей Раевских попал на Кавказ Пушкин. Он пробыл в районе минеральных вод два месяца, с 4 июня по 5 августа. Раевские и вместе с ними Пушкин сначала жили в районе Пятигорска, который в ту пору еще именовался Горячеводском или Горячими Водами. По словам знатока тех мест, в те времена «приезжие ютились в небольшом поселке и отправлялись оттуда ежедневно к горячим серным ваннам, устроенным в ветхих турлучных постройках»¹³.

Представление об обстановке, в которой находились Раевские и Пушкин, дает письмо Н. Н. Раевского-отца к дочери. Он так описывает Горячеводск: «Все селение расположено в 2 улицы; я приметил до 60 домов, домиков и лачужек, и как сего недостаточно для приезжающих, то нанимают калмыцкие кибитки, палатки и располагаются лагерями, где кому полюбится, и как будто подделываются нестройной здесь природе. Ванны старые, хотя стоят казне довольно дорого, ни вида, ни выгод не имеют, новые же представляют и то, и другое,

¹² *Московский Телеграф*. 1826. № 11. С. 220—221.

¹³ *Вейденбаум Е. Г.* Пушкин на Кавказе в 1820 г. — Собр. соч. А. С. Пушкина под ред. С. А. Венгерова. Т. 2. СПб., 1908. С. 18.

и возможную чистоту и опрятность»¹⁴. Судя по его письму, Н. Н. Раевский-старший купался в воде серной «горячей, имеющей выше 38 градусов», дочери же купались «по одному разу, а когда жарко — по два, в воде кисло-серной, теплотою как парное молоко, единственно для забавы»¹⁵. Раевские и с ними Пушкин пробыли в Горячеводске с 11 июня по 3 июля. Затем побывали в Железноводске и в Кисловодске по три недели и около 1 августа двинулись в Крым снова через Горячеводск, где останавливались на один — два дня¹⁶.

Пушкин воспользовался пребыванием на водах для лечения. Два года перед тем он перенес тяжелую болезнь, а приехав в Екатеринослав, схватил жестокий приступ «горячки», во время которого его нашли Раевские. В пути на Кавказ, как свидетельствует П. Барте-нев со слов Марии Волконской (тогда еще Раевской), его «сильно трясла лихорадка» и приступы повторялись периодически, особенно при охлаждении¹⁷. По-видимому, это была малярия, так что вряд ли ему могли помочь минеральные источники. Но он по примеру всех окружающих считал, что «воды ему очень нужны», и «купался в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных» (XIII, 17).

Это было в духе того времени. По словам современников, все приезжающие на воды, независимо от своего заболевания, должны были испытать на себе действие всех известных в то время вод: серных, железных и кислых¹⁸. По мнению Пушкина, воды ему

¹⁴⁻¹⁵ Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 182.

¹⁶ Гершензон М. О. Указ. соч. С. 160.

¹⁷ Барте-нев П. Пушкин в Южной России. М., 1914. С. 20.

¹⁸ Пантелеев И. Я. Очерк истории изучения и развития Кавказских минеральных вод. М.: Госгеологиздат, 1955. С. 45.

чрезвычайно помогли. Может быть, но способ одновременно пользоваться источниками разного лечебного свойства без учета их специфического воздействия заставляет предположить в этом эффекте значительную роль психотерапевтического фактора. К этому были все необходимые предпосылки. Молодость, радость жизни, редкое для Пушкина ощущение счастья — все это окрашивало в светлые тона происходившее с ним¹⁹ и внушало уверенность в полном выздоровлении. В неоконченном стихотворении 1820 г. «Я видел Азии бесплодные пределы...» есть такие восторженные строки:

...там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных,
Благословенные струи!
Надежда верная болезнью изнуренных.
(II, 141)

Уже упоминавшийся доктор Е. Рудыковский, участник этого путешествия, в шуточном стихотворении впоследствии вспоминал:

О, Нарзан, Нарзан чудесный!
С Пушкиным тебя я пил,
До небес перевозносил
Он стихами, а я прозой...²⁰

¹⁹ «Счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского, — писал он брату. — <...> Судя, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался — счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение — горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского» (XIII, 19).

²⁰ Щербина В. П. Из семейного архива. Киев, 1892. С. 24.

Стихи Пушкина, превозносящие Нарзан, нам неизвестны. Не исключено, что Рудыковский имел в виду цитированный нами отрывок «Я видел Азии бесплодные пределы...»

Девять лет спустя, по пути в Арзрум, Пушкин снова «заехал на Горячие воды» и нашел там «большую перемену». По его словам, здесь «нынче выстроены великолепные ванны и дома... Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость ... Но,— признавался поэт,— мне было жаль их прежнего, дикого состояния». Он с сожалением вспоминал о крутых каменных тропинках и неогороженных пропастях, о той поре, когда «источники, большею частию в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям ... Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки» (VIII, 447). И хотя и на этот раз он не избежал искушения и принимал каждый день одну, а то и две ванны, «подогреваемые из кислой минеральной воды»²¹, отношение его к водам уже изменилось. Иллюзии юности к этому времени были уже утрачены, и все воспринималось в ином свете.

В частности, Пушкин весьма скептически отнесся к чрезмерному увлечению врачей, видящих в водах средство от всех болезней. Он критически высказался по поводу использования горячего железо-серного источника «наобум», без достаточного медицинского контроля (VIII, 473). В VIII главе романа «Евгений

²¹ *Недумов С. И.* О пребывании А. С. Пушкина на Кавказских минеральных водах в 1829 году.— В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. М.— Л., 1958. С. 389.

Онегин» (1830) появляются такие насмешливые строки о страданиях героя от любви к Татьяне:

Онегин сохнет, и едва ль
Уж не чахоткою страдает.
Все шлют Онегина к врачам,
Те хором шлют его к *водам*.
(VI, 179. Выделено авт.— С. Г.)

Разумеется, никаких медицинских показаний для этого нет.

В созданной в ту же осень 1830 г. поэме «Домик в Коломне» также упоминаются воды и тоже иронически: «Я воды Леты пью, // Мне доктором запрещена унылость» (V, 86). Река забвенья Лета и раньше часто встречалась в произведениях Пушкина, но всегда в той функции, которой она наделена в мифологии: в ней можно утонуть, быть поглощенным ею, т. е. забытым. Здесь же ее воды пьют по предписанию врача как средство от «унылости».

А в «Путешествии Онегина» Кавказским водам посвящен блестящий, памятный, вероятно, всем отрывок. Онегин посещает

Машук, податель струй целебных;
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть — хотя на миг.

(VI, 199)

**КАВКАЗСКІЯ
МИНЕРАЛЬНЫЯ
ВОДЫ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1828.

*Авантитул книги П. Савенко
«Кавказские минеральные воды». 1828.*

Утомленный жизнью, Онегин задумывается:

Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма?..

(Там же)

Здесь перечислены те же болезни, которые Пушкин наблюдал при первом своем знакомстве с Кавказскими водами. В 1820 г. он сочувственно упоминал тех, кто ищет в них облегчения:

Увядших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,
И хилых стариков в печальных седилах.

(II, 141)

Если тогда он и разделял их надежду на выздоровление под действием вод, то теперь перечисляет потребителей «струй целебных» с насмешкой. Поэт иронизирует над теми, кто ждет от минеральных вод чудодейственного исцеления от любой болезни и даже от старости, а заодно — и над врачами, которые вселяют в больных эту наивную веру. Пожалуй, можно назвать и одного из адресатов этой иронии. Пушкинские строки кажутся насмешливым отголоском уже знакомой нам книги П. Н. Савенко «Кавказские минеральные воды» (1828). Все перечисленные поэтом недуги встречаются в главе «Болезни, в коих теплые и горячие Кавказские серные минеральные воды оказывают преимущественную пользу»: здесь и «Венерическая или любострастная болезнь», и «ревматизм», и «ломота», и «почечуй», и «паралич». А в главе «О болезнях, излечивающихся водою кислого источника

(Нардсанна)» сказано: «Изнеможенные бременем времени старцы, получая от употребления Богатырской воды (Нарзана. — С. Г.) нарочитую бодрость, делаются способными к подъятию новых трудов. Особы обоого пола, перенесшие значительные душевные и телесные усилия и напряжения, обессиленные превратным образом жизни, истощенные предшествовавшими изнурительными болезнями, значительную потерю крови, семени, неумеренным любострастием, частыми родами и проч., благотворным действием Кислого ключа возвращают прежние силы и здоровье» (Савенко П. Указ. соч. С. 94—107). Не правда ли, у Пушкина похоже? Только короче, выразительнее ... и с откровенной иронией.

Кратковременное пребывание на Кавказских водах в 1829 г. показало поэту, что эти места стали модными и для светских бездельников, своеобразной «ярмаркой невест» и что стремление многих бар, и в особенности — барынь, на Кавказ, «на воды» диктуется очень часто соображениями не столько медицинского, сколько совершенно иного характера. Все это вызвало скептическое отношение Пушкина к водам. Оно ярко проявилось в набросках большого прозаического сочинения, задуманного в 1831 г. и получившего в дальнейшем условное название «Роман на Кавказских водах». Судя по сохранившимся планам романа, в нем предполагалось изобразить обстановку на водах, минераловодскую знать, съезд петербуржцев и москвичей, «курортные романы», интриги врачей и др., т. е. ту обстановку, которая через несколько лет ожила под пером молодого Лермонтова, став фоном событий, описанных в «Дневнике Печорина».

Прообразами героев неосуществленного пушкинского романа служили реальные лица: известная всей Москве Мария Ивановна Римская-Корсакова и ее дочь красавица Александра, генерал Мерлини и его жена,

лекарь-малоросс, в котором угадывается доктор Рудыковский, о котором уже шла речь, и др.²²

Роман не был написан, но сцена, служившая, видимо, его экспозицией, переписана Пушкиным набело (VIII, 412—413): московская барыня собирается в далекое хлопотное путешествие на Кавказ, так как «доктора объявили», что ей для здоровья «необходимы горячие ванны», а ее дочери — «железные воды», хотя, судя по всему, обе они совершенно здоровы.

Впрочем, несмотря на общий скепсис по отношению к водолечению, Пушкин сохранил веру в целесообразность его применения в определенных случаях: предписываемые врачами конкретные воды по конкретному поводу и лишь до выздоровления. Так, в 1834 г. он спрашивает в письме Наталию Николаевну: «Начала ли ты железные ванны?», назначенные Спасским (XV, 154). А спустя две недели: «Если ты здорова, на что тебе ванны» (XV, 162).

В произведениях Пушкина находят отражение и модные в его время научные доктрины — физиогномия (физиогномика) и краниология. Первая из них связана с именем К. Лафатера, вторая — Ф. Галля.

Иоганн Каспар Лафатер, швейцарский пастор, моралист, богослов и поэт, родился в 1741 г. и умер на второй день нового — XIX — века, 2 января 1801 г. Смолоду он пристально вглядывался в человеческие лица и сопоставлял их с характером и поступками их обладателей. В 70-х гг. XVIII в. на основании многочисленных наблюдений он выступил с утверждением,

²² Совпадение некоторых персонажей («Параличный», «Откупщик») невольно наводит на мысль об ассоциативных связях планов «Романа на Кавказских водах» и приведенного выше отрывка из «Путешествия Онегина».

что по чертам лица можно узнавать внутреннюю сущность человека. Это учение, или «система», получило название физиогномии (совр. — физиогномика). Вот как сам Лафатер определял, что он понимает под этим термином: «Я называю физиогномией способность познавать внутреннюю сущность человека по его внешности, замечать некоторые естественные признаки, не сразу бросающиеся в глаза»²³.

Лафатер не первый пытался определить зависимость между чертами лица и характером человека. Эти попытки восходят к Аристотелю, в дальнейшем большой известностью пользовался труд итальянского ученого XVI в. Джамбаттиста Порты «De humana physiognomia», многократно издававшийся и переведенный на французский язык. Лафатер многое заимствовал у Порты, но добавил и много личных наблюдений. Он исходил из того, что по выражению глаз и очертанию рта можно судить не только о настроении человека в данный момент, но и о его характере вообще. Иногда, по Лафатеру, люди сами «вырабатывают» свою внешность в зависимости от того, каким, по их представлению, должно быть выражение лица соответственно общественному положению, поэтому существуют характерные черты придворного, юриста, врача²⁴, военного, государственного деятеля и др. Опыт показывает, что некоторая связь между чертами лица и характером человека действительно имеется, но придавать этой

²³ *L'art de connaître les hommes par la Physionomie*, par Gaspard Lavater. Vol. 1, p. 223.

²⁴ Он пишет, например, о том, как создается физиономия врача: «В конце концов врач придает своему лицу, часто вплоть до самой смерти, серьезное и суровое выражение, в связи со сценами несчастья, которых он ежедневно участник или свидетель. Но он должен сбрасывать это печальное выражение, подходя к больным».

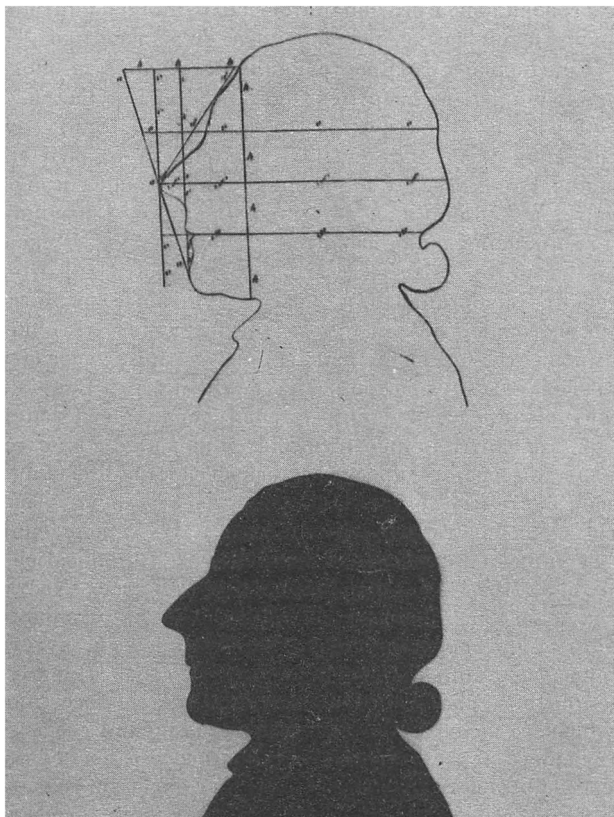
связи силу закона, конечно, нельзя. Лафатер, впрочем, и не пытался теоретически обосновать свои положения. Он неоднократно подчеркивал, что опирается лишь на наблюдения и впечатления. Он пытался, однако, придать некоторую объективность подобным наблюдениям, геометрически схематизируя человеческие профили, соединяя отдельные точки и измеряя углы между этими линиями: величины этих углов отражают, по Лафатеру, характер человека.

Учение Лафатера произвело большое впечатление на его современников. Популярность его как автора философских и этических сочинений еще более способствовало этому. Среди приверженцев нового учения был, между прочим, великий Гете, который помогал Лафатеру при создании его сочинений по физиогномике. В России Лафатер также имел много сторонников. К ним, в частности, принадлежал Н. М. Карамзин. Путешествуя в 1789—1790 гг. по Европе, он посетил Лафатера и при одном из посещений получил от него рукопись его сочинения «Сто физиогномических правил»²⁵, о чем рассказал в своих «Письмах русского путешественника». Вернувшись в Россию, Карамзин усиленно пропагандировал учение Лафатера и распространял его сочинения

В 20—30-е гг. XIX в. интерес к физиогномике еще не угас. Он проник и в семью Пушкина. Жена его лицейского товарища и друга А. Дельвига С. Дельвиг в одном из писем подруге (6 ноября 1826 г.) сообщала, что Ольга Сергеевна, сестра поэта, «бредит сочинением Лафатера о физиономиях, — она много его изучала, — и что ее страсть — распознавать характер всех по чертам лица»²⁶. Отдал дань этому интересу и сам Пушкин. Как

²⁵ См.: *Сборник* Отделения русского языка и литературы Академии Наук. Т. 54. № 5. СПб., 1893 (4-й пагинации).

²⁶ *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. С. 201.

*«Физиогномонический» портрет
К. Лафатера из его книги «Искусство
распознавать людей...». 1820.*

уже говорилось, в его библиотеке сохранились книги на французском языке, посвященные физиогномике.

Еще большее распространение получило в ту эпоху учение младшего современника Лафатера — Галля.

Франц Иосиф Галль (1758—1828), австрийский врач, изгнанный с родины за то, что его учение «прямо ведет к материализму», нашел приют сперва в Германии, а затем во Франции. Связанное с его именем учение сводится к следующему. Душевные свойства человека, его темперамент, характер зависят от организации мозга. Душевные свойства многообразны, поэтому мозг представляет не один, а множество органов, каждый из которых «ведает» определенным свойством ума и характера. Вопреки живучим представлениям о роли сердца, селезенки и др., все черты личности гнездятся не в них, а в мозге. Галль так сформулировал основные четыре принципа своей системы: 1) Нравственные качества и умственные способности — врожденные. 2) Их проявление и их упражнение зависят от структуры (organisation) мозга. 3) Мозг — орган всех склонностей, всех чувств, всех способностей. 4) Мозг состоит из стольких частных органов, сколько есть склонностей, чувств и способностей, различающихся между собой. Преимущественное развитие какого-либо умственного или душевного качества отражается в увеличении соответствующего «органа», т. е. участка мозга, а поскольку мозг непосредственно соприкасается с черепом, то форма мозга, а соответственно и его выпуклости, отражаются на форме черепа, образуя возвышения на его наружной поверхности. По ним и можно судить о преобладающих чертах характера. Галль и его ученики насчитали и пронумеровали 30 таких возвышений, определив их расположение и границы. Им соответствовали 30 «органов» различных свойств характера. В историю науки учение Галля вошло под названием

френологии (от греческого «френ», т. е. душа), но оно введено в употребление его учеником и сподвижником Шпурцгеймом. Сам же Галль восставал против этого термина и пользовался словами кефалоскопия, краниоскопия, краниология.

Галль в течение ряда лет кропотливо накапливал наблюдения, но ничего не печатал, а лишь читал лекции, привлекавшие большое число слушателей, поэтому его «система» была неоднократно обнародована до того, как он опубликовал ее сам в 1809 г. совместно с Шпурцгеймом. Спустя несколько лет перевод этого сочинения вышел в России под названием «Исследования о нервной системе вообще и о мозговой в особенности гг. Галля и Шпурцгейма. СПб., 1816». Переводчик этой книги—штаб-лекарь П. Пузино, участник заграничных походов 1813—1814 гг.—слушал в Париже курс лекций Галля и в 1817 г. издал цитированное выше «сокращение оною так, как занял оною от самого Автора»²⁷. В 1822—1825 гг. в Париже вышло шеститомное сочинение Галля²⁸, полно излагающее его представления о строении и функциях мозга, а также содержащее «наблюдения о возможности познавать некоторые умственные и нравственные наклонности человека и животных по конфигурации их голов».

Нужно подчеркнуть, что главным в своей системе Галль считал стремление локализовать главные фун-

²⁷ *Краткое* начертание Галлевой системы, или наука о мозговых отправлениях. Издал слушатель его Поликарп Пузино. СПб., 1817.

²⁸ *Sur les fonctions du cerveau et sur celles de chacune de ses parties, avec des observations sur la possibilité de reconnaître les instincts, les penchants, les talents, ou les dispositions morales et intellectuelles des hommes et des animaux par la configuration de leur cerveau et de leur tête.* Vol. I—VI. Paris, 1822—1825.

кции нервной системы и поведения человека в отдельных участках мозга. Отражение человеческих свойств в форме черепа было побочным и в известной степени второстепенным для самого автора. Об этом говорят и названия его трудов, но слушатели и читатели воспринимали в первую очередь именно эту, наиболее легкую для понимания сторону его системы, и в историю науки Галль вошел как создатель теории распознавания черт характера по выпуклостям черепа — теории, которая в дальнейшем сделала австрийского медика и его систему объектом злых насмешек.

Нет надобности сейчас подвергать серьезной критике учение Галля, но нельзя видеть в ней шарлатанство, как и забывать, что это была одна из первых попыток поставить проблему «строение тела и характер», к которой наука вернулась много лет спустя²⁹ и которую не разрешила полностью до сих пор. Нужно к тому же признать, что стремление искать мозговое «представительство» основных функций нервной системы и человеческого поведения было, несомненно, прогрессивным

²⁹ Любопытно, что, излагая системы Галля и Лафатера, Бурдон, чья книжка «La Physiognomonie» была в библиотеке Пушкина, привел в качестве примера цитату из «Юлия Цезаря» Шекспира, а спустя более 100 лет эту же цитату поставил эпиграфом к своей книге «Строение тела и характер» Э. Кречмер. Вот эта цитата в современном переводе М. Зенкевича, несколько, впрочем, приглушающем «краниологическое» звучание оригинала:

Цезарь: Хочу я видеть в свите только тучных,
Прилизанных и крепко спящих ночью.
А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.
Он много думает. Такой опасен.

Антоний: Не бойся, Цезарь; не опасен он;
Он благороден и благонамерен.

Цезарь: Он слишком тощ!..

(Акт 1. Сцена 2)

для того времени ³⁰. Недаром обскуранты всех мастей чуяли в нем материалистический дух. И когда в 1824 г. Велланский хотел читать публичные лекции о «Галловой краниоскопии», ему не разрешили этого, мотивируя тем, что она «противна христианской религии» ³¹. Учение Галля нашло много приверженцев, в том числе и в России. Вспомним хотя бы «небольшую гипсовую головку, разбитую на нумерованные четырехугольники» в кабинете Базарова-отца («Отцы и дети» И. С. Тургенева). Старший Базаров — уездный лекарь, так что это понятно, но учение Галля было популярно и среди людей, далеких от медицины. Так, М. Ю. Лермонтов, описывая доктора Вернера от лица Печорина, между прочим, замечает: «Он стриг волосы под гребенку, и неровности его черепа, обнаженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей». А в повести В. Ф. Одоевского «Imbrogljo» герой решает «проверить свой орган местной памяти — добраться до ночлега, никого не спрашивая». Специальные поиски, несомненно, позволили бы значительно увеличить число подобных примеров.

Всерьез принимали систему Галля и лица ближайшего окружения Пушкина. Друг поэта И. И. Пущин («мой первый друг, мой друг бесценный»), вспоминая впоследствии лицейскую жизнь, и, в частности, лицейского дядьку Сазонова, о котором уже шла речь, писал о нем, что это было «необыкновенное явление физиоло-

³⁰ Уместно вспомнить слова Бруссе на могиле Галля: «Будем благодарны ему за то, что он сделал, не упрекая за то, что он не смог сделать больше, и воздержимся от обвинений его в том, что он не выполнил того, на что другие и не осмелятся, хотя он и проложил путь, по которому они пойдут» (Revue encyclopedique, 1828, aout, p. 529).

³¹ Русский Архив. 1864. Стлб. 321.

гическое; Галль нашел бы, несомненно, подтверждение своей системы в его черепе»³².

Пушкин хорошо был знаком с учениями Галля и Лафатера. Упоминания их систем встречаются у него не часто, но представляют большой интерес. Самое раннее из них — в письме к Анне Петровне Керн 28 августа 1825 г. Полусерьезно, полушутливо предлагая ей бросить мужа и приехать к нему в Михайловское, одну из предпосылок для такого поступка Пушкин видит в наличии у нее «сильно развитого органа полета» (*organ du vol très prononcé*) (XIII, 214). А спустя несколько месяцев в поэме «Граф Нулин» ее герой ночью безошибочно находит ощупью дорогу, ибо, согласно черновому варианту, он «*местной памяти орган // Имел по Галевой примете*» (выделено авт.— С. Г.) (V, 171).

Орган местной памяти, он же орган любви к путешествиям, действительно значился среди выделенных Галлем мозговых органов. В его многотомном сочинении он значился под номером XII, а в знакомой Пушкину книге Бурдона — под номером XIII. Он проявляется двумя выпуклостями, расположенными косо от корня носа до середины лба. У кого местная память (*la memoire des lieux*) или ощущение местности (*sens des localités*) резко выражены, тому свойственно стремление путешествовать (*la passion des voyages*)³³. По Галлю, эти свойства присущи прежде всего птицам, поэтому Пушкин в применении к Керн поэтически называет ведающий ими орган «органом полета».

³² *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине и письма. М.—Л.: Госиздат, 1927. С. 59.

³³ [*Gall*]. *Sur les fonctions du cerveau...* Vol. IV. PP. 428, 456.

Мелькнули в сочинениях Пушкина и ссылки на Лафатера. В «Дубровском» слуги Троекурова за обедом «стали разносить тарелки по чинам, в случае недоумения руководствуясь Лафатерскими догадками, и почти всегда безошибочно» (VIII, 192). Этот пассаж находит свое основание в следующем тезисе Лафатера: «Каждый класс общества, каждая профессия обладает своей физиономией <...> В Париже опытный наблюдатель не спутает обитателя благородного Сен-Жерменского квартала с щеголем из Шоссе д'Антенн, ни рантье из Маре с мелким торговцем с улицы Вивьенн, ни юношу предместий со студентом из Латинского квартала»³⁴. То, что «лафатерские догадки» помогали слугам Троекурова почти безошибочно распознавать, на какой ступени общественной лестницы находится тот или иной гость, свидетельствует, что Пушкин в общем верил Лафатеру; а то, что он считал его положения «догадками», говорит, что, признавая их эмпирическую справедливость, он тем не менее отказывал им в научности.

Признавая справедливость «лафатерских догадок» для определения социального статуса персонажей, Пушкин почти никогда, однако, не прибегает к ним для личностной характеристики героев. Нужно, правда, отметить, что он вообще чрезвычайно скуп в описании внешности действующих лиц. Это заметно не только в стихотворных произведениях, что более или менее понятно, но и в прозе. «Правильные черты, большие, черные глаза» у Вольской («Гости съезжались на дачу» — VIII, 37—38), «интересная бледность» Бурмина («Метель» — VIII, 83), «черные глаза», оживлявшие «смуглое и очень приятное лицо» Лизы («Ба-

³⁴ *La Physiognomie...* P. 57.

рышня-крестьянка» — VIII, 111] — такие описания не давали, конечно, возможности составить «физиогномические биографии».

В последних своих прозаических сочинениях Пушкин описывал персонажей несколько более пространно: «толстый мужчина лет 50, с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком» — это Антон Пафнутьич в «Дубровском» (VIII, 192). Еще более развернуты словесные портреты в последнем прозаическом произведении — повести «Капитанская дочка». Вот как описан Пугачев: «Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское...» (VIII, 290]. Так воспринимает Гринев внешность Пугачева при их первой встрече. Несколько менее выразительно, но все же довольно подробно описана Екатерина II: «Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую» (VIII, 371). Но даже эти, непривычно для Пушкина распространенные, описания дают лишь намек на характер, но не содержат прямого сопоставления лица с душевными свойствами.

Намек на такое сопоставление находим мы у Анджело, чье «мрачное чело, // Угрюмой, злой души печальное зеркало» (V, 126). Более всего Пушкин приблизился к теории Лафатера в описании внешности Импровизатора в повести «Египетские Ночи». Оно напоминает данную Лафатером (в том виде, как она изложена ее последователем и популяризатором Бурдонном) физиогномическую характеристику людей холерического темперамента. Судите сами:

Импровизатор

«...бледный высокий лоб,
осененный черными клоками
волос, черные сверкающие
глаза, орлиный нос и
густая борода, окружающая
впалые желтосмуглые щеки»

(VIII, 265)

Холерик (по Лафатеру)

«Черты резкие и грубые;
глаза живые, взгляд уверенный,
нижняя губа несколько
выступает... лицо смуглое
или желтоватое, борода
густая и жесткая...»

(*La Physiognomie... P. 71*).

Но и здесь открытого сопоставления внешности с характером персонажа нет: оно как бы подразумевается. Такое прямое сопоставление можно найти у Пушкина лишь дважды: один раз в стихах, один — в прозе.

В первом случае связь между лицом и характером отмечается в... мраморном бюсте. Речь идет о стихотворении «К бюсту завоевателя». «Завоеватель» поэтом не назван, более того, читатель послан по ложному следу: завоевателем в те годы (стихотворение относится к 1829 г.) привычно именовался Наполеон³⁵. Пушкин же имел в виду бюст работы Торвальдсена, изображающий не Наполеона, а Александра I. Он описан так:

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противучувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

(III, 206)

Эта убийственная характеристика не укладывается ни в один из описанных Лафатером типов, но она на-

³⁵ Готовя стихотворение к печати, Пушкин первоначально собирался даже назвать его «Кумир Наполеона», «Бюст Наполеонов» (III, 801).

столько разительно свидетельствует об отражении душевных свойств в чертах лица, что отчетливо согласуется с доктриной Лафатера.

Другой пример, который мы находим в прозе Пушкина, не подтверждает теорию Лафатера, а, наоборот, противоречит ей. Это характеристика Германна («Пиковая дама»), данная от имени Томского: «У него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодейства» (VIII, 244). Такая оценка опровергает доктрину Лафатера, ибо душа Мефистофеля и злодейства приписаны человеку, чей профиль не соответствует этому типу. Все в той же книге Бурдона, бывшей в библиотеке Пушкина и, несомненно, очень внимательно им прочитанной, приведены портрет Наполеона (правда, не в профиль, а в три четверти) и его «физиогномическая характеристика». Она в корне противоположна представлению о Наполеоне как о злодее: «Широкий и высокий лоб, резкие черты, большая голова при малом росте, холерический темперамент; взгляд проникновенный и мечтательный. Наполеон изображен в период не наиболее блестящий, но наиболее решительный в его славной жизни и нашей истории, когда его гений кипел»³⁶. Из-под пера бонапартиста Бурдона вылилась, как видим, явная апология Наполеону. Пушкин вряд ли подписался бы под ней, но нужно помнить, что, претерпев в сознании поэта сложную эволюцию, образ Наполеона в 1830-е гг. не рисовался ему одномерно злодеем, как когда-то. Для Пушкина, понявшего его историческое значение, написавшего «Героя», в котором он признается заслуживающим — пусть в конкретной ситуации — быть «небу другом» (III, 252), черты внешности Наполеона и душа Мефистофеля не

³⁶ *La Physiognomie...* P. 253.

соответствуют друг другу. Недаром в характеристике Германна они связываются не соединительным «и», а противительным «а».

Сдержанное отношение к квазинаучным взглядам Галля и Лафатера не помешало Пушкину в 1836 г. наметить к напечатанию в «Современнике» статью «Применение систем Галля и Лафатера к изображению пяти подсудимых». Речь в ней должна была идти о пяти участниках покушения на жизнь французского короля Луи-Филиппа. Хотя Пушкин и подчеркивал, что не все мнения, высказанные в публикациях «Современника», «совершенно сходны» с его собственными³⁷, однако выбор статей, несомненно, указывал на интерес издателя к их основным положениям. Намерение Пушкина печатать в своем журнале статью, основанную на «применении систем Галля и Лафатера», безусловно, свидетельствует об его внимании к ним.

Предполагавшаяся публикация в «Современнике» не появилась. Цензурный комитет, признавая, что она «не принадлежит к разряду новостей политических», тем не менее не разрешил ее к печати в качестве «предмета, могущего подать повод к политическим суждениям»³⁸.

И еще один аспект учения Лафатера заслуживает внимания в контексте нашей темы. Как известно, Лафатер, стремясь к индивидуальной характеристике людей на основе их «физиогномического портрета», не отказывался от признания их принадлежности к одному из основных темпераментов, выделенных первоначально еще Гиппократом. В сохранившейся в библи-

³⁷ «Современник». 1836. Т. 3. С. 329. Примечание издателя.

³⁸ Переселенков С. А. Материалы для истории отношений цензуры к А. С. Пушкину. — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. 6. СПб., 1908. С. 5.

отеке Пушкина книге Бурдона описывается типичная для каждого темперамента внешность и присущие ей черты личности³⁹. Сам же Пушкин, обрисовывая характеры, воспользовался названием лишь одного темперамента — меланхолического, посчитав обладателями его своих выдающихся современников — Гоголя и Грибоедова.

Характеристика Грибоедова как меланхолика содержится в «Путешествии в Арзрум». Встреча на дороге с телом убитого «Грибоеда» вызвала у Пушкина грустные размышления о его личности и судьбе. Он записал: «Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— все в нем было необыкновенно привлекательно» (VIII, 461). Второй «меланхолик» — Гоголь. Он не назван, но легко узнаваем в следующих строках: «Я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости» (XI, 248)⁴⁰.

³⁹ *La Physiognomonie... P. 66—72.*

⁴⁰ Мнение о том, что в данных словах Пушкин имел в виду Гоголя, было высказано Н. С. Тихонравовым и поддержано Н. О. Лернером, но резко оспорено В. Гиппиусом. Примечание в академическом издании сочинений Гоголя решительно отвергает это мнение. Не вдаваясь в полемику, следует все же сказать, что контраргументы, выдвигаемые его оппонентами, неубедительны и могут быть в свою очередь опровергнуты. Но даже не рассматривая доводы обеих сторон, нельзя не сослаться на автохарактеристику Гоголя, почти текстуально близкую пушкинской, приведенную им в письме к Жуковскому 29 декабря 1847 г.: «Правда, что еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к веселости... Но это были временные припадки; вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению. Впоследствии присоединились к этому болезнь и хандра» — (Го-

Сопоставление этих характеристик с распространенным в то время представлением о меланхолии, чаще всего отождествляемой с печалью⁴¹, показывает, что по отношению к Гоголю, девизом которого было «озирать жизнь сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы»⁴², пушкинская оценка совпадает с ним. Что же касается Грибоедова, то вряд ли основным проявлением его личности можно считать печаль. Даже в самой пушкинской характеристике, по-пушкински лаконичной и выпуклой, меланхолический характер, как видим, соседствует с «озлобленным умом» и «добродушием». Эта характеристика Грибоедова ближе к тому, как понимал меланхолический характер Галич: он «расположен к унынию, к недовольству, к брюзгливости, к подозрениям, к ненависти, к уединению...»⁴³. Но и черты меланхолика по Галичу далеко не идентичны личности Грибоедова.

Третье реальное лицо, которое Пушкин наградил эпитетом «меланхолический», — это декабрист И. Д. Якушкин, упомянутый в X (сожженной) главе «Онегина»:

...Меланхолический Якушкин
Казалось молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
(VI, 524)

голь Н. В. Полн. собр. соч.: В. 14 т. М.: АН СССР. Т. 14. С. 34). Добавим к этому, что, по словам самого Гоголя, «главное существо» его как писателя «слышал один только Пушкин» (Там же. Т. 8. С. 292.) .

⁴¹ Меланхолия — синоним «задумчивости» (*Бутковский П.* Душевные болезни. СПб., 1834. Ч. 2. С. 42); это — «бред с унынием, печалью и большей или меньшей склонностью к отчаянию» (*Пинель Ф.* Врачебно-философское начертание душевных болезней. М., 1829. С. 96) и др.

⁴² *Гоголь Н. В.* Мертвые души. Т. 1. Гл. 7.

⁴³ *Галич А.* Указ. соч. С. 123.

Нам трудно судить, почему поэт считал Якушкина «меланхолическим». Записки Якушкина и воспоминания его товарищей по Тайному обществу и по каторге не дают оснований для такой характеристики, да и замысел цареубийства, о котором идет речь у Пушкина, не вяжется с типом меланхолика: разве что «молча обнажал...» (выделено мною. — С. Г.)

Все это позволяет предположить, что поэт вкладывал какое-то свое, особое содержание в понятие меланхолии, не говоря уже о том, что он отрицал одномерное представление о человеческой личности, диктуемое строгим разделением на темпераменты. В человеке, по Пушкину, сочетаются различные, порой противоречивые, свойства и качества. Именно это он ценил в героях Шекспира⁴⁴. Впрочем, возможно, Пушкин был склонен главным свойством меланхолика считать мрачность, раздражительность, как об этом писали некоторые авторы⁴⁵, связывая эти проявления с неосуществленными честолюбивыми замыслами.

На протяжении всей сознательной жизни Пушкина ему сопутствовало то ослабевающее, то вспыхивающее с новой силой увлечение всего окружающего его общества так называемым животным магнетизмом.

⁴⁴ «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры» (XII, 159—160).

⁴⁵ См., например, у Филомафитского: «Все представления их (меланхоликов. — С. Г.) печальны и мрачны (...). История... всех знаменитых меланхоликов представляет нам борьбу гения с нещастиями; великая душа, облеченная в слабое тело, вначале кроткая, раздражительная, исполняется негодованием и беспокойством, чувствуя нещастное свое положение и несправедливость людей...» (Филомафитский А. Физиология. С. 204).

Учение о животном магнетизме тесно связано с именем австрийского врача А . Ф . М е с м е р а (1734—1815) — Пушкин так и именовал его: «Месмеров магнетизм» (VIII, 240). В этой теории причудливо сплелись и достаточно распространенные к этому времени сведения об электричестве, и древние поверья о ясновидящих и прорицателях. В 1766 г. Месмер издал книгу о влиянии планет на тело человеческое. Он утверждал, что орудием этого влияния служит некая повсеместно разлитая жидкость. Сначала он связывал ее с электричеством, но затем, сочтя, что ее действие в человеческом теле проявляется свойствами, сходными со свойствами магнита, назвал ее животным магнетизмом. В 1799 г. Месмер сформулировал сущность своей доктрины в 27 тезисах, изложенных весьма туманно. Они были затем развиты его учениками и последователями, в частности в книге К. А. Ключе «Опыт использования животного магнетизма в качестве лечебного средства»⁴⁶, переведенной на русский язык Д. Велланским и названной им «Животный магнетизм, представленный в историческом, практическом и фѳоретическом содержании» (СПб., 1818).

Представление о том, как понимали животный магнетизм его адепты, можно составить по некоторым выдержкам из сочинения Ключе. «Между небесными телами, землею и живыми существами имеется взаимное влияние», которое осуществляется с помощью «тончайшей повсюду распростертой жидкости, которая все проникает, принимает всякое впечатление движения, проводит и сообщает оное...» Это вещество действует непосредственно на нервы, соединяется с ними,

⁴⁶ [Kluge K. A. F.] Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus als Heilmittel von Karl Alexand. Fred. Kluge. Berlin, 1818.

и производит в человеческом теле явления, подобные магнитным, а именно — «полярность и уклонение», почему эти явления и названы животным магнетизмом⁴⁷. Они обладают целебным действием.

Сперва Месмер и его последователи прикасались к больным частям тела намагниченным металлическим прутом. Впоследствии решили, что магнитные свойства могут передаваться посредством прикосновения, дуновения, пристального взгляда и даже только «устремления мыслей»⁴⁸. Это вызывает в магнетизируемом определенные явления — общие и особенные. К первым относятся: «общее возбуждение и усиление жизненной деятельности, ускорение пульса и дыхания, веселость духа, улучшение аппетита»⁴⁹ и т. п. Особенности — это приведение магнетизируемого в «магнитное состояние». Оно делилось на шесть степеней. Первые две — физические: 1) бдение и 2) полусон; остальные четыре — психические: 3) магнитный сон, при котором человек спит, но в то же время бодрствует, сохраняя способность воспринимать внешние воздействия, в первую очередь — исходящие от магнетизера; 4) снобдение (сомнамбулизм), 5) «самоведение», включающее ясновидение, способность к прорицанию; 6) просветление, экстаз⁵⁰.

Месмер и его последователи придавали магнетизму способность излечивать многие болезни. Сначала речь шла главным образом о нервных болезнях. «Животный магнетизм действует, во-первых, на всю нервную систему и может употреблен быть во всех болезнях, поражающих оную, наиболее с духовной ее стороны и которые

⁴⁷ Ключе К. А. Животный магнетизм... С. 18—19.

⁴⁸ Там же. С. 169—171.

⁴⁹ Там же. С. 46—47.

⁵⁰ Там же. С. 51—57.

не сопряжены еще с важными органическими повреждениями»⁵¹. Но понемногу, увлекшись «новым лечебным средством» и уверовав в его универсальность, стали «лечить» магнетизмом не только «духовную сторону», но и «органические повреждения» — параличи, а затем и переломы, укорочение конечностей и т. п.

В Россию лечение животным магнетизмом было занесено еще до Месмера, сразу же после его возникновения в XVIII в. Первой его ласточкой были попытки А. Бахерахта в 1765 г. лечить магнетизмом зубную боль⁵². Спустя двадцать с лишком лет в оде Державина «На счастье» (1789) имелись уже такие строки: «Как ты лишь всем чудотворишь, // Девиц и дам магнизирешь...»⁵³, которые сам Державин комментировал следующим образом: «В 1786 г. в Петербурге магнетизм был в великом употреблении. Одна г-жа К. занималась новым сим открытием, пред всеми в таинственном сне делала разные прорицания»⁵⁴. Собираясь в 1789 г. в путешествие по Европе, юный Карамзин писал Лафатеру: «Что должно думать о магнетизме? <...> Это во всяком случае слишком важное явление, чтобы я оставил его незамеченным во время моего странствия по свету...»⁵⁵.

⁵¹ Ключе К. А. Указ. соч. С. 278.

⁵² См.: *Санктпетербургские Ведомости*. 1765. № 42, 53.

⁵³ *Державин Г. Р. Сочинения*. Изд. Имп. Академии Наук. Т. 1, СПб., 1864. С. 245.

⁵⁴ *Объяснения на сочинения Державина*, им самим диктованные родной его племяннице Елисавете Николаевне Львовой в 1809 году. Данные Ф. П. Львовым. СПб., 1834. С. 20.

⁵⁵ *Переписка Карамзина с Лафатером*. — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук. Т. 54. № 5, СПб., 1893. С. 48.

Затихшее было в конце XVIII в. в связи с неоднократными отрицательными заключениями Французской Академии Наук и образованной ею комиссии увлечение животным магнетизмом обнаружилось с новой силой — в том числе в России — в 10-х гг. XIX в.⁵⁶ В 1816 г. в Дерпте профессор физики Паррот отмечал, что «животный магнетизм вновь поднимается после того смертельного удара, который был нанесен ему общественным мнением»⁵⁷. Помещая в том же году в своем журнале статью А. Р. «О магнетизме», Н. И. Греч с полным основанием полагал, что многие его читатели «видели любопытные опыты над магнетизмом»⁵⁸.

Магнетизм быстро стал модным. Если в 1816 г. Греч еще осторожно замечал, что не имеет намерения убеждать читателей в истине Месмеровой системы, то двумя годами позже он уже утверждал, что «чудесная сила магнетизма... не подвержена никакому сомнению»⁵⁹. Страсть «толковать о магнетизме» стала, по выражению Греча, уделом «гостиных комнат и чайных столиков». Недаром по одному из черновых вариантов I главы «Онегина» юноша-Онегин среди тем светской болтовни мог поддержать и такие, как «о магнетизме, о Парни»... (VI, 217). При этом внимание широкой публики привлекало не столько лечение магнетизмом, сколько способность магнетизеров как бы усыплять «магнетизируемых», приводить их в такое состояние, которое, будучи сном, позволяло им в то же время выполнять, подчиняясь воле магнетизера, какие-то действия, напоминающие поведение лунатика. В статьях

⁵⁶ Ср. в воспоминаниях М. И. Муравьева-Апостола: «С 1815 г. я стал знакомиться с магнетизмом, читая все, что о нем писалось». — *Русская Старина*. 1886. Сентябрь. С. 550.

⁵⁷ *Coup d'oeil sur le magnetisme animal*. SPB, 1816. P. 1.

⁵⁸ *Сын Отечества*. 1816. Ч. 28. № VII. С. 15.

⁵⁹ *Там же*. 1818. Ч. 43. С. 227.

и книгах о магнетизме все чаще появляются рассказы о лунатиках, сомнамбулах, «клервоянах» (ясновидящие), прорицателях и т. п.

В 1818 г. появилась даже комическая опера «Животный магнетизм или Доктор Самоучка» композитора Маурера на слова, по-видимому, А. Шаховского. Опера успеха не имела: по ядовитому замечанию рецензента, «животный магнетизм в полном смысле совершил над зрителями свое действие»⁶⁰, т. е. усыпил их. Увлечение это было настолько велико, что вмешалась полиция: по ее представлению Комитет министров в апреле 1816 г. вынес решение, согласно которому заниматься магнетизированием разрешалось только врачам, да и то с ведома полиции и под контролем Медицинского совета⁶¹. Но вопреки решению начальства магнетизирование широко практиковали не только врачи.

В начале 1830-х гг. внимание петербургского общества привлекали магнетические сеансы некоей А. Турчаниновой, которая, по словам современников, «почувствовала в себе магнетическую силу лечить горбатых и коротконогих и приехала в Петербург заняться этим». Среди ее клиентов было много представителей петербургского «света». Приятельница Пушкина А. О. Россет-Смирнова вспоминала, как в зиму 1831—1832 гг. горбатая сестра ее мужа «лечилась у магнетизерки Турчаниновой, у которой перебивал весь город». Известно, что глава дружественной Пушкину семьи Н. Н. Раевский-старший также верил Турчаниновой и прибегал к ее помощи. Сын его, скептический А. Н. Раевский («демон» Пушкина), хоть и сомневался, но тоже побывал у нее. Раевский-старший и сам

⁶⁰ *Сын Отечества*. 1818. № 8. С. 41.

⁶¹ *Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения*. Т. 1. СПб., 1875. С. 879.

пробовал исцелять магнетизмом и, по словам М. И. Муравьева-Апостола, «многих излечил посредством магнетизма»⁶².

Легковерное увлечение животным магнетизмом вызвало возражения со стороны некоторых врачей, но их голоса тонули в общем хоре адептов этого учения. Более того, когда в 1831 г. в Петербурге объявилась холера, растерявшиеся врачи для распознавания природы этой болезни склонны были привлечь животный магнетизм и прорицания сомнамбул⁶³. Даже у передовых врачей того времени отношение к животному магнетизму было двойственным: с одной стороны, они не решались отрицать успеха лечения этим способом, обязанного, скорее всего, силе внушения, с другой — не могли не видеть злоупотреблений «магнетизеров». А. А. Иовский писал: «Признаюсь откровенно, что я и партизан и вместе противник животного магнетизма; партизан его, поелику я наблюдал и, думаю, заметил настоящие действия сего таинственного искусства; противник, поелику твердо знаю все обезьянства магнетизеров, все ошибки, которые они примешали к своему искусству; наконец все те порицания, заслуживающие применения, на которые они отваживаются вопреки истине»⁶⁴.

Здравомыслящие врачи понимали истинную подоплеку всех явлений магнетизма и, не умея назвать ее, по существу правильно приписывали их гипнотизму. И действительно, в дальнейшем в учение о гипнозе перешло многое из того, что фигурировало в учении

⁶² *Русская Старина*. 1886. Сентябрь. С. 550.

⁶³ *Архангельский Г.* Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823—1872. СПб., 1874; см. также: *Русская Старина*. 1874. Декабрь. С. 696.

⁶⁴ *Вестник естественных наук и медицины*. 1828. № 5. С. 36.

о животном магнетизме. Даже некоторые термины, такие, как пассы, раппорт и др., продолжали долгое время применяться в теории и практике гипноза. Академик В. М. Бехтерев подтверждал, что «гипнотические внушения оказывают решительное влияние на весьма многие нервные расстройства, не обусловленные органическими поражениями, как например, истерические контрактуры и параличи», и объяснял этим «чудесные исцеления от недугов, производимые Месмером:»⁶⁵.

В пушкинское время учения о внушении и гипнозе еще не существовало, но некоторые врачи как бы «предчувствовали» его. Даже Ключе, верный адепт животного магнетизма, в своей книге писал, что сущность его еще не известна и «принятое единожды наименование удержано, покуда узнают собственнее настоящую действующую здесь причину, по которой можно будет дать правильнейшее наименование и самому явлению»⁶⁶. Животный магнетизм, по его мнению, «считали несправедливо одним физическим действием, не признавая в оном никакой психической силы»⁶⁷. На самом же деле «душевное влияние имеет здесь чрезвычайную важность»⁶⁸.

Животный магнетизм получил отражение и в русской литературе. В журнале «Сын Отечества» в 1825 г. (Ч. 103. № 19—20) был напечатан перевод повести Цшокке «Ясновидящая». В первых же номерах «Литературной Газеты» появился отрывок из романа А. Погорельского «Магнетизер». В 1834 г. вышел роман Н. Греча «Черная женщина», в котором уделено боль-

⁶⁵ *Бехтерев В. М.* Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение. СПб., 1911. С. 43, 47.

⁶⁶ *Ключе К. А.* Указ. соч. С. 41—42.

⁶⁷ *Там же.* С. 67.

⁶⁸ *Там же.* С. 167.

шое внимание тому, что трактовалось как магнетизм. В одной из черновых редакций повести Гоголя «Нос», над которой писатель работал в 1833—1835 гг. и которая в конце концов появилась в пушкинском «Современнике», упоминалось: «Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному: недавно только что занимали публику опыты действия магнетизма».

Находясь в средоточии общего увлечения животным магнетизмом, Пушкин не остался в стороне от него. Об этом свидетельствует отмеченное раньше упоминание магнетизма в I главе «Онегина», а также помещенная, безусловно, с его ведома статья Велланского в «Литературной Газете» в защиту магнетизма, о чем уже было сказано. А. А. Кононов рассказывал, что при встрече с ним Пушкин «много говорил о Турчаниновой, которая тогда удивляла всех своим глазным магнетизмом; он сказывал, что он готовит о том сочинение»⁶⁹.

Представляют в этом плане интерес воспоминания А. А. Фукса. В сентябре 1833 г. по пути в Оренбург для сбора материалов по истории Пугачевского восстания Пушкин на несколько дней задержался в Казани, где провел вечер у К. Ф. Фукса, профессора Казанского университета, ученого медика, этнографа и энтомолога, предоставившего поэту ряд интересных для него исторических и этнографических материалов (См. напр.: IX, 116; XV, 80). Жена Фукса Александра Александровна, весьма посредственная поэтесса, оставила воспоминания о пребывании Пушкина в их доме. Она сообщила: «В продолжение ужина разговор был о *магнетизме*. <...> Пушкин старался всевозможными доказательствами нас уверить в истине магнетизма»⁷⁰.

⁶⁹ Библиографические записки. 1859. № 10. Стлб. 308.

⁷⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 257—258. (выделено авт.—С. Г.).

Показателем интереса Пушкина к этой теме служит и то, что в третьем томе «Современника» в разделе «Новые книги» он поместил извещение о выходе из печати русского перевода сочинения Делеза «Руководство к практическому изучению животного магнетизма»⁷¹. Книга эта, безусловно, достойна внимания. Она посвящена применению животного магнетизма исключительно в лечебных целях. Переводчик (к сожалению, имени его установить не удалось) специально подчеркивает, что в его переводе «выпущено все, что могло показаться сомнительным или совершенно невероятным». Он возражает тем, кто приписывает явления животного магнетизма «единственно действию усиленного воображения», и тем не менее признает, что магнетизм — это «напряжение силы, управляющей теми органами, кои подвержены влиянию воли», и что «первое условие магнетизирования есть хотение»⁷².

Животный магнетизм нашел отражение и в произведениях Пушкина. Ранее всего — в поэме «Руслан и Людмила». В первом издании она содержала несколько строк, впоследствии выпущенных поэтом. В частности, в начале Четвертой песни поэмы после строк

Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно бога,
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.
К тому же — честь и слава им!
Женитьбы наши безопасны...
Мужьям, девицам молодым
Их замыслы не так ужасны.

(IV, 50)

⁷¹ *Deleuze J. P. F. Instruction pratique sur le magnétisme animal.* Paris, 1825.

⁷² *Делез. Руководство...* С. 31—32.

следовало:

Не прав Фернейский злой крикун!
Все к лучшему: теперь колдун
Иль магнетизмом лечит бедных
И девушек худых и бледных,
Пророчит, издает журнал —
Дела достойные похвал!

(IV, 279)

Выпущенные строки свидетельствуют о хорошем знакомстве поэта с тем, что говорили и писали о магнетизме, и поддаются известному комментированию, раскрытию конкретных фактов, отразившихся в пушкинских стихах. Что магнетизмом лечат худых и бледных девушек — это понятно. Но почему — бедных? Комментарий к этому находим в той же книге Ключе. В ней сообщалось, что в конце XVIII в. в различных городах Европы организованы «магнитные общества», где в присутствии врачей «магнетизированы были безнадежно больные, беспомощные». Трудно, конечно, утверждать, что Пушкин был знаком с книгой Ключе — Велланского, но предположение такое вполне допустимо: очень уж много было вокруг поэта толков о магнетизме. Кроме того, некоторое время спустя Пушкин, как уже говорилось, упомянет магнетизм как тему светской болтовни в I главе «Евгения Онегина», события которой имеют точную дату: «Первая глава... в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года» (VI, 638), т. е. именно года выхода книги Ключе — Велланского.

Наиболее интересно упоминание магнетизма в VIII главе «Евгения Онегина». Пораженный поздно пробудившейся любовью к Татьяне, Онегин тоскует и мучается страшными воспоминаниями о смерти Ленского:

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил,
Или не сделался поэтом.
Признаться: то-то б одолжил!
А точно: силой магнетизма
Стихов российских механизма
Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик.

(VI, 184)

Приведенные строки направлены сразу на две цели: во-первых, против петербургского общества, чье увлечение магнетизмом помнилось Пушкину и в болдинском заточении, когда создавалась эта глава романа в стихах; во-вторых, в них звучит явная ирония по поводу веры в преувеличенные возможности магнетизирования. Пушкин был достаточно осведомлен в теории животного магнетизма. Как уже говорилось, согласно этой теории, высшие степени магнитного состояния — это магнитное прозрение (ясновидение) и магнитное просветление (экстаз). Эти степени приводят к «возвышению душевных сил», благодаря чему магнетизированные становятся способными познавать то, что в обычных условиях для них непостижимо.* Вера в подобное чудодейственное влияние магнетизма была весьма распространена. Герой одной из повестей Бестужева-Марлинского утверждает, что животный магнетизм «в одну засыпку», т. е. при первом же усыплении, «учит по латыни и по гречески». Так и Онегин, кото-

* Любопытно в этой связи то, что о самом Пушкине писал Ф. Ф. Вигель: «Как не верить силе магнетизма, когда видишь действие одного человека на другого? Разговор Пушкина, как бы электрическим прутиком касаясь моей... главы, внезапно порождает в ней тысячу мыслей, живых, веселых, молодых...» (Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 2. С. 204).

рый, как известно, не мог «ямба от хорей, как мы ни бились, отличить» (VI, 8), вдруг силою магнетизма чуть было не сделался поэтом. Правда, такое его состояние приравнивается к тому, что он «чуть с ума не своротил»; здесь авторская ирония метит уже во все сословие поэтов. Впрочем, для Пушкина очевидно, что «силой магнетизма» стать истинным творцом невозможно: ведь душевное состояние Онегина — это, согласно соответствующим теориям, «шестая степень» магнитного состояния, т. е. экстаз. Экстаз же, по не раз высказанному мнению самого Пушкина, не рождает подлинного искусства: экстаз близок к восторгу, поэзию же создает не восторг, а вдохновение. О разнице между ними Пушкин сказал очень четко в заметке «О вдохновении и восторге» (XI, 41—42).

В связи с рассматриваемой темой следует специально коснуться еще одного момента. Германн в спальне старой графини наблюдает за старухой, когда она, отпустив своих горничных, остается одна: «Графиня сидела вся желтая, шевелия отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого галванизма» (VIII, 240). Слова «не от ее воли» заставили некоторых комментаторов приписать «качание страшной старухи» влиянию животного магнетизма, т. е. приравнять названный Пушкиным «галванизм» к магнетизму. Известные основания для этого были, поскольку в научной литературе того времени встречались указания на то, что «некоторые врачи считают животный магнетизм подобным электричеству и полагают причиною его явлений галвано-электрический процесс в животном теле»⁷³. И еще несколько десяти-

⁷³ Клюге К. А. Животный магнетизм... С. 41.

летий спустя явления магнетизма и гальванизма нечетко разграничивались⁷⁴. Но в пушкинское время уже и дифференцировали эти два явления. В частности, в той книге Делеза, о которой сообщал Пушкин в своем «Современнике», было сказано, что нет никакой аналогии между «магнетизмом животным» и «электричеством или гальванизмом»⁷⁵.

Пушкин еще в лицейском курсе знакомился с гальванизмом и магнетизмом как физическими явлениями и не склонен был отождествлять их. Тем более не должен был делать этого инженер Германн. В качании старой графини он видел сходство с судорожными явлениями, возникающими в опытах Гальвани. В нем можно усмотреть и некоторую аналогию с конвульсиями, вызываемыми разрядом от электрической машины. Такие машины и попытки их использования с лечебной целью были давно известны в России — еще со времен Ломоносова. Возражения Вольты против предложенной Гальвани интерпретации его опытов остались достоянием лишь специалистов-физиков⁷⁶, в широких же кругах все не поддающиеся иному объяснению судороги продолжали считаться происходящими «по действию гальванизма». О *скрытом* же гальванизме Пушкин говорил потому, что «для произведения судорожных движений необходимо соприкосновение двух разнородных металлов»⁷⁷, тогда как внешнего воздействия на старую графиню видно не было.

⁷⁴ См. *Белевский Ф.* Гальванизм в применении к медицинской практике. М., 1859. С. 4.

⁷⁵ *Делез.* Руководство... С. 175.

⁷⁶ *Дорфман Я. Г.* Всемирная история физики с древнейших времен до конца XVIII века. М.: «Наука», 1974. С. 297—298.

⁷⁷ *П[еревощиков] Д.* О гальванизме. — Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических. 1827. Ч. 2. № 1—3. С. 174.

Итак, как видим, о наиболее впечатляющих его современников явлениях, приписываемых животному магнетизму, Пушкин вообще не упоминает. Так, нигде не фигурируют у него ясновидящие. Отзвуки же представлений о чудесных излечениях («Руслан и Людмила») и не менее чудесном овладении поэтическим даром («Евгений Онегин») окрашены, как мы видели, явно иронической, чтобы не сказать — скептической, интонацией, так что утверждение о вере Пушкина в чудодейственную силу животного магнетизма явно преувеличено.

А как же упомянутые воспоминания А. Фукс? Они ведь очень существенны для уяснения взглядов Пушкина на животный магнетизм, поэтому рассмотрим ее рассказ более внимательно.

Итак: «В продолжение ужина разговор был о магнетизме. Карл Федорович (муж мемуаристки. — С. Г.) не верит ему, потому что очень учен, а я не верю, потому что ничего тут не понимаю. Пушкин старался всевозможными доказательствами нас уверить в истине магнетизма. «Испытайте, — говорил он мне, — когда вы будете в большом обществе, выберите из них одного человека, вовсе вам незнакомого, который сидел бы к вам даже спиною, устремите на него все ваши мысли, пожелайте, чтобы незнакомец обратил на вас внимание, но пожелайте сильно, всею вашею душою, и вы увидите, что незнакомый, как бы невольно, оборотится и будет на вас смотреть».

«Это не может быть, — сказала я, — как иногда я желала, чтобы не меня смотрели, желала и сердцем и душою, но кто не хотел смотреть, не взглянул ни разу». Мой ответ рассмешил его. «Неужели это с вами случилось? О нет, я этому не поверю; прошу вас, пожалуйста, верьте магнетизму и бойтесь его волшебной силы; вы еще не знаете, какие он чудеса делает над женщинами».

«Не верю и не желаю знать»,— отвечала я. «Но я уверяю вас по чести,— продолжал он,— я был очевидцем таких примеров, что женщина, любивши самую страстную любовь, при такой же взаимной любви, остается добродетельною; но бывали случаи, что эта же самая женщина, вовсе не любивши, как бы невольно, со страхом, исполняет все желания мужчины даже до самоотвержения. Вот это-то и есть сила магнетизма».

Я была рада, когда кончился разговор о магнетизме, хотя занял его другой, еще менее интересный, о посещении духов, о предсказаниях и о многом, касающемся суеверия.

«Вам, может быть, покажется удивительным,— начал опять говорить Пушкин,— что я верю многому невероятному и непостижимому; быть так суеверным заставил меня один случай. Раз пошел я с Н.В.В. ходить по Невскому проспекту, и из проказ зашли к кофейной гадалщице. Мы просили ее погадать и, не говоря о прошедшем, сказать будущее. «Вы,— сказала она мне,— на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место; потом, в скором времени, получите через письмо неожиданные деньги; а третье, я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественной смертью...» Без сомнения, я забыл в тот же день и о гадании и о гадалщице. Но спустя недели две после этого предсказания, и опять на Невском проспекте, я действительно встретился с моим давнишним приятелем, который служил в Варшаве при великом князе Константине Павловиче и перешел служить в Петербург; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве. <...> Вот первый раз после гадания, когда я вспомнил о гадалщице. Через несколько дней после встречи с знакомым, я в самом деле получил с почты письмо с деньгами; и мог ли ожидать их? Эти деньги прислал мой лицейский товарищ, с которым мы, бывши еще

учениками, играли в карты, и я его обыграл. Он ... прислал мне долг, который я не только не ожидал, но и забыл о нем. Теперь надо сбыться третьему предсказанию, и я в этом совершенно уверен...»

Суеверие такого образованного человека меня очень тогда удивило; я упомянула о том в первом письме из Чебоксарской поездки, напечатанном в 1833 году»⁷⁸.

Пушкин действительно был суеверен. Он легко признавался в этом и в личных беседах, и в произведениях. «Читатель,— писал он,— ...вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, не смотря на всевозможное презрение к предрассудкам» (VIII, 288—289). Не станем выяснять, насколько рассказанное А. Фукс находит подтверждение в фактах биографии поэта: это выходит за пределы нашей темы. Остановимся на другом.

Первое упоминание о взглядах Пушкина на суеверие, на которое сослалась А. Фукс, приводится в ее брошюре «Поездка из Казани в Чебоксары», изданной в 1834 г. Брошюра эта была послана автором Пушкину в Петербург с дарственной надписью. Поэт был жив, и мемуаристка не решилась пересказывать его подлинными словами, ограничившись скудным упоминанием о них: рассказав о своей встрече со странником-предсказателем, она добавила: «Мне тотчас пришли в голову мысли нашего славного Поэта Пушкина, который верит предсказаниям»⁷⁹. И это все. В воспоминаниях же А. Фукс, изданных спустя 10 лет, в 1844 г.⁸⁰, мысли

⁷⁸ А. Фукс ошиблась: письмо ее, о котором она упоминает, было напечатано не в 1833, а в 1834 г. — сначала в журнале «Заволжский Муравей» (1834, № 1), а затем перепечатано в брошюре «Поездка из Казани в Чебоксары Александры Фукс». Казань, 1834.

⁷⁹ [Фукс А.]. Поездка из Казани в Чебоксары... С. 4.

⁸⁰ Казанские губернские ведомости. 1844. № 2.

Пушкина о суевериях изложены, как мы видели, весьма пространно. Можно предположить, что так же А. Фукс поступила и со словами поэта о магнетизме. Пушкина уже нет, и не боясь возможных возражений с его стороны, автор дает себе свободу в пересказе его слов⁸¹. При этом оказывается, что приведенные ею слова Пушкина о магнетизме восходят к совершенно конкретному *литературному источнику*: это вышедший в 1834 г. роман Н. И. Греча «Черная женщина». В том, что А. Фукс, следившая за литературой и сама participant к ней, читала этот роман, сомневаться не приходится. А в этом романе есть следующий эпизод: «Алимари утверждал, что можно одною волею принудить человека, который на вас не смотрит, оглянуться и отвечать вам взором. Он утверждает, что для сего должно только смотреть на этого человека несколько секунд пристально, хотя бы с тылу, и думать о нем исключительно»⁸².

Совпадение этих строк с рассказом мемуаристки слишком значительно, чтобы быть случайным. Это дает право усомниться в абсолютной точности передачи казанской поэтессой слов Пушкина: скорее она воспользовалась готовым текстом для того, чтобы подставить его в пересказ подзабытых уже слов поэта.

⁸¹ Своим воспоминаниям А. Фукс придала форму письма к подруге — Е. Н. Мандрыке. Письмо не датировано, но оно начинается словами: «Как трогательно ты описываешь свое сожаление о смерти нашего незабвенного Пушкина», — следовательно, написано не ранее февраля 1837 г., т. е. не менее чем через три с лишним года после пребывания поэта в доме Фуков и тех бесед, которые пересказывает мемуаристка. При всем уважении к Пушкину подлинные его слова могли уже забыться.

⁸² Греч. Н. И. Черная женщина. СПб., 1834. Ч. 1. С. 178—179.

Даже если мысль Пушкина передана точно, что же из этого следует? Что он выдвигал следующие три положения: 1) пристальным взглядом и напряжением воли можно заставить человека почувствовать обращенный на него взгляд и обернуться; 2) «магнетизм» особенную власть имеет над женщинами; 3) женщина, даже не любя, «невольнo, со страхом, исполняет все желания мужчины». Все эти положения имеют под собой фактическую основу: вера в силу пристального взгляда была распространена в пушкинскую эпоху. Первый биограф Лермонтова сообщает: «Поэт, бывало, молча глядел на нее (С. М. Виельгорскую, будущую Соллогуб.— С. Г.) своими выразительными глазами, имевшими магнетическое влияние, так что невольнo приходилось обращаться в ту сторону, откуда глядели они на вас»⁸³. Отзвуки этого находили неоднократно отражение и в литературных произведениях, начиная цитированным романом Греча и кончая близкими к нашему времени⁸⁴. Явление это признано и специалистами в области высшей нервной деятельности⁸⁵.

⁸³ Цит. по: *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М.: Художественная литература, 1986. С. 90.

⁸⁴ Ср. у А. Блока:

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.
Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.
А другой — точно сразу поймет:
Вздоргнут плечи. рука у него;
Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растет.

⁸⁵ «Внушение есть один из способов воздействия одних лиц на других, которое проявляется намеренно или ненаме-

Мнение о большей подверженности женщин магнетизму заимствовано Пушкиным из литературы его времени ⁸⁶. Оно совпадает с долго удерживающимся в науке мнением о большей внушаемости женщин и большей в связи с этим податливостью их гипнозу. Еще в начале XX в. исследователи гипноза и внушения считали нужным опровергать это мнение и особо подчеркивали, что «пол не оказывает существенного влияния и неверно, что женщина способнее к гипнозу чем мужчина» ⁸⁷. Что касается невольного подчинения женщины воле мужчины и исполнения его желаний, то примеры этому известны. В специальной литературе приводилось немало таких случаев ⁸⁸.

Таким образом, в целом в вопросе, который служил ареной борьбы материализма и мистицизма, в котором очень легко было оказаться в сетях метафизики, Пушкин, отнюдь не следуя современным ему авторитетам, сумел прежде всего вычленив здоровое начало, сохранившее свою роль и получившее подтверждение и объяснение последующим развитием науки в учении о внушении и гипнозе.

ренно со стороны воздействующего лица и которое может происходить или незаметно для внушаемого лица, или даже с его ведома и согласия» (*Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908. С. 10—11).

⁸⁶ Ср. у Клюге К. А.: «Вообще люди слабого и нежного сложения... имеют способность к восприятию магнитного действия, которое посему скорее производится у детей, нежели у взрослых, и более у женщин, нежели у мужчин» (*Животный магнетизм...* С. 276).

⁸⁷ *Молль А.* Гипнотизм. СПб, 1909. С. 49.

⁸⁸ *Сербский В.* Судебная психопатология. Вып. 2. М., 1900. С. 457.

Глава четвертая

«Нас уверяют медики...»

Мы рассмотрели наиболее характерные случаи отражения и преломления в творческом и эпистолярном наследии Пушкина естественнонаучных воззрений его эпохи. Обратимся теперь к медицинской тематике в более узком понимании этого термина: к тому, как понимает поэт здоровье и болезнь, как относятся он сам и его герои к суждениям медиков на этот счет, как ведут себя в соответствующих ситуациях.

Лишь однажды в своем творчестве Пушкин устами персонажа — Барона из трагедии «Скупой рыцарь» — прямо сослался на врачей: «Нас уверяют медики...» (VII, 112), но примеры использования медицинских сведений в его произведениях многочисленны и разнообразны.

То они используются для сравнения с изображаемым предметом: беспокойство Невы перед наводнением сопоставляется с поведением мятущегося в горячке больного («Нева металась, как больной//В своей постели беспокойной...» — V, 138), то облегчение после нравственно трудного поступка — с исцелением после операции («Как будто нож целебный мне отсек//Страдавший член... — VII, 133); то в полупародийной фантазии на тему дантовского «Ада» скверный запах в преисподней уподобляется тому, «как будто тухлое разбилося яйцо//Иль карантинный страж курил жаровней серной» (III, 281). То это фривольное объясне-

ние нарушения правильной периодичности журналов тем, что «словесность русская больна», т. к. «ей Каченовский застудил//Течение месячных изданий» (II, 417); то в письме мимоходом высказывается замечание «Ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле» (XIV, 185), связанное с неперменным правилом хирургии того времени — извлекать пулю из раны, а то — псевдонаучное рассуждение о влиянии разных марок вина на здоровье его желудка (VI, 92).

Все эти поэтические искорки вполне соответствуют медицинским суждениям его времени и могут восприниматься как свидетельство осведомленности Пушкина в медицинских вопросах. Когда источник медицинских высказываний поэта известен, то порою видно, что он подвергся некоторой трансформации, не выходя, однако, за пределы знаний, присущих эпохе.

Так, в юношеской поэме «Сон», представляющей перевод из французского автора XVIII в. Ж. Бершу («La Gastronomie») Пушкин заменил гигиенические рекомендации французского поэта советами, заимствованными из русских назидательных книжек минувшего столетия. В стихотворении «Странник», являющемся достаточно близкой к оригиналу переработкой сочинения английского проповедника XVII в. Дж. Беньяна, внесено отсутствующее в подлиннике указание на операцию удаления бельма, о чем уже было сказано.

Во многих случаях источник пушкинских медицинских высказываний неизвестен, но его присутствие чувствуется.

Наше внимание должны привлечь не только явные или подразумеваемые заимствования из специальной литературы, но и, — пожалуй, в не меньшей степени — возникшие у самого Пушкина медицинские представления и взгляды.

Таковы, к примеру, указания на ритмичность физиологических функций. В известной

степени они восходят к античному учению о кризисах. Трансформированное в XVIII в., в частности в трудах выдающегося французского врача-материалиста П. Кабаниса¹, оно в России нашло отражение, например в руководстве передового русского ученого, учителя И. М. Сеченова — А. Филомафитского². Но если у Кабаниса речь шла о «чередующемся напряжении и ослаблении в отправлениях мысли», а у Филомафитского — о периодических сокращениях разных органов: сердца, желудка, мочевого пузыря, для того чтобы «жизненная сила, действием органа истощенная, вознаградилась покоем»³, то у Пушкина речь идет о ритмичности физиологических процессов всего организма в целом. Более чем за сто лет до становления научной биоритмологии Пушкин запечатлел ключевые проявления природных закономерностей, лежащих в ее основе: соотнесение физиологического состояния с определенными временными параметрами («Желудок — верный наш брежет...» — VI, 113) и ритмичность жизненных процессов («...чредой слетает сон, чредой находит год...» — III, 320).

Вспомним знаменитые строки из предсмертной элегии Ленского:

. бдения и сна
 Приходит час определенный;
 Благословен и день забот,
 Благословен и тьмы приход.
 (VI, 126)

¹ Русск. изд. см.: *Кабанис*. Отношения между физической и нравственною природою человека. Перев. П. А. Библикова. СПб., 1865.

² *Филомафитский А.* Физиология, изданная для руководства своих слушателей. М., 1836.

³ *Филомафитский А.* Физиология, изданная для руководства своих слушателей. М., 1836. С. 165—166.

При том, что под сменой дня и ночи здесь метафорически подразумевается смена жизни и смерти (к тому же стихи Ленского в значительной степени пародийны), они говорят о том же — о жизненных ритмах.

У Пушкина мы находим четкое представление не только о суточных, но и о сезонных ритмах. Самонаблюдения позволили ему выявить разницу в самочувствии осенью и весной. В 1826 г. он отметил, что весна «обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью» (XII, 305). Спустя ряд лет, в 1833 г., он подтвердил это в стихах: «Весной я болен...» (III, 318), зато отмечал благотворное влияние осени:

... с каждой осенью я расцветаю вновь;

Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн...

(III, 320)

Пушкин подчеркивает также, что эти ритмы индивидуальны, присущи именно ему: «Таков *мой* организм (III, 320; выделено мной. — С. Г.).

Ритмические колебания жизненных функций уподобляются круговороту в природе: «Так деревцо свои листы//Меняет каждою весною» (VI, 79).

В стихах Пушкина неоднократно отражена идея не только сезонных колебаний, но и необратимых возрастных изменений. «Бегут меняясь наши лета,//Меняя все, меняя нас» (III, 233), — писал он в 1830 г., повторил в 1835 г.: «И сам, покорный общему закону,//переменился я» (III, 399) — и снова в 1836 г.:

Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!

Не сетуйте: таков судьбы закон.

(III, 431)

Речь здесь, разумеется, идет прежде всего о психологических изменениях, но за ними кроются и изменения физиологические. В них заложено и развитие, и последующая инволюция.

А когда постепенно «ключ юности, ключ быстрый и мятежный» сменяется «жизни холодом», это воспринимается как поэтическая транскрипция физиологического правила, сформулированного тем же Филомафитским следующим образом: «В старости мало-помалу запас жизненной силы уменьшается»⁴. Пушкин, правда, нигде не пользуется широко распространенным в его время понятием «жизненная сила»: ей соответствует у него образ теплоты — огня юности и холода старости.

Конечно, для современного читателя все приведенные здесь пушкинские строки не содержат научного откровения; они впечатляют в первую очередь благодаря своему поэтическому совершенству. Но следует иметь в виду, что в первой трети XIX в. воплощенные в них мысли и представления еще далеко не стали общим местом, окончательно не утвердились даже в естественнонаучной литературе. Ведь и процитированная «Физиология» Филомафитского вышла в свет позже создания этих пушкинских стихов. Это, впрочем, не исключает правомерности их сопоставления: в данном случае, как и во многих других, нелепо было бы предполагать прямое заимствование Пушкиным формулировок своего ученого современника. Всякая идея, прежде чем быть зафиксированной в обширных научных трудах, «витает в воздухе», звучит в «важных спорах», публикуется в неизвестных нам теперь статьях. Примечательна в этих условиях именно зоркость Пушкина, его восприимчивость к новым идеям.

Преобладание холода над теплом постепенно приво-

⁴ *Филомафитский А.* Указ. соч. С. 171.

дит к естественному концу жизни, к с м е р т и: «Каждый час уносит//Частичку бытия...» (III, 330). Это по сути — поэтический эквивалент опубликованного через два года после создания этих строк (в 1836 г.) тезиса А. Галича: «Разложение, приготовленное самим рождением, совершается мало-помалу. *Не умираем ли мы, рождаясь?*»⁵. Но сходная мысль была высказана Пушкиным гораздо раньше — еще в 1825 г.: «...Дни бегут;//Невидимо склоняясь и хладея,//Мы близимся к началу своему...» (II, 248). Здесь — та же ассоциация наступления смерти с утратой жизненной теплоты и одновременно осознание постепенного, но неукоснительного характера этого процесса.

Одно слово в приведенных строках невольно задерживает внимание: почему движение к смерти осмысливается как приближение «к началу»? Казалось бы, по смыслу — и в полном соответствии со стихотворным размером — просится «к пределу», но Пушкин говорит о движении к началу. Что это — отголосок христианского погребального молитвословия: «...земля еси и в землю отыдеши»? Нет, скорее это отражение мысли о неразрывности жизни и смерти как коренном законе бытия, то же понимание жизненного ритма, но уже в гораздо более всеобъемлющем его значении; понимание, родившее примерно одновременно с приведенными строками такие стихи из «Евгения Онегина»:

...На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайней воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит

⁵ Галич А. Картина человека. С. 129. (Выделено мной. — С. Г.)

И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

(VI, 48)

Эти стихи глубоко оптимистичны, несмотря на то что посвящены грустным материям...

Та же мысль о неизбежности, закономерности смерти, хотя и в ином — скорее ироническом — тоне выражена уже в самых первых строках «Романа в стихах»: герой, узнав о тяжелой, судя по всему, смертельной, болезни своего дяди — человека в достаточно почтенном возрасте, рассуждает, что, коль скоро это так, то дядя «уважать себя заставил // И лучше выдумать не мог» (VI, 5), поскольку подчинился основному закону природы⁶.

Скорее всего, не научный источник, а гениальная догадка подсказала Пушкину примечательный психофизиологический феномен — наличие у слепых незрительных, а слуховых сновидений. В

⁶ Коснувшись первых строк «Евгения Онегина», следует остановиться на одном недоразумении. Некоторое время назад поэт Н. Асеев высказал мнение, что третья строка пушкинского романа — «Он уважать себя заставил» — это идиома, означающая «он умер» (Асеев Н. Разговор о поэзии. М., 1962. С. 22). Такое толкование онегинской строки было принято в ряде публикаций (См. напр.: Простор. 1970. № 7. С. 118; Наука и жизнь. 1970. № 8. С. 56 и др.). Сейчас оно как будто забыто, но, чтобы оно не воскресло вновь, нужно подчеркнуть его абсолютную необоснованность. Не говоря о том, что подобная идиома не упоминается ни у Даля, ни в специальных фразеологических словарях, такое толкование прямо противоречит пушкинскому тексту: Онегин получил известие, что дядя *при смерти*, а не умер, и тотчас поскакал *на свиданье* с ним, предполагая, что ему придется ухаживать за дядей, а не хоронить его.

«Борисе Годунове» патриарх передает рассказ старца:

«В молодых годах, сказал он, я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи

.
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки...

(VII, 70)

Исключительно звуковую форму сновидений у слепых наука подтвердила в 1867 г.⁷

Личные впечатления и переживания были источником лирических стихов Пушкина, предмет которых — извечный предмет поэзии, любовь. Пушкин касается любви не только в ее возвышенных духовных проявлениях, но и в плотском — так сказать, физиологическом — обличье. Это служит основанием, чтобы коснуться ее в данном исследовании. Нужно сказать при этом, что за исключением некоторых откровенно эротических сцен и не принятых в печати выражений, встречающихся в юношеских (вернее, в мальчишеских) стихах, Пушкин умел оставаться, затрагивая эту тему, в пределах истинной поэзии. Молва, правда, связывала с его именем ряд грубо эротических стихов (как и непристойных анекдотов), но убедительных доказательств его авторства нет. Скорее всего, они были приписаны ему. Порукой тому такой авторитет, как Гоголь⁸. И даже пресловутая «Гавриилиада», в тече-

⁷ Касаткин. Теория сновидений. М.: Медицина, 1938. С. 54—55.

⁸ «Под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильной известностью. <...> Таким образом начали, наконец, Пушкину приписывать: «Лекарство от холеры», «Первую ночь» и тому подобные» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР. Т. 8, 1952. С. 51).

ние почти столетия не допускавшаяся в печать, обязана своей судьбой скорее кощунственному преобразованию евангельской легенды о непорочном зачатии, нежели откровенности эротических сцен⁹.

В своих стихах Пушкин касался физиологии и всех проявлений любви: от жара неутоленных желаний («Мечтателю» — II, 64) и «неполных даров Эрота» («Платоническая любовь» — II, 106—107) до полной интимной близости («Прозерпина» — II, 319—320; «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» — III, 213), окутывая их более или менее густым флером, но оставаясь всегда поэтом.

Пушкин умел говорить об одних и тех же вещах по-разному — то более, то менее откровенно. В 1817 г., советуя своему приятелю П. П. Каверину: «Молись и Вакху и любви» (II, 27) (в черновике было сказано еще решительнее: «Усердствуй Вакху и любви...» — II, 517), Пушкин утверждал:

Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
(II, 27)

Почти 20 лет спустя та же мысль — «Всему пора, всему свой миг» — выражена афоризмом:

Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам.
(III, 440)

Прозаический смысл его заключается в том — и это соответствовало фармакологии того времени¹⁰, — что

⁹ Нельзя впрочем не отметить, что наше современное восприятие и моральные оценки в искусстве значительно отличаются от прежних, допуская в печать (как и на сцену и на экран) многое из того, что еще некоторое время тому назад считалось абсолютно недопустимым.

¹⁰ См.: Шпренгель К. Лекарственный или фармакология. М., 1820. С. 159.

мускус усиливает, а камфора гасит половое влечение. Другой пример: «Отрывки из писем, мыслей и замечаний», опубликованные в «Северных Цветах на 1828 г.», содержат в оригинале заметку, опущенную при публикации: «Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б» (XI, 52). Через несколько лет то, что, по мнению Пушкина, Стерну следовало бы «знать про себя», описано самим поэтом в стихотворении «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением». Это стихотворение представляет высоко поэтичный «протокол» сексуального поведения в момент физической близости двух типов женщин: исступленно-страстной и изначально фригидной, лишь постепенно охватываемой любовным экстазом. По поводу этого стихотворения В. В. Вересаев писал: «В сущности перед нами подробнейшее, чисто физиологическое описание полового акта. А между тем читаешь — и изумляешься: произошло волшебство, что грязное неприличие¹¹, голая физиология претворилась в такую чистую, глубоко целомудренную красоту? П. И. Бартенев рассказывал Н. О. Лернеру, что, когда он прочитал это стихотворение С. Т. Аксакову, Аксаков побледнел от восторга и воскликнул: Боже, *как* он об *этом* рассказывал!»¹²

Сочетание почти научной точности с поэтичной формой поднимает над голой физиологией и указание на быстрое охлаждение, наступающее после овладения женщиной. Мы встречаем это в монологе Бориса («Бо-

¹¹ Оставляем эту оценку на совести В. В. Вересаева.

¹² *Вересаев В. В.* В двух планах. М.: Недра, 1929. С. 138 (Выделено авт.— С. Г.).

рис Годунов» — VII, 25—26) и в «Сцене из Фауста» (II, 437).

Из медицинской литературы того времени почерпнул Пушкин представление о губительных последствиях половых излишеств в юные годы. Борис Годунов поучает сына:

Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.

(VII, 90)

Подобные утверждения имели широкое хождение в ту пору. Напомним, что в этом же духе высказывался автор имевшейся в библиотеке Пушкина книги «Онанизм»¹³. Пушкин, видимо, принимал это мнение на веру. Впрочем, оно сохранялось в научных трудах еще долгое время¹⁴.

С этим вопросом соприкасаются и суждения о слишком ранних браках. Пушкин неоднократно высказывался на этот счет, но аргументы его не физиологические, а чисто этические. Вслед за Радищевым¹⁵ он не одобряет прежде всего союзов, в которых женщина старше своего мужа — по существу еще ребенка. Скрытое осуждение чувствуется уже в строках «Онегина», где няня рассказывает Татьяне о своем замужестве:

... Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.

(VI, 59)

¹³ *Delandes L. De l'Onanisme...*

¹⁴ Ср.: *Чиж В.* Лекции по судебной психиатрии. СПб., 1890. С. 228.

¹⁵ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.—Л.: АН СССР. 1938. С. 305—310.

Позже в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» он приветствовал появление закона, ограничивающего возраст вступающих в супружество. Пушкин полагал, однако, что установленный для женщин 18-летний возраст как нижний доступный предел для вступления в брак может быть уменьшен; при этом, если в черновом варианте статьи речь шла об уменьшении его на два года (XI, 225), то в окончательном тексте мы читаем: «Пятнадцатилетняя девка, и в нашем климате, уже *на выдании*, крестьянские семейства нуждаются в работницах» (XI, 256; выделено авт.— С. Г.). Здесь мы видим сочетание физиологических и социальных соображений.

В сочинениях и письмах Пушкина встречаются намеки, а иногда и прямые указания на однополую любовь, в частности п е д е р а с т и ю. Это уродливое явление Пушкин наблюдал не только на Востоке, где оно было довольно широко распространено, но и вокруг себя, где это также не представляло большой редкости. Воспитание в закрытых мужских учебных заведениях создавало известные предпосылки для этого. И когда Пушкин в записке «О народном воспитании» отмечал, что в кадетских корпусах нравы «находятся в самом гнусном запущении» (XI, 45), он имел в виду и это.

Особенно близко пришлось Пушкину столкнуться с этим явлением в Кишиневе. Недаром он сравнил Кишинев с библейским Содомом в письме к Вигелю, где достаточно ясно сказал и о причастности самого Вигеля к этому пороку (XIII, 71—72). Впрочем, тот и не скрывал этого. Много лет спустя, 7 января 1834 г. Пушкин записал в Дневнике, что разговор Вигеля «занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве» (XII, 318).

Порой обвинение в противоестественной связи носит у Пушкина характер не дружеской шутки, как в письме к Вигелю, а злой эпиграммы:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что [- - -] есть.

(III, 388)

Строки эти были написаны в 1835 г., вскоре после назначения князя М. А. Дондукова-Корсакова вице-президентом Академии Наук. Эпиграмма при жизни Пушкина, естественно, напечатана не была, а при первых публикациях имела более удобопроизносимое окончание: «...От того, что есть чем сесть», т. е. трактовалась лишь как намек на абсолютное несоответствие высокой должности Дондукова его научным заслугам. На самом же деле смысл эпиграммы в ее двуплановости: в ней содержится также намек на то, что Дондуков-Корсаков стал вице-президентом Академии в благодарность за «особые заслуги» интимного свойства перед ее президентом С. С. Уваровым¹⁶. Это подтверждается отзывом о Дондукове в Дневнике Пушкина: «Его (Уварова.— С. Г.) клевет Дундуков (дурак и бардаш)» (XII, 337). «Словарь языка Пушкина» трактует слово «бардаш» как «развратник». Думается, что речь идет о развороте определенного рода.

Педерастия знакомцев Пушкина вызывала у него отрицательное или, во всяком случае, ироническое отношение. Применительно же к Востоку она воспринималась им как вполне обычное явление и выступает в его стихах в окружении некоего поэтического ореола. Так, в «Путешествии в Арзрум» поэт с некоторой даже

¹⁶ *Ильинский Л. К.* Из мелочей пушкинского комментария. Эпиграмма «В Академии Наук». — Пушкин и его современники. Вып. 38—39. 1930. С. 211.

симпатией упоминает о «любимце татарского бека» (VIII, 471) и «любимом паже» турецкого сераскира (VIII, 475), и лишь в дальнейшем они названы «бесчестными отроками» (VIII, 479). Там же, в турецком походе, в «лагере при Евфрате» написано стихотворение «Не пленяйся бранной славой», в котором звучит тот же мотив. Пушкин придал этому стихотворению заголовок «Из Гафиза». Никаких его источников у персидского поэта обнаружить, однако, не удалось, и по видимому, это оригинальное произведение Пушкина, навеянное восточными впечатлениями. В нем звучит не тревога за жизнь юного красавца-воина, а сожаление о неизбежной утрате им женственности:

...среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений ¹⁷,
Прелесть неги и стыда.

(III, 163)

Те же настроения слышны в «Подражании арабскому» («Отрок милый, отрок нежный, // Не стыдись, навек ты мой» — III, 411) — утверждение естественности неестественных отношений. В известной мере это — влияние стиля и настроений классической восточной поэзии.

Гораздо больше, однако, обнаруживается в наследии Пушкина следов знакомства с европейской традицией, в том числе с европейской наукой.

Так, внимательное чтение позволяет считать, что — не сформулировав это прямо — Пушкин воспринял учение К. Биша и его русских последователей о разделении жизни на органическую и

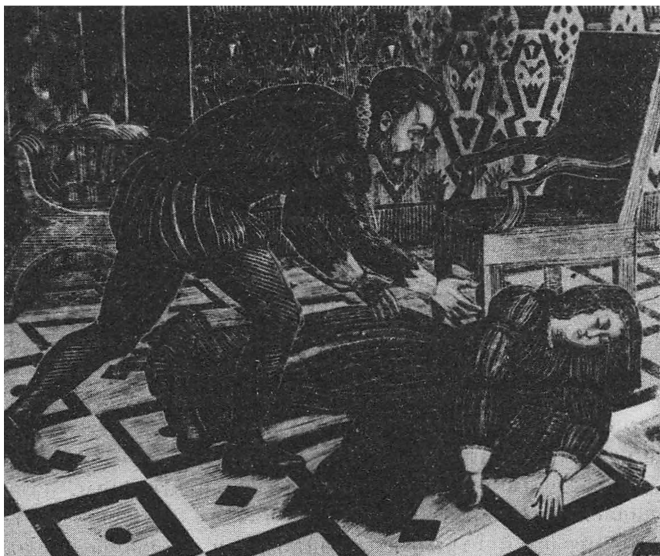
¹⁷ Среди вариантов было: «Скромность девственных движений» (III, 736).

ж и в о т н у ю. Органическая, она же внутренняя, жизнь «состоит в чередовании усвоения и выделения»; ею одарены в большей или меньшей степени все органические существа. Животная жизнь «составляет исключительную принадлежность животного царства», ее проявления — это смысл и чувства. «Размышление, рассуждение, рассудок, одним словом все, что касается до соединения идей, принадлежит к области животной жизни»¹⁸. Средоточие животной жизни — мозг, средоточие органической жизни — сердце.

Недостаточное проникновение науки того времени в деятельность центральной нервной системы, в физиологию высшей нервной деятельности не позволило Биша дать четкое и убедительное толкование взаимоотношения органической и животной жизни, и решающую роль он приписал жизни органической. В частности, по Биша, «все, относящееся к страстям, принадлежит к органической жизни» (с. 45) и «влияние страстей отражается на органическую, а не на животную жизнь» (с. 49). При сильных душевных потрясениях «все влияние страсти обращено исключительно на сердце» — прекращается кровоснабжение мозга и наступает о б м о р о к (с. 161).

Обмороки пушкинских героев, или вернее героинь, иллюстрируют эти положения: их приводят к обмороку «душевные потрясения». Таков обморок Наташи, узнавшей, что ее собираются выдать за арапа («Арап Петра Великого»); обморок Марьи Гавриловны, увидевшей перед аналоем не своего возлюбленного, а чужого человека («Метель»); обморок героини «Рославле-

¹⁸ Цитаты из Биша даются по русскому переводу его труда: *Биша. Физиологические исследования о жизни и смерти*. Перевод П. А. Бибикова. СПб., 1865. С. 43. В последующих цитатах указаны страницы по данному изданию.

В. Фаворский. *Обморок Доны Анны.*
Иллюстрация к трагедии «Каменный
гость». 1959—1961.

ва» при известии о смерти ее брата; обморок Дуни при виде отца, нашедшего ее в Петербурге («Станционный смотритель»); таковы, наконец, обмороки Доны Анны в момент, когда Гуан сознается, что он — убийца ее мужа, и затем — при появлении статуи Командора.

Обморок при душевных потрясениях — это, по Биша, малая степень того же явления, какое в больших размерах представляет внезапная смерть (с. 167). Случайно ли, что у Пушкина в одной и той же поэме («Полтава») потеря сознания Марией дважды уподоблена смерти? «И охладев как неживая // Упала дева

на крыльцо» (V, 21), узнав об отказе родителей выдать ее за Мазепу; и в другой раз: «И дева падает на ложе, // Как хладный падает мертвец» (V, 47) — при вести о грозящей отцу казни¹⁹.

Если же, говорит Биша, действие страсти недостаточно сильно, чтобы вызвать обморок, то за ним следуют расстройства сердечной деятельности и кровообращения и связанные с ними, как сказали бы мы сейчас, вегетативные явления. Пример этого у Пушкина находим в трагедии «Борис Годунов» — и в авторской ремарке («Борис несколько раз отирает лицо платком» — VII, 71), и в реплике боярина («Заметил ты, как государь бледнел // И крупный пот с лица его закапал?» — VII, 72), а в другой сцене — в признании самого Бориса («Я чувствовал: вся кровь моя в лицо // Мне кинулась — и тяжело опускалась...» — VII, 49).

В качестве «страсти», отражающейся на органической жизни, выступает, в частности, ревность. Так, Татьяне после странного поведения Онегина на ее именинах тяжело:

...тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто хладная рука
Ей сердце жмет...
(VI, 118)

Эти строчки — довольно близкий перевод из «Неистового Роланда» Ариосто — того эпизода, где говорится о муках ревности, испытываемых рыцарем при

¹⁹ Сравнение обморока со смертью вызывает невольную ассоциацию с выдвинутой в науке много позже аналогией между потерей сознания у людей и рефлексом мнимой смерти у животных (*Кречмер Э.* Об истерии. Л., 1924. С. 22—23).

виде имени его возлюбленной, вырезанного на деревьях заветного леса²⁰. Они почти дословно повторены в пушкинском отрывке «Из Ариостова *Orlando furioso*», над которым поэт работал примерно в то же время:

Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно.

(III, 17)

Это показывает, что образ «сжимания сердца» казался Пушкину хорошо отражающим ощущение сердечной тоски.

Есть у Пушкина описание мук ревности как страдания всего организма:

Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно как чума,
Как черный сплин, как лихорадка,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет...

(VI, 611)

Опасность физических последствий тяжкого психического состояния Пушкин отмечал неоднократно. Из холерного Царского Села после зверского подавления восстания в военных поселениях он пишет Плетневу: «Ты умно делаешь, что сидишь смирно в своей норе, и носу не показываешь в проклятом некогда мною П[етер] Б.[урге]. Не холера опасна, опасно опасение, моральное состояние, уныние,

²⁰ Il sent à chaque fois redoubler sa douleur,
Et comme un fer glacé qui lui serre le coeur.

(*Arioste. Orlando furioso. Chant 23*)

долженствующее овладеть мыслящим существом в нынешних страшных обстоятельствах» (XIV, 206). То же видим мы и в произведениях Пушкина. Достаточно вспомнить, как Татьяна, тоскующая после тягостного для нее объяснения с Онегиным в саду, «увядает, бледнеет, гаснет» (VI, 83), как, в свою очередь, Онегин, запоздало полюбивший Татьяну, «сохнет, и едва ль // Уж не чахоткою страдает» (VI, 179). К этому следует добавить рассеянные в разных произведениях указания на то, что «душевные страдания расстроили здоровье» матери героя «Русского Пелама» (VIII, 416), что «тоска неволи безнадежной» могла «свести в гроб» Марию («Бахчисарайский фонтан» — IV, 168), что многочисленные «горячки», упоминаемые Пушкиным, чаще всего возникают у его персонажей в результате нервных потрясений, что «печали» названы наряду с болезнями и дряхлостью «предтечами смерти» в «Полтаве» (V, 51).

Перечень вымышленных Пушкиным персонажей, ставших жертвами нервных потрясений, должен быть дополнен дорогим для поэта именем реального человека, его любимого друга, чью смерть он воспринимал в том же ключе. Это имя не названо Пушкиным, оно кроется за одной строкой, вернее даже — за одним словом, стихотворения, посвященного лицейской годовщине 1831 г. Упомянув, что на этом празднике «Шесть мест упраздненных стоят, // Шести друзей не узрим боле», т. к. они скончались, Пушкин констатирует:

Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой...

(III, 277)

Из шести подразумеваемых друзей ²¹ двое действительно погибли «на ратном поле» — С. Броглио в войне за освобождение Греции и С. Есаков при подавлении польского восстания. Все же остальные — от разных «недугов». Тем не менее, пушкинское «кого печали» не случайно: именно «печаль» свела в могилу А. Дельвига. Причиной его смерти считалась «гнилая горячка». Дельвиг действительно умер в январе 1831 г. при всех признаках «горячки», но болезнь его упала на подготовленную почву. Незадолго до этого он был вызван к шефу жандармов Бенкендорфу в связи с напечатанными в «Литературной Газете» четырьмя строчками французских стихов, посвященных Июльской революции во Франции. Бенкендорф грубо кричал на Дельвига, грозил уечь его в Сибирь, лишил его права издавать газету. Вскоре после этого Дельвиг заболел и через неделю скончался. Все понимали, что это — результат безобразной сцены у Бенкендорфа и жандармских репрессий. Всегда отличавшийся слабым здоровьем, Дельвиг, по словам его биографа, «впал в апатию». Всем была ясна истинная причина его смерти. Бывший директор лицея Е. А. Энгельгардт писал Ф. Матюшкину, товарищу Пушкина и Дельвига: «Он был только семь дней болен желчною гнилою горячкою, наведенной ему разными журнальными неприятностями». Слух об этом дошел даже в Сибирь к Кюхельбекеру, назвавшему смерть Дельвига «смертью от тоски и горя». Именно это говорит и пушкинское стихотворение.

²¹ На самом деле к этому времени скончались уже не шесть, а семь лицеистов первого выпуска. Пушкин не посчитал, очевидно, Н. Ржевского, умершего вскоре после окончания Лицея и не участвовавшего в предыдущих празднованиях лицейской годовщины.

Литературный аналог этому — смерть царицы-мачехи в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»: «Тут ее тоска взяла, // И царица умерла» (III, 556). В этой же сказке причиной смерти еще одного персонажа также становится нервное потрясение — правда, с другим знаком — сильная радость: «Восхищенья не снесла // И к обедне умерла» (III, 541). Пришедшее, вероятно, из фольклора, это упоминание несколько выпадает из приведенной схемы, но не колеблет общей тенденции — веры в решающую роль центральной нервной системы во всех жизненных процессах.

Вообще же Пушкин был склонен считать, что положительные эмоции оказывают благоприятное влияние на организм. Он писал: «Елисей (поэма В. И. Майкова. — С. Г.) смешнее, следств. [енно] полезнее для здоровья» (XIII, 64).

В суждениях о взаимоотношении «животной» и «органической» жизни Пушкин опередил Биша. Если по Биша «все внутренние отправления, подобно тому, как и деятельность сердца, исключены из-под непосредственной власти головного мозга» (с. 295), то Пушкин признавал руководящую, регулирующую роль мозга. В частности, он ощущал (не решаюсь сказать — знал) установленную лишь 30 с лишним лет спустя И. М. Сеченовым функцию центрального торможения вегетативных реакций. В произведениях и письмах Пушкина мы наталкиваемся на примеры преодоления потери сознания или обморока.

Он писал жене: «Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь простоишь у всеночной, и теперь лежишь в растяжку в истерике и лихорадке» (XV, 130). Здесь речь идет о том, что сильное эмоциональное возбуждение способствует временной мобилизации физических сил.

А вот другой пример. Близкий друг поэта П. В. Нащокин рассказывал, что в беседах с ним Пушкин уверял, будто «при необходимости можно удержаться от обморока и изнеможения, отложить их до другого времени». В доказательство он привел эпизод из своей интимной жизни. Однажды он провел ночь с великосветской дамой в ее спальне. Пробираясь наутро в сопровождении хозяйки дома к выходу, он наткнулся на дворецкого. «Эта встреча до того поразила хозяйку, что ей сделалось дурно; она готова была лишиться чувств, но Пушкин, сжав ей крепко руку, умолял ее отложить обморок до другого времени, а теперь выпустить его как для него, так и для себя самой. Женщина преодолела себя...»²² Как бы ни расценивать этот рассказ — как автобиографический, как воспринял его Нащокин, или как устную новеллу Пушкина, как считают некоторые исследователи²³, — все равно он указывает на веру поэта в возможность самовнушением, волевым усилием избежать обморока.

Еще пример — на этот раз из творчества Пушкина, из романа «Евгений Онегин». Онегин приезжает на именины Татьяны, впервые после тягостного для нее объяснения в саду.

Зовут, сажают двух друзей.

Сажают прямо против Тани,
И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей душно, дурно;
Она приветствий двух друзей

²² *Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей...* С. 36—37.

²³ *Гроссман Л. П. Этюды о Пушкине.* М., 1923. С. 79—113.

Не слышит, слезы из очей
Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли. Одна два слова
Сквозь зубы молвила тишком
И усидела за столом.

(VI, 110—111)

Снова силой воли подавленные эмоции, отсроченный обморок.

Заслуживает внимания, что первоначально эта сцена должна была кончиться иначе: Татьяна падала в обморок и ее выносили без чувств:

Она приветствий двух друзей
Не слышит — слезы из очей
Хотят уж хлынуть — вдруг упала
Бедняжка в обморок — тотчас
Ее выносят...

(VI, 400—401)

Замена первоначального варианта очень существенна: она подготовила ту перемену в последующем поведении Татьяны, которая иначе кажется неоправданной и вызвала замечания П. Катенина. Действительно, Татьяна, уже будучи замужем, случайно встречает Онегина. Она не видела его с тех злосчастных именин, повлекших смерть Ленского. Можно себе представить, какая буря чувств поднялась в ее душе. И что же? «А ничего», как сказал Пушкин в другом месте («Метель»):

И что ей душу не смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.

Ей-ей! Не то, чтоб содрогнулась,
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.

(VI, 173)

Такое волевое усилие более понятно в человеке, уже в молодости умевшем справляться с собой так, как это делает Татьяна в окончательном варианте текста, чем в чувствительной барышне, легко падающей в обморок.

Правомочны ли эти примеры волевого усилия в книге, посвященной медицинским вопросам в творчестве Пушкина? Ведь воля — это категория психологическая, а не медицинская. Но уже И. М. Сеченов не отвергал наличия воли как реального специфического механизма деятельности мозга. Современная же наука признает психофизиологию воли элементом деятельности мозга, ей посвящен специальный раздел в книге о мозге²⁴. Исходя из этого, мы и сочли возможным здесь и далее коснуться данных вопросов.

Говоря о признании Пушкиным влияния на организм в целом тех факторов, которые мы сейчас относим к деятельности нервной системы, в частности эмоциональных состояний, следует остановиться на том, как понимал он некоторые из них, к примеру, скуку.

Скука и ее аналоги — тоска, хандра, сплин и т. п. — занимают большое место в словаре языка Пушкина, обозначая разные оттенки отрицательного эмоционального состояния. Собственно скука представляет наименьшую его степень, но и она тягостна: «Да скука, вот беда, мой друг» (VI, 51).

²⁴ Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. С. 160—168.

Неоднократно упоминавшийся на предыдущих страницах Галич определял скуку как «все, что действует продолжительно и однообразно», и видел в ней повод к рассеянности²⁵. Выдающийся философ, знаток человека Гельвеций считал, что в основе скуки лежит «отсутствие достаточно живых ощущений, способных занять нас»²⁶. Пушкин же однажды — в «Сцене из Фауста» — восстал против такого ее толкования, противопоставив ему утверждение Мефистофеля, что «Fastidium est quies — скука // Отдохновение души» (II, 435). То, что это — слова Мефистофеля, не дает нам права безоговорочно приписать эту мысль Пушкину: Мефистофель — не alter ego поэта. Но можно предположить, что в 1825 г., когда создавались эти строки, Пушкин, утомленный сложными жизненными перипетиями, конфликтами с отцом и т. п., не прочь был отдохнуть от чрезмерно «живых впечатлений» и мог считать в связи с этим скуку в самом деле «отдыхом для души». В другое же время он далек от мысли приветствовать ее, уподобляет ее медленной отраве («По капле, медленно глотаю скуки яд» — III, 181), а более сильную ее разновидность — хандру — склонен был именовать, как и Гельвеций, болезнью.

Вообще различные болезни Пушкин в своих произведениях упоминает неоднократно. И в этих упоминаниях — то более, то менее развернутых, — пожалуй, лучше всего сказывается характер освоения им медицинских взглядов своего времени. Но прежде чем перейти к их рассмотрению, следует познакомиться с тем, как трактовались в ту эпоху кардинальные для медицины понятия — здоровье и болезнь.

²⁵ Галич А. Указ. соч. С. 631.

²⁶ *Oeuvres Complètes d'Helvetius*. Т. 2. De l'Homme. Section 7. Chapt. 6. De l'ennui. Paris, 1818. P. 91.

С этой целью обратимся к словарям. Наиболее отвечающий уровню науки того времени Энциклопедический словарь Плюшара до буквы «З» не дошел. Если же обратиться к Словарю Академии Российской, в который Пушкин, по его словам, «заглядывал встарь», то и в первом (1792), и во втором (1809) его изданиях слово «Здравие» трактовалось как «состояние тела животного, когда все оною части беспрепятственно и во всей силе естественные свои действия производят».

А. И. Галич, учитель Пушкина, исходя из представления, что в живом существе все его функции должны совершаться «в естественной гармонии, в дружной взаимности», определял здоровье как «состояние, в котором твари так любо и существовать и действовать по предначертанию особенного ее бытия»²⁷.

Было бы странно искать у Пушкина подобные дефиниции. Для того чтобы определить его представления о здоровье, приходится поэтому прибегать к косвенным признакам здоровья, отмечаемым им в произведениях и письмах. Каковы же они?

Первый и, пожалуй, главный — это нормальное, по Пушкину, психологическое состояние, субъективное ощущение полноты жизни. Недаром осенью он, по его словам, «расцветает», он «жизни полн». Это ощущение сопровождается радостью существования. Радость от самого факта жизни, иначе говоря — жизнерадостность (слово, которым Пушкин не пользовался), могло бы для него быть синонимом здоровья, ибо «здоровье, жизни цвет и сладость» (II, 83), а чувство выздоровления после болезни — «одно из самых сладостных» (XII, 305).

²⁷ Галич А. Указ. соч. С. 99.

Верным показателем здоровья служит правильный ритм физиологических процессов — мы об этом уже говорили. Здоровье сопровождают «и сон, и сладостный покой» (II, 83). В юности жизнь напоминает источник «быстрый и мятежный», который «кипит, бежит, сверкая и журча» (III, 57). В эту пору существенный признак полноты жизни, т. е. здоровья, — любовное стремление, «сладкие тревоги // Любви таинственной и шалости младой» (II, 58), поэтому здоровье — «легкий друг Приапа» (II, 83). Признаком здоровья, «по физиологическим примечаниям», служит активность, или, по выражению Пушкина, «живость деятельности» (XV, 12). Непременный элемент здоровья — «счастливая организация тела», которую, по свидетельству Плетнева²⁸, так ценил Пушкин, поэтому символом здоровья мог служить для поэта «Юноша, играющий в свайку», изваянный А. В. Логановским:

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, — тешится быстрой игрой.

(III, 434)

Существенный признак здоровья — резистентность, по нынешней терминологии, т. е. устойчивость к холоду. «Бури севера не вредны русской розе», несмотря на то, что «открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо» (III, 182). Холод не только не опасен для здоровья — он ему полезен: «Здоровью моему // Полезен русский холод» (III, 320); и в другом месте: «Полезен русскому здоровью // Наш укрепительный мороз» (III, 140). Мороз «укрепителен», поэтому, иногда сознательно, а чаще инстинктивно, и сам Пушкин, и его персонажи используют холод для укрепления

²⁸ Плетнев П. А. Указ. соч. Т. 1. 1885. С. 384.

ния здоровья, «закаливания», как сказали бы нынче. Онегин в деревне зимой «со сна садится в ванну со льдом» (VI, 91), так же поступает сам Пушкин. «В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь», — писал он (XIII, 280). Не боясь холода, поэт легко одевался. Сохранилось свидетельство главного московского сплетника А. Я. Булгакова, который в письме брату от 11 марта 1827 г. сообщал: «Зима наша хоть куда, т. е. новая. Мороз, и снегу более теперь, нежели когда-либо, а были дни такие весенние, что я поэта Пушкина видел на бульваре в одном фраке, но правда и то, что пылкое воображение стоит шубы»²⁹. Нащокин вспоминал, что Пушкин в бане, «выпарившись на полкэ, бросался в ванну со льдом и потом уходил опять на полок»³⁰. Обычай чистым первым снегом «умыть лицо, плеча и грудь» (VI, 152) поэт одобряет и для женщин.

Свидетельство здоровья — хорошее кровообращение, поэтому часто признаком здоровья выступает румянец: «Ланиты, ярче вешних роз, // Играют холодом и кровью» (III, 140); «Краснощекое здоровье» (III, 292); «Здоровье краше всех румян» (V, 9) и др. Румянец чаще всего — спутник деревенской жизни, поэтому упоминается «лица румянец деревенский» (V, 9) и «Деревня лучше всех румян» (V, 171)³¹.

²⁹ *Русский Архив*. 1901. № 9. С. 24.

³⁰ *Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей...* С. 43—44.

³¹ Трудно сказать, где причина, где следствие: то ли «деревенский румянец» было расхожим выражением в устах столичных модников и модниц, то ли они заимствовали это выражение из «Графа Нулина», но во всяком случае любопытно, что автор «Письма провинциалки из столицы» (*Северная Пчела*. 1830. № 69) сообщает своей подруге, что ее «розовые щеки подверглись критике» и что «это называется *деревенский цвет*» (выделено авт. — С. Г.).

Таким образом, нормальное физическое строение, нормальное, ритмическое осуществление всех физиологических функций организма, душевное спокойствие, физическая сила и ловкость — это и есть «дар благой, ниспосланный богами» (II, 58), — здоровье.

Что касается понятия болезни, то в медицинской литературе пушкинского времени оно самостоятельного истолкования не имело и чаще всего трактовалось через понятие здоровья, как его отрицание, как отсутствие здоровья, как НЕ-здоровье. Согласно Словарю Академии Российской (Т. 1. 1806. С. 281), «болезнь — немощь, скорбь, недуг — то состояние тела, когда оно сродные ему действия не может производить так, как оные производит в состоянии здоровом». П. Чаруковский в Энциклопедическом лексиконе Плюшара определял болезнь следующим образом: «Каждая часть организма должна совершать свойственные ей действие или отправление определенным способом и тем поддерживать соразмерность целого здорового организма. Уклонение отправлений организма от такого порядка составляет *болезнь*» (Т. 6. 1836. С. 260; выделено авт. — С. Г.).

А. И. Галич³² и И. Е. Дядьковский³³ видели в болезни нарушение соответствия, соразмерности частей в организме. И. Т. Спасский, частый собеседник Пушкина, трактовал болезнь как «жизненный процесс в иной, необыкновенной, низшей форме»³⁴. К такой трактовке, пожалуй, ближе всего и Пушкин. Он также был склонен сближать с болезнями всякие необычные,

³² Галич А. Указ. соч. С. 99.

³³ Лушников А. Г. И. Е. Дядьковский и клиника внутренних болезней первой половины XIX в. М.: Медгиз, 1953. С. 115.

³⁴ Спасский И. Т. Болезнь — Военно-медицинский журнал. 1835. Ч. 36. № 1. С. 125.

хотя и не обязательно «низшие», состояния, такие, как вдохновение («горячка рифм»), влюбленность («болезнь любви») и др.

Описания болезней в собственном смысле слова и их течения встречаются у Пушкина нечасто. Даже в его главном произведении (возвращая слову «шедевр» его изначальный смысл — *chef-d'oeuvre*), в «Евгении Онегине», начинающемся с упоминания болезни («Мой дядя..., когда не в шутку занемог...»), дальнейшего описания болезни не последовало. В лирических стихах встречается, правда, щемящее описание туберкулезной девушки:

Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...

(II, 143)

Созданное под непосредственным впечатлением, оно спустя несколько лет отзовется почти клинической картиной медленного угасания «чахоточной девы»:

На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

(III, 319—320)

В черновых строчках характерные признаки болезни еще явственнее:

Нежнее слабого пчелиного напева
Звук речи; — на лице порой багровый цвет...

(III, 936)

Беглое упоминание туберкулеза, или чахотки по терминологии того времени, встречается и в «Евгении

Онегине». Татьяну привозят в Москву, «к старой тетке, // Четвертый год больной в чахотке» — VI, 156). Любопытно, что первоначально было «уже 7 лет больной в чахотке» (VI, 452), но печальная действительность тех лет подсказала Пушкину, что семь лет — слишком длительный срок: больные этой страшной болезнью в то время умирали раньше. И он зачеркнул «уже 7 лет», сократив срок болезни до трех с лишним лет.

Большая роль в развитии сюжета «Капитанской дочки» принадлежит болезни Гринева после его ранения «под правое плечо, в грудь под самую косточку, в глубину на полтора вершка» (VIII, 312), но характер этой болезни непонятен. Гринев, по его словам, «целый месяц был на краю гроба» (VIII, 310), а первые пять дней — «без памяти» (VIII, 307), однако признаки сепсиса не упоминаются. К тому же слова о продолжительности болезни сказаны героем всерьез, в укор слуге, а в действительности после удачного объяснения с Машей ему «час от часу становилось лучше», а «молодость и природа ускорили выздоровление» (VIII, 308).

Чаще же всего в произведениях Пушкина фигурируют г о р я ч к и.

Судя по художественной и медицинской литературе начала XIX в., горячка — понятие собирательное, включающее все острые заболевания. Ее название происходит от латинского *febris*, восходящего, в свою очередь к глаголу *fervere* — «гореть, пылать». Главным признаком заболевания действительно считался жар. Горячки различались по характеру их проявлений: воспалительная, ревматическая, гнилая, нервная и др., по их ареалу: повальная европейская, повальная восточная, желтая американская и т. п.³⁵ Пушкин также

³⁵ *Лебедев К.* О горячках. Краткое учение. М., 1831. С. 66—67.

различал горячки крымские, молдавские, тифлиские (VIII, 459), но эти классификации не всегда позволяют соотнести виды горячек с нынешними нозологическими единицами.

Поскольку под горячкой понимались почти все острые заболевания, естественно, что персонажи пушкинских произведений, если болеют, то чаще всего именно горячкой. Так, героиня «Метели» «занемогла... Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба» (VIII, 81). Станционный смотритель «занемог сильной горячкою» (VIII, 102). И сам «автор» «Повестей Белкина» Иван Петрович Белкин «занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер» (VIII, 61). «Открылась сильная горячка» и у Маши из «Капитанской дочки» (VIII, 336). То, что «простудная лихорадка» И. П. Белкина «обратилась в горячку», показывает знакомство Пушкина с различием этих понятий врачами того времени³⁶.

Горячка считалась очень опасной, почти смертельной болезнью. По сообщению «Московского Вестника» (1827. № 7), поэта Д. Веневитинова «свела в могилу» нервическая горячка. А. Дельвиг, как сообщал Пушкин П. Вяземскому, «умер гнилою горячкою» (XIV, 146). В соответствии с этим герой пушкинского «Романа в письмах», выполняя просьбу друга — «Распусти слух, что я при смерти болен», — отвечал: «Вчера в театре объявил я, что ты занемог нервическою го-

³⁶ «Если болезнь начинается... ознобом, за которым следует жар и продолжаясь несколько часов мало-помалу уменьшается и оказывается потом, а по прошествии известного времени сей самый припадок паки возвращается, тогда сия болезнь называется лихорадкою» (*Каменецкий О.* Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами. СПб., 1803. С. 1).

рячкой, и что, вероятно, тебя уже нет на свете» (VIII, 52, 54).

В связи с недифференцированностью самого понятия «горячка» не было и четкого представления о причинах заболевания. Наряду с простудой и заражением от больного причиной горячки совершенно серьезно признавались «сильные страсти», «сильное и продолжительное напряжение ума»³⁷. Именно эта последняя причина чаще всего вызывает горячку у пушкинских персонажей. Так, у Марьи Гавриловны («Метель») «открылась горячка» после неудачного венчания, у старика Вырина («Станционный смотритель») — при вести о бегстве дочери; жар и бред — основные признаки горячки — возникают у Наташи («Арап Петра Великого») при страшной новости о том, что ее собираются выдать за арапа; Марья Ивановна («Капитанская дочка») заболевает горячкой от нервного потрясения из-за казни родителей и из-за страха оказаться в руках Швабрина или Пугачева.

В согласии с медициной его времени, неизменным признаком всякой горячки Пушкин считал жар, беспокойство, что и использовал, живописуя поведение волнующейся Невы перед наводнением (V, 138).

Другой частый признак горячки — затемненное сознание и бред. И этим признаком Пушкин пользовался, описывая болезни. Характеризуя свое состояние во время горячки, пережитой им в юности, он вспоминал: «в минуты мрачные болезни роковой» «пламенный недуг // Обманом волновал мое воображенье», «в уме моем стеснились мрачны грезы» (II, 58). Бред сопровождает горячку Марьи Гавриловны («Метель»), Маши Мироновой («Капитанская дочка»), Наташи Ржев-

³⁷ Гаевский С. О гнилой и нервной горячке. СПб., 1813. С. 10—11.

ской («Арап Петра Великого»), одного из братьев разбойников.

«Братья разбойники» вообще представляют пример сочетания высокой художественности с точным, почти клиническим, описанием картины болезни. Судите сами:

С трудом дыша, томим тоскою,
В забвеньи, жаркой головою
Склоняясь к моему плечу,
Он умирал, твердя всечасно:
«Мне душно здесь... я в лес хочу...
Воды, воды!..» но я напрасно
Страдальцу воду подавал:
Он снова жаждою томился,
И градом пот по нем катился.
В нем кровь и мысли волновал
Жар ядовитого недуга;
Уж он меня не узнавал...

И далее:

Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издалека.
Всех чаще образ старика,
Давно зарезанного нами,
Ему на мысли приходил
.
Без чувств, исполненный боязни,
Брат упал ко мне на грудь.
Так проводил я дни и ночи,
Не мог минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

(IV, 147—149)

Спустя три года после «Братьев разбойников» Пушкин написал «Подражания Корану». К одной из сур, отражающих космологические представления, он придал примечание: «Плохая физика; но за то какая смелая поэзия!» (II, 358). Читая приведенные строки

из «Братьев разбойников», хочется воскликнуть: «Плохая медицина; но зато какая прекрасная поэзия!». Хотя, если подумать, почему же плохая медицина? Ведь перед нами ясная картина болезни юноши с перечислением всех основных симптомов «горячки», признанных врачами того времени: жара, слабости, затемненного сознания, бреда.

Несмотря на то что, как было сказано раньше, горячки разделялись на много видов — и Пушкин знал это, — он, описывая горячки своих персонажей, их не дифференцировал. Только дважды упоминание о болезни героя сопровождается указанием на ее характер: Владимир («Роман в письмах») объявлен больным нервической горячкой, а Маша Миронова («Капитанская дочка») больна белой горячкой [в ответ на требование Пугачева проводить его к ней Швабрин отвечает: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке» (VIII, 335)].

По нынешним представлениям, белая горячка — это тяжелый психоз, возникающий исключительно на почве хронического алкоголизма. Откуда же он у Маши Мироновой? Дело в том, что мы сталкиваемся здесь с совпадением терминов при совершенно различном их содержании. В пушкинское время под белой горячкой понималось заболевание, связанное с временным помутнением разума, чаще всего на почве нервного потрясения и сравнительно быстро проходящее. Подтверждение этому мы находим и в письме Пушкина к жене в мае 1836 г. Сообщая Наталии Николаевне о девушке, сошедшей с ума от любви, поэт писал: «Свадьба сестры совершенно ее помutila. Она убежала к Троице. Ее насилу поймали, и увезли. Мне очень жаль ее. Надеется, что у нее белая горячка, но вряд ли» (XVI, 111). Лишь в 30-е гг. XIX в. белую горячку начали выделять как особое заболевание и ставить ее в связь с алкоголизмом.

В 1830 г. вышла на русском языке опубликованная всего двумя годами ранее в Бремене книга Г. Баркгаузена «Наблюдения над бредом пьяных или delirium tremens» переводчик которой А. Никитин писал: «В новейшее время стали различать белую горячку от других сходных ей болезненных состояний. <...> Доселе же принимали сию болезнь за одно с воспалением мозга и оболочек его, с нервной горячкою и бешенством»³⁸. А в 1833 г. в книге П. Чаруковского можно было уже прочесть: «Неумеренное и продолжительное употребление спиртных напитков... производит болезнь, по некоторым явлениям похожую на нервную горячку,... но отличающуюся от нее особенными явлениями, причиною и требующую особитвого лечения. *Новейшие врачи* отличили сию болезнь от других, с которыми она прежде была смешиваема, и дали ей название горячка от пьянства (f. mefistica, delirium tremens), а у нас простой народ называет ее белою горячкою»³⁹.

Специфический характер проявлений этой болезни, особый, только ей присущий, характер бреда, а стало быть, и однозначность ее этиологии были признаны далеко не сразу. В вышедшей в 1834 г. книжке доктора Витта о белой горячке хотя и было сказано, что «болезнь сия есть решительно кара для людей, пристрастившихся к крепким напиткам», но здесь же автор приводил примеры белой горячки у женщин

³⁸ [Баркгаузен Г.] *О распознавании и лечении белой горячки, происходящей от пьянства*. Сочинение Доктора Георга Баркгаузена. С Немецкого на Российский язык переведенное Штаблекарем Александром Никитиным. СПб., 1830. С. 1.

³⁹ Чаруковский П. *Опыт системы практической медицины*. СПб., 1833. С. 214—215. (Выделено мной.— С. Г.).

после родов, от испуга и т. п.⁴⁰ Естественно, что новинка, и в XIX в. принятая не всеми врачами, неведома Швабрину — персонажу из XVIII века. Она, как видно из приведенного письма жене, незнакома еще и Пушкину.

Как литература, так и действительность предоставили Пушкину достаточные сведения о венерических болезнях. В «Сцене из Фауста» (1825 г.) Фауст спрашивает: «Что там белеет? говори». Мефистофель отвечает:

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

(II, 437—438)

«Модная болезнь» — это сифилис. Экзотический характер привезенного испанским кораблем груза говорит о том, что корабль прибыл из Нового Света. Это отражает распространенное в начале XIX в. представление, будто сифилис завезен в Европу испанцами из Америки, поэтому его называли испанской болезнью. Впрочем, в разных странах его именовали по-разному — в зависимости от того, откуда он был занесен в эту страну. Так, иногда его звали неаполитанской болезнью, поскольку в Европе он впервые появился во французской армии во время осады Неаполя в 1494 г.⁴¹, а во многих странах, в том числе в России,

⁴⁰ *Витт* X. О белой горячке или мозговой горячке от пьянства. СПб., 1834. С. 70—82.

⁴¹ Ср. у Шекспира: «Господа, эти дудки не из Неаполя? Что-то уж больно они поют в нос» («Отелло». Акт. 3. Сцена 1. Перевод Б. Пастернака).

долго называли французской болезнью. А то, что Пушкин называет его «модной» и «недавно подаренной» болезнью, позволяет отнести время действия «Сцены из Фауста» к началу XVI в., поскольку Европа была охвачена эпидемией сифилиса на рубеже XV и XVI вв., вскоре после открытия Колумбом Америки (1492 г.).

В пушкинское время сифилис и гонорею недостаточно четко различали, их часто именовали одним названием *lues venerea*, а еще чаще — «любострастная болезнь». Нужно сказать, что сам Пушкин и его друзья не драматизировали этих заболеваний, относились к ним спокойно, чтобы не сказать — легкомысленно. Жертвы этих болезней не подвергались общественному порицанию, как в дальнейшем. В известной степени в этом были повинны врачи. В книгах того времени отмечалось, что «мущинам болезнь сия довольно сносна», что некоторые практические врачи «не слишком много на сию болезнь обращают внимания» и «считают лечение гонореи предосудительным для нашего сословия»⁴². В результате Пушкин и люди его круга не стыдились этой болезни и говорили о ней не таясь, скорее иронизируя над ее жертвами, в том числе — над собой, видя главную беду не столько в самой болезни, сколько в ее лечении ртутью, «меркурием»⁴³.

Ртуть считалась специфическим средством против венерических болезней. В статье известного врача К. Грума «Венерическая болезнь» читаем: «Этот бич

⁴² Л. Ланьо. Описание припадков любострастной болезни. Перев. М. Нагумовича, М., 1820. С. 53.

⁴³ Ср. аутоэпигramму Пушкина:

За старые грехи наказанный судьбой,
Я стражду восемь дней с лекарствами в желудке,
С Меркурием в крови, с раскаяньем в рассудке...

(II, 465)

рода человеческого... прежде неизмеримо свирепствовал до того времени, пока не открыли против него специфического врачебного средства, ртути, который надежно излечивает эту болезнь»⁴⁴. Одним из ртутных препаратов, широко применявшимся при лечении венерических болезней, была сулема⁴⁵. Это дало генералу Н. Н. Раевскому, главе семьи пушкинских друзей, повод для каламбура. Известную поговорку Наполеона «Du sublime à ridicule il n'y a qu'un pas» («от высокого до смешного один шаг») он перефразировал «Il n'y a qu'un pas du sublime à sublimé», т. е. «от блаженства (дословно: от высокого) до сублимированного (т. е. леченного сулемой) — один шаг». Любитель каламбуров, Пушкин сохранил шутку Раевского в своих автобиографических записках (XII, 304).

Упоминание ртути в эпиграмме на Аглаю Давыдову («И вдруг беда! казнит ее Меркурий» — II, 226) может быть истолковано двояко: либо это метафора — названием лекарства подменена болезнь, либо речь идет о побочном действии самого лекарства (в черновом варианте было «грызет ее Меркурий» — II, 732), о котором Пушкину было известно. Недаром в «Путешествии в Арзрум» он писал, что только в жарком климате ртути безопасен (VIII, 459).

Пушкину были известны и уродующие последствия сифилиса. В Кишиневе он предостерегал кого-то из своих знакомых:

Лечись — иль быть тебе Пангломом,
Ты жертва вредной красоты —

⁴⁴ *Энциклопедический лексикон*. Т. 9. СПб, 1837, С. 376.

⁴⁵ В статье неизвестного автора «Наблюдения о любовной или венерической болезни» говорилось: «Сулема и каломель наичаще употребляются для истребления венерического яда» (*Вестник естественных наук и медицины*. 1829. № 10. С. 493).

И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

(II, 206)

Панглос — известный персонаж повести Вольтера «Кандид», который, несмотря на утверждаемый им постоянно тезис «все к лучшему», заражается сифилисом и приобретает безобразную внешность⁴⁶. Знатому Вольтера, Пушкину хорошо был известен «Кандид», неоднократно вспоминал он и Панглоса в стихах и письмах, однако обезображивающие следы сифилиса вообще не вызывали в то время ни осуждения, ни безразличности. Так, Пушкин равнодушно описывает безносого банщика в тифлисских банях (VIII, 457).

Анализируя упоминания болезней и их описания в произведениях Пушкина, нельзя не остановиться на таком случае, когда приходится оспорить данное поэтом определение некоего состояния как недуга.

Всем памятна строка из «Евгения Онегина»:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче, русская *хандра*...

(VI, 21)

Слова «с п л и н» и «х а н д р а» Пушкин выделил курсивом, выполнявшим в то время функцию кавычек, придав им тем самым значение терминов. Близкое звучание слов «хандра» и «ипохондрия» привело кое-кого к представлению о близости и даже совпадении

⁴⁶ «Покрытый гнойными язвами, с безжизненными глазами, с кривым ртом, изъязвленным носом, с черными зубами, с глухим голосом, измученный жестоким кашлем, от которого он каждый раз выплевывал зуб» (*Вольтер. Кандид. Глава 3. Перевод Ф. Сологуба*).

этих психических состояний. Такое представление сохранялось достаточно долго. Так, в Словаре Даля (напомним, что Даль был не только лексикографом, но и врачом) читаем: «*Хандра* — скука, тоска, уныние, *ипохондрия*, сплин» (Т. 2. С. 542. Выделено мной. — С. Г.). «*Сплин* — *ипохондрия*, *хандра*, мрачные думы, от которых свет не мил» (там же. С. 292. Выделено мной. — С. Г.). Между тем, такое отождествление лишено оснований. Уже во времена Пушкина вдумчивые врачи четко разграничивали понятия «хандра» и «ипохондрия». В медицинской литературе того времени, как и сейчас, не употреблялось слово хандра. Термин же ипохондрия, происходящий от *hypochondrion* (дословно — ниже хрящей, т. е. в подреберье), встречается нередко, хотя значение его не всегда одинаково⁴⁷. Во всяком случае характер болезни требовал отнесения ее к разряду не внутренних, а душевных болезней. Чаще всего ее сравнивали с истерией⁴⁸ или же считали

⁴⁷ Эволюцию представлений, кроющихся за этим термином, остроумно изложил французский психиатр Ф. Лере, книга которого была в пушкинской библиотеке. По его словам, первоначальное название «гипохондрия» указывало на локализацию болезни в подреберье, которое древние врачи считали «вместилищем» многих болезней, но уже Гален отметил, что эта болезнь «сопровождается печалью и страхом». За Галеном пришли комментаторы, за комментаторами — переписчики. И те, и другие много поработали и много напутали. В результате печаль и страх стали не спутниками ипохондриии, а ее свойствами, потом — главными свойствами и, наконец, — единственными свойствами. Но поскольку печаль и страх — это эмоции, то они должны локализоваться не в подреберье, а в мозгу (F. Leuret. *Fragments psychologiques sur la Folie*. Paris, 1834. P. 367—370).

⁴⁸ *Словарь Академии Российской*. Т. 2. СПб., 1809. С. 1157.

определенной «степенью меланхолии»⁴⁹, хотя были попытки размежевать ее и с меланхолией, и с истерией⁵⁰.

Некоторые авторы, рассматривавшие ипохондрию как «состояние, при котором внимание человека почти постоянно фиксировано на истинной или мнимой болезни»⁵¹, как «суеверную боязнь неопределенных зол, особенно же опасение, чтобы не открылась тяжкая болезнь»⁵², были близки к современному пониманию⁵³.

Ни о чем подобном Пушкин не говорил. Он вообще не употреблял слово «ипохондрия», о хандре же он говорил достаточно часто. В художественных произведениях это слово употреблено четырежды: три раза в «Евгении Онегине» и еще один раз — в стихотворной зарисовке безрадостной обстановки окруженного холерой Болдина — «Румяный критик мой...». В письмах же хандра и производный от нее глагол «хандрить» фигурируют часто. Применение этого слова у Пушкина неоднозначно.

⁴⁹ «Продолжительная у мужчин болезнь с многоразличными обманами чувствований и расстройством всех отправлений, не наблюдающая никакой определенной формы, почему врачи дали ей имя Протея болезней» (*Нелюбин А.* Врачебный словарь, изъясняющий принятые в медицине греческие и латинские термины. СПб., 1835. С. 327—328). Нельзя не отметить сходство с тем определением, которое в XX в. врачи дали истерии — «обезьяна болезней».

⁵⁰ [*Энегольм И*] *Краткое обозрение ипохондрии и ее лечения*, изданное Ильею Энегольмом. СПб., 1815. С. 6.

⁵¹ *Нелюбин А.* Указ. соч. С. 370.

⁵² *Галич А.* Указ. соч. С. 608.

⁵³ «Мнительность, чрезмерный страх за свое здоровье, склонность приписывать себе болезни, которых нет» (*БМЭ*. Т. 11, 1959. С. 927).

Хандра Онегина в I главе романа — это состояние безразличия, тоски, порожденное многими обстоятельствами общественной жизни того времени. Для одних — истинное, для других — ставшее модной позой, оно было уделом многих молодых людей начала XIX в. и нашло широкое отражение в литературе того времени. В. Набоков, комментируя приведенные выше строки из «Онегина», напомнил произведения Лагарпа, Нодье, Стендаля, Шатобриана и др.⁵⁴ Во французской и английской литературе это состояние чаще обозначалось словом *ennui*, *spiteen* — это мрачная разновидность тоски, окрашенная «угрюмством», озлобленностью. Именно такое состояние приписал Пушкин «угрюмому» Онегину конца I главы. Впрочем, он не сразу приравнял хандру к сплину: в одном из первоначальных вариантов хандра определялась как «дурное подражанье сплину» (VI, 244) — подражанье, а не сам сплин. Да и в окончательном тексте хандра лишь подобна сплину, а не равна ему.

Следует сказать, что и в медицинской литературе сплин как разновидность меланхолии именовался иногда «английской болезнью» (*morbus anglica*)⁵⁵. Хандра же — не болезнь. Что касается «английского сплина», упомянутого Пушкиным, то это — состояние уныния, проникшего в русское общество и русскую литературу через Байрона. Недаром, описывая охваченного хандрой юного Онегина, Пушкин уподобляет его герою Байрона — Чайльд-Гарольду:

Как Child-Harold, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он.

(VI, 21)

⁵⁴ *Nabokov V. Eugene Onegin. A Novel verse by Aleksandr Pushkin. Translated from the Russian with a Commentary. Vol. 2. P. 150—156.*

⁵⁵ *Нелюбин А. Указ. соч. С. 384.*

При втором упоминании хандры в конце I главы она отождествляется с обычной скукой:

Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же
.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень, иль верная жена.

(VI, 28)

В VIII главе романа в стихах хандра Онегина не беспричинна — она порождена безнадежной любовью к Татьяне и поэтому только «напоминает» ту модную хандру, которая когда-то «за ним гналася в шумном свете»⁵⁶.

В отрывке «Румяный критик мой...» (III, 236) хандра — это тоска, вызванная вынужденным пребыванием вдали от невесты, безрадостным осенним пейзажем, убогим видом изб, печальным происшествием — смертью крестьянского ребенка... От всего этого «тоска берет», «проклятая хандра».

Как видим, это разная хандра, но во всех приведенных случаях — это более или менее стойкое психическое состояние, настроение, подобно рассмотренной выше скуке, но не болезнь.

То же нужно сказать и обо всех случаях употребления Пушкиным этого слова в письмах: он прибегал к нему часто, оно хорошо отражало его душевное состояние, которое нередко бывало далеко не радужным.

⁵⁶ Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете...

(VI, 182)

Вопреки расхожему представлению о постоянной «солнечности» Пушкина, ему были свойственны приступы тоски. «Если б знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре», — писал он в ноябре 1822 г. (XIII, 53). Он считал это чертой, унаследованной от отца («я все-таки его сын — т. е. мнителен и хандрлив (каково словечко?)» — XIV, 121), но главным образом это жизнь ставила его в ситуации, вызывавшие приступы тоски и бессильной ярости. В 1830-е гг. письма Пушкина к друзьям, и особенно к жене, пестрят упоминаниями о хандре (XIV, 113; XV, 87, 174, 180). Всегда, однако, под хандрой понималась тоска, особое душевное состояние, а не болезнь. Более того, Пушкин соединяет понятия хандры и болезни союзом «и»⁵⁷, что было бы бессмысленным, если бы они были для него синонимами. Однажды Пушкин в письме употребил и слово «сплин» («У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе все, что придет на сердце». — XV, 156), но и здесь это слово обозначает не болезнь, а настроение, смертельную тоску.

Почему же Пушкин, всегда стремившийся к предельной точности в употреблении слов и разъяснении понятий⁵⁸, применил по отношению к хандре Онегина слово «недуг», т. е. болезнь? Потому, что это состояние было противно радости жизни и душевному спокойствию, которое, как мы показали выше, соответствовало его представлению о здоровье. Отсюда оно и НЕ-здоровье, т. е. недуг.

⁵⁷ «Фикельмон болен и в ужасной хандре» (XV, 157); Брюллов «болен и хандрит» (XVI, 116).

⁵⁸ «Определяйте значение слов, — говорил Декарт, — и вы избавите свет от половины его заблуждений» (XI, 434).

Лишь слишком сильное и длительное пребывание в таком состоянии может превратиться в депрессию, т. е. в болезнь. «Опять хандришь,— писал Пушкин Плетневу в холерный год.— Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу» (XIV, 197).

Воспользуемся этим оборотом и в заключение экскурса об отношении Пушкина к болезням и об отражении их в его творчестве рассмотрим, как толковал он с м е р т ь. В его эпоху понимание смерти было в значительной мере окрашено охарактеризованным выше противопоставлением жизни животной и органической. В вопросе о последовательности угасания той и другой среди сторонников этой теории не было единодушия. По Биша, «при внезапной смерти жизнь органическая может всегда продолжаться до некоторой степени, когда жизнь животная уже погасла»⁵⁹. По Галичу же, наоборот, «сперва изнемогает деятельность низших систем органических, теплота и пульс ... теряются в конечностях, между тем как сердце еще чуть-чуть колыхается, затем оно изнывает, останавливая вместе с тем и отправления самых чувств, самого мозга»⁶⁰.

Пушкин, при том что смерть настигает многих из его персонажей, целомудренно избегает описания процесса умирания,— если так можно выразиться,— «физиологической смерти». Натуралистически описана лишь смерть Бориса Годунова, да и то очень коротко: «На троне он сидел и вдруг упал — // Кровь хлынула из уст и из ушей» (VII, 89). Но это — почти дословное повторение соответствующего описания у Карамзи-

⁵⁹ Биша. Указ. соч. С. 139.

⁶⁰ Галич А. Указ. соч. С. 130.

на⁶¹. В этом случае, да и во всех остальных, судить о том, как Пушкин понимал «очередность» смерти животной и органической, трудно. Пожалуй, все же ближе ему было представление о том, что смерть органическая наступает раньше. Чувства же, память, дух умирают хоть и ненадолго, но позже. Примеры этого неоднократно. В раннем стихотворении «Недоконченная картина» (1819 г.), где речь идет об умирающем художнике, говорится: «... Любви страданья // Его сразили. Взор немой // Вперил он на свое созданье // И *гаснет* пламенной душой» (II, 98. Выделено мной. — С. Г.). Взор уже немой, но душа еще не погасла, только гаснет. Умирает влюбленный в Марию казак («Полтава»): «Был мрачен *помертвелый* лик», но его язык еще лепетал «имя нежное Марии» (V, 59. Выделено мной. — С. Г.). Убит Ленский, взор его уже туманен, но какая-то мысль еще брезжит: «Странен // Был томный мир его чела» (VI, 130). Умирает Барон («Скупой рыцарь»), слабеют его колени, ему душно, но главная мысль его еще жива: «Где ключи? Ключи, ключи мои!..» (VII, 120). Впрочем, нужно сознаться, что такое толкование не лишено некоторой субъективности. Но навсегда остается в памяти щемящее впечатление от пушкинской метафоры смерти:

Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть...
(VI, 131).

⁶¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 11. Гл. 2.

Глава пятая

Cholera morbus

Одна болезнь неожиданно и резко ворвалась в жизнь Пушкина. Это — холера. Два года подряд — осенью 1830-го и летом 1831-го года — Пушкин жил под знаком холеры. Постоянная опасность заразиться, смерть друзей и знакомых, ограничение передвижений из-за карантинных, жестоко подавленные народные возмущения — все это оставило глубокий след в душе Пушкина и нашло отражение в его письмах и воспоминаниях, тем более, что силою судьбы он в 1830 г. оказался в самом средоточии эпидемии.

Впервые Пушкин, по-видимому, встретился с холерой в 1822 г. в Кишиневе, где, по его словам, старая молдаванская княгиня умерла при нем от этой болезни (XII, 309), но тогда она не привлекла внимания поэта. Спустя несколько лет эта страшная болезнь напомнила ему о себе.

В 1826 г. Россия соприкоснулась с опустошительной эпидемией холеры. Начавшись в Индии, она достигла восточных границ России. В конце этого года тригорский приятель Пушкина, тогда дерптский студент, А. Н. Вульф за игрой в шахматы сообщил поэту, что «Cholera morbus подошла к нашим границам и через 5 лет будет у нас» (XII, 309). Предсказание Вульфа действительно сбылось — и даже быстрее, чем он предполагал. В 1828 г. холера проникла в Киргизию, а в 1829 г. объявилась в Оренбурге. Летом она была

отмечена в Нижнем Поволжье, а затем распространилась: появилась в Саратове, затем — в Самаре, в Казани, а в сентябре 1830 г. докатилась до Москвы.

Правительство пыталось поставить заслон эпидемии. Была создана центральная комиссия по борьбе с холерой и при ней — Медицинский совет в составе наиболее авторитетных врачей во главе с М. Я. Мудровым. Издавались многочисленные «наставления» по борьбе с холерой. Но все это не давало нужных результатов. В течение 1830 г. в России была поражена 31 губерния, заболели свыше 68 тысяч человек, из которых более половины умерли. К числу наиболее пораженных местностей относились Москва и Московская губерния, где с сентября 1830 по март 1831 г. по официальным подсчетам переболело холерой 8798 и умерло 4846 человек¹.

Население Москвы впало в панику. Кто мог, спешил покинуть Москву. За 12 дней ее оставило 60 тысяч человек. Гражданская администрация растерялась. Как писал современник, «выпускают объявления для успокоения и устраивают крестные ходы для тревоги»². Не были подготовлены к борьбе с этой страшной болезнью и врачи. Они плохо знали холеру, сомневались даже в ее названии³, путали ее с чумой (недаром Пушкин в своих письмах часто называл холеру чумой, говорил о «чумной Москве» и т. п.). Врачи были в растерянности, яростно спорили между собой. Спорили о причине возникновения болезни: одни роль возбуди-

¹ *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России. М., 1960. С. 253.

² *Русский Архив.* 1884. Кн. 3. С. 141.

³ Если в медицинской литературе того времени почти все болезни назывались определенно — чума, горячка, лихорадка и т. п., — то о холере писали: «болезнь, именуемая холерою» или «болезнь, называемая холерою».

теля ее приписывали электричеству и гальванизму, другие утверждали, что причина холеры заключается в колебаниях температуры воздуха. Спорили о том, как лечить холеру, полезны или губительны кровопускания⁴. Особые дебаты вызывал вопрос о заразительности холеры. Автор сохранившейся в библиотеке Пушкина брошюры «Еще нечто о холере» д-р Сентимер возмущался: «Уже в краткое время умерли от холеры несколько миллионов, а мы, врачи, спорим еще, заразна ли она или нет».

Для нынешних медиков такой спор удивителен. Как можно было сомневаться в заразительности холеры, когда на глазах врачей болезнь распространялась с молниеносной быстротой и уносила ежедневно сотни и тысячи жизней? Но дело в том, что споры шли не о том, заразна ли холера вообще, а лишь о путях передачи инфекции. Медицинская терминология того времени различала болезни «заразные», или «прилипчивые», которые передаются «контагием», т. е. прикосновением, и «поветрия», возникающие вследствие содержания в воздухе гнилостных веществ «миазмов» и передающиеся по воздуху⁵. Одни врачи считали

⁴ Эти споры нашли отражение даже в официальном издании «Трактат о повально-заразительной болезни холере, бывшей в России в 1830 и 1831 году, сочиненный членами Медицинского Совета при Центральной комиссии и рассмотренный Медицинским Советом Министерства Внутренних Дел». СПб., 1831.

⁵ Л-кий А. [А. Ловецкий]. Свойства и происхождение зараз вообще и в особенности холеры.— Телескоп, 1831. № 5—8; Лодер Х. Об эпидемии холеры в Москве. М., 1831. См. также: *Наставление о лечении болезни, называемой Холера*, изданное Медицинским советом. 1830; *Иовский А.* О болезни, называемой Холерою. 1830; *Иениш С.* Подробное описание болезни, известной под названием холеры. 1830; *Парначев.* Описание болезни, называемой Холерою.— Московский Телеграф. 1830. № 19.

холеру заразной, прилипчивой, другие — поветрием. По существу ошибались как одни, так и другие: холерный вибрион не переходит к здоровому при прикосновении к больному и не носится в воздухе. Неудивительно, что врачи не могли распознать пути передачи болезни, если они не знали даже, где гнездится болезнь, в чем она заключается. М. Я. Мудров, медицинское светило пушкинского времени, писал: «Холера есть первоначальное воспаление слизистой оболочки желудка, толстых и тонких кишек, необходимо соединенное с поражением узловых нервной системы, которое, весьма скоро переселяясь или отражаясь на центральные органы нервной системы (на головной и спинной мозг), производит в пораженном организме внутренние и наружные спазмы во всем теле и прочие болезненные явления»⁶. Е. И. Дядьковский считал, что о холере следует думать как об «особенной вещественной смеси, образующейся в самых телах людей, страждущих холерою, из которых она вместе с легочным и накожным отделением и извергается»⁷. Внимательный клиницист П. Чаруковский — и тот признавал, что холера зависит от особого состояния атмосферы, «производимого, кажется, общими кислородно-теллурическими влияниями». Он перечислял семь «влияний», содействующих происхождению холеры, и наиболее значительными называл «внезапное возмущение духа, особливо испуг, страх, огорчение» и даже «взгляд на холерного»⁸.

Поскольку врачам были неизвестны причины холеры и пути ее передачи, неясны были и меры ее пресечения. Как писал один из скептически настроенных

⁶ *Трактат о повально-заразительной болезни...* С. 391.

⁷ *Там же.* С. 93.

⁸ *Чаруковский П.* Опыт системы практической медицины. СПб., 1831. С. 177.

Т Р А К Т А Т Ъ
О
ПОВАЛЬНО-ЗАРАЗИТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ
ХОЛЕРЫ.

БЫВШЕЙ ВЪ РОССІИ ВЪ 1830 И 1831 ГОДУ,

СОЧИНЕННЫЙ

ЧЛЕНАМИ МЕДИЦИНСКАГО СОВѢТА ПРИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОММИССІИ

И РАЗСМОТРѢННЫЙ

МЕДИЦИНСКИМЪ СОВѢТОМЪ М. В. Д.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИ-
СТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1831.

*Титульный лист книги «Трактат о повально-
заразительной болезни холере». 1831.*

медиков, «мы при первом появлении холеры отдались на руки слепой Практике; употребляли подручные средства, какие только встречались, например, золу из печки, известку со стен, даже такие, которые и называть для врача стыдно...»⁹ Не умея наметить правильные меры борьбы с холерой, главным способом защиты от нее избрали, по аналогии с чумой, карантин. Историк этой эпидемии отмечал: «Карантины, учрежденные для чумной заразы, применялись с теми же чумными правилами и для холеры»¹⁰.

Так, совершенно без всякого смысла производилось окуривание людей и вещей. Бумаги при окуривании прокалывались, по поводу чего иронически сетовал Пушкин (XIV, 128). Поскольку научных знаний об инкубационном периоде не существовало, срок карантина был установлен произвольно — 14 дней, и этот срок путешественники должны были выдерживать на каждой карантинной заставе, а их на протяжении пути бывало несколько. Когда холера появилась в Москве, на границе Московской губернии были организованы «временные обсервационные заставы». Чиновникам, заведывавшим этими заставами, «приказано пропускать по 14-дневном карантинном очищении одних едущих в каретах и колясках; всех же прочих, как пеших, так и едущих в телегах и кибитках и подобных тому повозках, а равно и обозы, останавливая отсылать назад»¹¹. Характерная черта крепостнической России: пропускаются лишь едущие в каретах и колясках, т. е. люди богатые, весь же прочий люд должен поворачивать обратно, независимо от того, куда и зачем он следует!

⁹ *Сентимер Ф.* Еще нечто о холере.

¹⁰ *Павловская Л.* Холерные годы в России. СПб., 1893. С. 3.

¹¹ *Московские Ведомости.* 1830. № 79. С. 3513.

В разгар вспышки холеры в Москве Пушкина в городе не было. Перед самым ее началом, 1 сентября, он выехал в Болдино — деревню Лукояновского уезда Нижегородской губернии — для «ввода во владение» частью имения, подаренного ему родителями в связи с предстоящей женитьбой. В Москве тогда было еще спокойно.

Первое официальное известие о том, что в России холера, появилось в Москве только 6 сентября¹². Однако это сообщение запоздало: холера свирепствовала уже около двух месяцев.

Несмотря на отсутствие официальных извещений, вести об эпидемии проникали в Москву. Перед отъездом Пушкина П. Вяземский показал поэту только что полученное им письмо. «Ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской г. [убернии] в Саратовскую, — вспоминал впоследствии Пушкин. — По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились)» (XII, 309).

И действительно, не успел Пушкин отъехать от Москвы, как на второй станции узнал, что «холера опустошает Нижний». Однако чрезвычайно расстроенный произошедшей перед его отъездом безобразной сценой, устроенной ему матерью невесты, Пушкин продолжал путь, т. к. в своем угнетенном состоянии «не желал ничего лучшего, как заразы» (письмо к Н. Н. Гончаровой от 26 ноября 1830 г. — XIV, 127). В Нижнем Новгороде он «встретил Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой». Но воротиться казалось ему малодушием, и он поехал далее.

«Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляются деревни, учреждаются карантинны» (XII, 309).

¹² *Московские Ведомости*. 1830. № 72. С. 3186.

Пушкин поначалу не поддался окружавшей его панике. Он относился к холере со спокойствием, которым, по его собственному признанию, «был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности». Он отметил это еще годом раньше, при путешествии в Арзрум: «Осмотрев чумного..., я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была ничто иное как насморк» (VIII, 482). Еще менее следовало бояться, по мнению Пушкина, холеры, ибо, в его воображении, «холера относилась к чуме как элегия к дифирамбу» (XII, 309). В его письмах первых дней пребывания в Болдине упоминания о холере отдают беззаботностью и даже некоторым озорством.

«Приехал я в деревню и отдыхаю. Около меня Колера Морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает», — пишет он 9 сентября П. Плетневу (XIV, 112). И в тот же день — невесте: «У нас в окрестностях — Cholera morbus (очень миленькая особа) ...» (XIV, 111; подлинник по-франц.) Эпидемия не очень его тревожит: «Я знаю, что всегда преувеличивают картину опустошений и число жертв» (XIV, 113; подлинник по-франц.). «Знаю, что не так страшен чорт, як его малюют; знаю, что холера не опаснее турецкой перестрелки...» (XIV, 117).

Но когда он увидел, что дело принимает серьезный оборот и при этом касается близких ему людей, тон его писем меняется. Он полон тревоги за невесту. Второго октября он получил письмо, из которого узнал, что холера свирепствует в Москве, а там оставались Гончаровы. «Не правда ли, вы уехали из Москвы? — пишет он невесте. — Добровольно подвергать себя опасности заразы было бы непростительно» (XIV, 115; подлинник по-франц.). И через некоторое время снова: «Как вам

не стыдно было оставаться на Никитской во время эпидемии? Это хорошо для вашего соседа Адрияна, который обделывает выгодные дела» (XIV, 120; подлинник по-франц.)¹³. Понемногу в его письмах проскальзывают замаскированные мрачным юмором намеки на возможность самому заразиться и умереть от холеры или «запахнуть» в карантине. Нижегородская губерния считалась самой неблагополучной по холере, поэтому Болдино было прочно окружено карантинными заставами. Пушкин писал из Болдина: «Мне только что сказали, что отсюда до Москвы устроено пять карантин, и в каждом из них мне придется провести 14 дней» (XIV, 114; подлинник по-франц.). Через некоторое время оказалось, что от Лукоянова до Москвы не пять, а 14 карантин (XIV, 120).

Пушкин неоднократно пытался вернуться в Москву, но всякий раз карантины преграждали ему путь и он был вынужден возвращаться в Болдино. В письмах невесте и друзьям (XIV, 117, 121, 125, 130) и в написанной уже в следующем, 1831 году, «Заметке о холере» (XII, 310) он живописал свои неудавшиеся попытки прорваться в Москву. Ему пришлось оставаться в Болдине и даже принять непосредственное участие в борьбе с эпидемией. В начале октября его назначили надзирателем участка. Сперва, стремясь побыстрее вернуться в Москву, он с большим трудом пытается отказаться от этой должности, но поскольку въезд в Москву все равно был запрещен, Пушкин, получив к тому же строгое предписание министра внутренних дел, принял ее.

¹³ Речь идет о гробовщике, лавка которого находилась напротив дома Гончаровых на Никитской улице в Москве.

Позже он сам рассказал об этом в письме к невесте (XIV, 130), и о том же свидетельствуют документы. В ноябре 1830 г. А. Кутузов писал Н. Муханову из Казани: «Пишут, что поскольку Пушкин случайно оказался в этой губернии, его выбрали попечителем одного участка»¹⁴. Бывший предводитель дворянства Лукояновского уезда В. Ульянин вспоминал: «Во время холеры... мне был поручен надзор за всеми заставами со стороны Пензенской и Симбирской губерний... Я отношусь к нему (Пушкину. — С. Г.) учтиво, предлагая принять самую легкую должность. Он отвечает мне, что, не будучи помещиком здешней губернии, он не обязан принимать должность. Я опять пишу к нему и прилагаю министерское распоряжение, по которому никто не мог отказаться от выполнения должностей. И за тем он не согласился и просил меня выдать ему свидетельство на проезд в Москву. Я отвечал, что за невыполнением первых моих отношений, свидетельства выдать не могу. Он отправился так, на удающую; но во Владимирской губернии был остановлен и возвратился назад в Болдино. Между тем в Лукоянов приехал Министр... В следствие этого Пушкин получил строгое предписание министра и принял должность»¹⁵.

По приказанию губернского начальства Пушкину в Болдине довелось заниматься и тем, что сейчас назвали бы санитарным просвещением: он проводил с болдинскими крестьянами беседы о холере. Поэт писал Плетневу: «Я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не

¹⁴ *Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. Десятая часть. М., 1902. С. 304 (подлинник по-франц.).*

¹⁵ *Русский Архив. 1874. Кн. 1—6. С. 799—800.*

стоишь ты этого подарка» (XIV, 113). Что и как рассказывал он крестьянам о холере, к сожалению, неизвестно; дошедшие до нас через третьи или четвертые руки сведения ¹⁶ недостоверны. Нужно думать, что основное содержание его «проповедей» отражало распространенные в его время взгляды на происхождение и характер болезни.

Наконец, в конце ноября Пушкину удалось вырваться из Болдина, и лишь в 75 верстах от Москвы ему пришлось задержаться на последней перед Москвой карантинной заставе. По газетам того времени, эта застава числилась в уездном городе Богородске (нынешний г. Ногинск). Это не совсем точно. В Богородске находился Уездный комитет предохранения от холеры. По отчету начальника этого комитета московскому генерал-губернатору видно, что по восточной границе Богородского уезда — от деревни Никулиной до деревни Стромьни — шла кордонная линия. Караул нес гусарский эскадрон ¹⁷. Кордон преграждал путь и заставлял ехать южнее, по открытому для сообщения Владимирскому тракту. А на этом тракте в 25 верстах от Богородска, в деревне Платава, где была почтовая станция, находилась «обсервационная застава», т. е. карантин.

Сохранились архивные документы, до сих пор не использованные в пушкиноведении, по которым можно составить некоторое представление о пребывании поэта на этой заставе.

Сведениями о том, какова была Платава в 1830 г., мы не располагаем, но судя по тому, какой она была 30 лет спустя, можно себе представить, что это была

¹⁶ *Русская Мысль*. 1906. № 2. С. 24.

¹⁷ *Московский обл. исторический архив*. Оп. 7. Св. 1354. Д. 88868. Л. 57.

бедная малолюдная деревенька. В «Списках населенных мест Российской империи» за 1859 г. о Платаве сказано: «На Владимирском шоссе Платава д. [еревня] каз. [енная] от уездного города 24 1/2 версты от станов. кварт. 50. Дворов 33. Жителей м. — 99, ж. — 106. Почтовая станция — 1». Известен штат Платавского карантин: начальник заставы, врач, гезель, — лекарский помощник, в чьи обязанности входило составление лекарств, окуривание проезжающих, и повивальная бабка.

Все проезжающие задерживались на заставе, вещи их подвергались окуриванию, а сами путешественники поселялись на 14 дней в дома местных крестьян. Каждый из подвергнутых карантину вписывался в особую ведомость с указанием звания, времени поступления в карантин, времени и пункта выбытия, а по окончании «положенной на очищение четырнадцатидневной обсервации» получал свидетельство по установленной форме. В сохранившейся в архиве московского генерал-губернатора «Описи книгам и документам, находящимся в рассмотрении Комиссии для составления общего отчета по случаю болезни холеры 1830 г.»¹⁸ под № 41 значится «Реэстр книгам и документам по Платавской карантинной заставе». Увы, ни самих документов, ни даже упомянутого реестра в архиве не оказалось, а если бы документы Платавской заставы сохранились, то в одной из ее ведомостей (видимо, последней) в числе проходивших обсервацию значился бы коллежский секретарь Александр Сергеевич Пушкин.

Поэт попал в Платаву, по-видимому, 1 декабря 1830 г. и на себе ощутил «классовую политику» царских властей. На обороте французской записочки, сопровождавшей удостоверение нижегородского губер-

¹⁸ *Московский обл. исторический архив. Оп. 7. Св. 1406. Д. 89932.*

натора, Пушкин писал невесте: «Я задержан в карантине в Платаве: меня не пропускают, потому что я еду на перекладной, ибо карета моя сломалась. Умоляю вас сообщить о моем печальном положении князю Дмитрию Голицыну — и просить его употребить все свое влияние для разрешения мне въезда в Москву. <...> Я в 75 верстах от вас, и бог знает, увижу ли я вас через 75 дней. P. S. Или же пришлите мне карету или коляску в Платавский карантин на мое имя» (XIV, 129—130; подлинник по-франц.).

На следующий день он пишет снова: «Бесполезно высылать за мной коляску, меня плохо осведомили. Я в карантине с перспективой оставаться в плену 14 дней, — после чего надеюсь быть у ваших ног. <...> Вот я наконец в карантине и в эту минуту ничего лучшего не желаю. Вот до чего мы дожили — что рады, когда нас на две недели посадят под арест в грязной избе к ткачу, на хлеб да на воду!» (XIV, 130; подлинник по-франц.). Однако «сидеть под арестом» две недели Пушкину не пришлось. Холера в Москве резко шла на убыль, и хотя заболевания еще продолжались (судя по официальным сведениям, до марта 1831 г.), Николай I разрешил в честь своего «тезоименитства» с 6 декабря снять оцепление с Москвы. Платавский карантин еще оставался, но срок обсервации был сокращен до четырех дней. Для Пушкина этот срок истекал 5 декабря, и он в тот же день помчался в Москву.

Летом следующего, 1831 г. Пушкин снова оказался пленником карантинного оцепления. На этот раз он проводил его в Царском Селе¹⁹ с молодой женой. Поэт

¹⁹ Холера была в Петербурге, но оцеплено было Царское Село — «так, как при королевских дворах, бывало, за шалости принца, секли его пажа», — писал Пушкин (XIV, 178).

писал тогда: «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось» (XIV, 154). Все было не так, как в минувшую «болдинскую» осень. Но внимание Пушкина все равно было приковано к холере из-за смерти друзей и знакомых, из-за народных волнений, связанных с эпидемией. Тогда-то он и составил свои записки о холере, вошедшие в «Материалы для заметок в газете Дневник» (XII, 199—200) и в «Заметку о холере» (XII, 308—310).

Холера — это единственная болезнь, о природе которой Пушкин высказывался много и интересно. Известен рассказ современника — М. Н. Макарова, — передающего любопытные соображения Пушкина о холере и борьбе с нею²⁰. Однако достоверность этого рассказа вызывает большие сомнения, так как, по словам мемуариста, разговор его с Пушкиным имел место при отпевании покойного В. Л. Пушкина, которое происходило 21-го или 22-го августа 1830 г., т. е. до того, как холера появилась в Москве и привлекла к себе всеобщее внимание. Поэтому, приводя взгляды Пушкина на холеру, лучше не прибегать к воспоминаниям Макарова, а пользоваться его несомненными словами, сохранившимися в письмах и двух собственноручных заметках о холере.

²⁰ «Александр Сергеевич уверял, что холера не имеет прилипчивости и, отнесясь ко мне, спросил: «Да не боитесь ли и вы холеры?» Я ответил, что боялся бы, но этой болезни еще не понимаю.— «Не мудрено, вы служите подле медиков. Знаете ли, что даже и медики не скоро поймут холеру. Тут все лекарство один courage, courage и больше ничего». Я указал ему на словесное мнение Ф. А. Гильдебранта, который почти то же говорил. «О, да! Гильдебрантов немного,» — заметил Пушкин.» (*Пушкин в воспоминаниях современников*. Т. 1. С. 47—48).

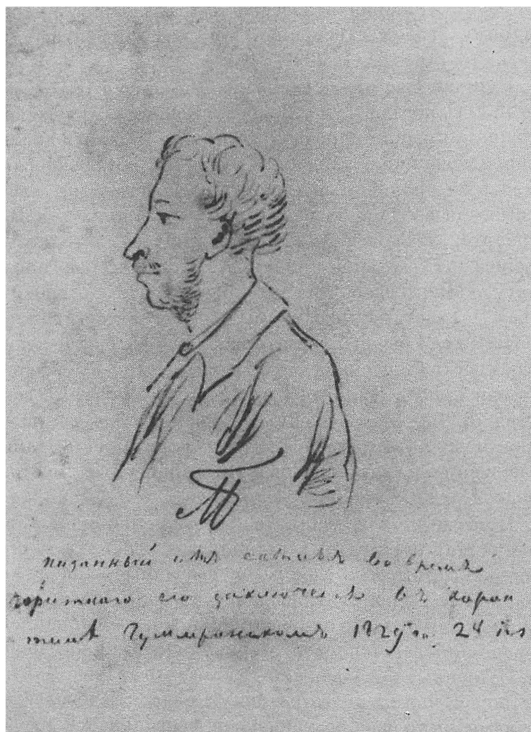
Из них видно, что, вслед за большинством своих современников, Пушкин считал, что родина холеры — Индия («В нашей стороне индийская зараза» — III, 237), что «холера не прилипчива», потому что она «находится в воздухе» (XII, 199). К последнему мнению Пушкина привело наблюдение: непосредственное прикосновение не вызывает заболевания, а болезнь распространяется; стало быть, она распространяется по воздуху, а в Петербурге эпидемия не может быть сильной, так как «много воздуха, да притом и море» (XIV, 177; подлинник по-франц.). Он верил, что «холеру лечат, как обычное отравление: молоком и постным маслом» и что она может возникнуть от простуды (XIV, 222). В ответ на письмо П. А. Осиповой, считавшей, что холера — «болезнь повальная, а не зараза», Пушкин признает: «Вы судите о болезни гораздо вернее, чем врачи и правительство» (XIV, 201; подлинник по-франц.).

Пушкин вообще резко критиковал правительственные мероприятия, направленные против холеры. Особенно его недовольство уже в 1830 г. вызывали карантинные меры. Годом раньше во время поездки на Кавказ ему пришлось уже столкнуться с ними. Теперь он вспоминал: «Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа // Бывало, сиживал покорный твой слуга» (III, 237). Сохранился и автопортрет, под которым Пушкин подписал: «А. П. писанный им самим во время горестного его заключения в карантине Гуммранском 1829 года 28 июня». Но тогда это «заключение» не было таким уж «горестным»: поэт никуда не торопился, ни о ком не беспокоился. В 1830-м же году он тосковал о невесте и тревожился за нее. А кроме того, Пушкин сейчас вплотную столкнулся с тем, что карантинные меры представляют источник народных бедствий. Холера 1830—1831 гг. показала ему социально-экономическую изнанку эпидемий — то, с чем для него понятие бо-

лезни никогда раньше не ассоциировалось. Мало того, что болезнь заставляла тысячи людей умирать, — она приносила им еще и связанный с карантинами большой хозяйственный ущерб, при этом бесполезный и неоправданный. Не приводя к нужному эффекту, карантин парализовали нормальную жизнь страны и вызывали общее недовольство. Оно усугублялось еще тем, что лица, путешествующие в собственных экипажах, как уже говорилось, пропускались, тогда как люд победней, едущий на перекладных, задерживался, а также тем, что — как в этом убедился сам Пушкин — за серебряный рубль можно было иногда задержки в карантине избежать (XII, 310).

В 1831 г. Пушкин занес в свою записную книжку: «Покамест полагали, что холера прилипчива, как чума, до тех пор карантин был зло необходимое. Но коль скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантин должны были тотчас быть уничтожены ²¹. <...> В прошлом году карантин остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний» (XII, 199). В другом месте Пушкин писал: «Народ ропщет, не понимая строгой необходимости

²¹ Утверждение Пушкина перекликается со словами профессора А. А. Иовского: «Ежели холера не заразительна и не прилипчива, то для чего же те самые врачи, которые утверждают о незаразительности и неприлипчивости ее, советуют карантин? Не есть ли это предосторожность, совершенно неуместная, могущая вредить, усиливая в народе уныние?» (*Иовский А. О болезни, называемой холерою. С. 39*). Вопрос о наличии карантин был, однако, безоговорочно решен собственноручной резолюцией императора по докладу Комитета министров 28 августа 1830 г.

Автопортрет Пушкина, рисованный
в Гумманском карантине. 28 июня 1829.

и предпочитая зло неизвестное и загадочное непри-
вычному своему стеснению. Мятежи вспыхивают то
здесь, то там» (XII, 309—310).

Пушкин был прав. Так было не только в 1831 г., но
и в 1830 г., когда в Туле, Тамбове, Коломне, Калужской
губернии прошли народные восстания. Боялись анало-
гичной вспышки и в Москве. Спустя год, когда в Москве
было уже спокойно и холера перекечевала на север
и вызвала беспорядки в северных губерниях и в Пе-
тербурге, московский почтдиректор и «летописец»
московской светской жизни А. Я. Булгаков писал
брату: «Много здесь говорят о бывших у вас беспокой-
ствах... Хвастают, что не было этого в Москве; но,
право, ежели бы оцепление продолжилось еще неделю,
не без греха бы обошлось»²². Не исключено, что неожиданный
приезд Николая I в холерную Москву 28 сен-
тября 1830 г., прославленный современниками и исто-
риками прошлого века как акт величайшего само-
отвержения, на самом деле был вызван необходимостью
предотвратить народные волнения.

Пушкин, как большинство его современников и по-
следующих буржуазных историков, считал эти волне-
ния «холерными». Холера и связанные с ней кар-
антинные мероприятия, действительно, послужили
толчком для них. Но они были лишь последней каплей,
переполнившей чашу долготерпения угнетенного наро-
да. Пущенный вдобавок кем-то слух, что врачи отравля-
ют людей, пал на подготовленную почву. Недовольство
врачами было распространено и в дворянской среде.
Пушкин писал: «Слухи об отраве так распространи-
лись, что даже люди порядочные повторяют эти нелепо-
сти от чистого сердца» (XIV, 186). Иллюстрацией этого

²² *Русский Архив*. 1902. № 1. С. 71.

может служить письмо сестры поэта О. С. Павлищевой мужу от 6 октября 1831 г. «Врачи и холера,— писала она,— произвели хорошенькие опустошения в Петербурге... Черти бы побрали врачей и унесли их подальше отсюда!»²³ На самом же деле и в 1830, и в 1831 гг. народный гнев был направлен не только на врачей, но в первую очередь на притеснителей — чиновников и помещиков.

Пушкин был гораздо ближе многих представителей своего класса к правильному пониманию истинной природы народных волнений. Недаром среди их причин он в первую очередь отмечает экономические нарушения и злоупотребления чиновников. «Злоупотребления,— писал он,— неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантин — народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры, и прибегнет к лекарям и правительству, но покамест карантин тут, меньшее зло будет предпочтено большему, и народ будет более беспокоиться о своем продовольствии, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве» (XII, 199—200).

Признавая необходимость уничтожения карантин, поскольку холера «находится в воздухе», Пушкин, однако, не считал заражение непредотвратимым и всякие предосторожности излишними. Напротив, он неоднократно повторял слова какой-то молодой гречанки, утверждавшей, что люди порядочные (*comme il faut*) никогда не поражаются холерой и болеет ею только

²³ *Пушкин* и его современники. Вып. 15. СПб., 1911. С. 95 (подлинник по-франц.).

простонародье, не забывая подчеркнуть при этом, что людей *comme il faut* спасают «не их изящество и хороший тон», а именно меры предосторожности, ими принимаемые (XIV, 115; подлинник по-франц.).

Одним из существенных способов предохранения от заболевания холерой Пушкин считал душевное спокойствие и бодрость. Когда, сидя в Болдине, он писал А. Н. Верстовскому: «Скажи Нащокину..., пускай он купается в хлоровой воде, пьет мяту — и по приказанию графа Закревского, не предаётся унынию» (XIV, 128), а в «Домике в Коломне» — «Мне доктором запрещена унылость» (V, 86), то это было не только пародией на официальные наставления по борьбе с холерой²⁴, но отражало распространенные представления врачей о большей подверженности болезни людей «боязливых и робких»²⁵, о том, что «происхождению холеры» содействуют «возмущение духа, особливо испуг, страх, огорчение»²⁶.

Что касается отражения холеры в художественном творчестве Пушкина, то нужно сказать, что эпидемия 1831 г. практически никакого отзвука в нем не нашла. В произведениях же болдинской осени 1830 г. нужно различать два слоя воздействий окружающих обстоятельств — поверхностный и глубинный.

Болдинская осень представляет собой интересный психологический парадокс. С одной стороны, обстановка, как будто абсолютно не располагающая к твор-

²⁴ «Немаловажным средством может послужить к отвращению оной (холеры.— С. Г.) и то, чтобы каждый, не предаваясь унынию и печали, сохранял спокойствие и веселость души» (*Северная Пчела*. 18 сентября 1830).

²⁵ *Ловецкий А.* Указ. соч. С. 513.

²⁶ *Чаруковский П.* Указ. соч. С. 179.

честву: бушующая смертоносная эпидемия, тоска по оставленной невесте, опасения за ее жизнь, сомнения в осуществимости женитьбы, неуверенность в правильности самого этого намерения; и на фоне этого — пир творчества, небывалый ни до того, ни после взлет творческой активности. За три месяца «болдинского сидения» созданы «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», две главы «Онегина», «Домик в Коломне», ряд лирических стихотворений, среди которых цикл как бы прощания с прошлым — такие жемчужины поэзии, как «Заклинание», «Прощание», «Безумных лет угасшее веселье...» и др.

В этом множестве произведений холера нашла, на первый взгляд, ничтожный отклик: упоминание в черновике Предисловия к «Повестям Белкина» о том, что «число мужиков значительно уменьшилось по причине повальной болезни, свирепствовавшей в нашем краю» (VIII, 582), и в «Дорожных жалобах», недавно передатированных исследователями и отнесенных к осени 1830 г., звучит предположение: «Иль чума меня подцепит...» (для Пушкина чума и холера часто однозначны) и опасение «со скуки околеть» «где-нибудь в карантине» (III, 177). Прямое указание на холеру содержится в уже упоминавшихся строках стихотворения «Румяный критик мой...»:

Ведь в нашей стороне индийская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа
Бывало сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? Уж не трунишь, тоска берет — ага!

(III, 237)

Это все мелочи, так сказать, поверхностный слой творчества.

Глубинный слой видится в том, что во многих, если не в большинстве произведений болдинского периода присутствует мотив смерти: умирает скупой рыцарь,

отравлен Моцарт, погибает Дон Гуан, мыслями о смерти полон «Пир во время Чумы». Этот мотив звучит и в лирике: в элегии «Безумных лет угасшее веселье» («Но не хочу, о други, умирать» — III, 228), в «Прощании» («В последний раз твой образ милый...»), в «Заклинании», обращенном к умершей возлюбленной (III, 246), в «Для берегов отчизны дальней...» (III, 257).

Но главное даже не в этом. Главное в том, что близость смерти с особой силой вызвала в Пушкине свойственное ему стремление к преодолению страха перед ней. В юности такое стремление было связано с воинской храбростью: «Во цвете лет свободы верный воин, // Перед собой кто смерти не видал, // Тот полного веселья не вкушал...» (II, 138). В дальнейшем это ощущение генерализовалось и распространилось на любую ситуацию, где присутствует смертельная опасность.

Выше уже было сказано, что преодоление страха смерти силою воли может рассматриваться с физиологических позиций. По П. В. Симонову, физиологической предпосылкой волевого поведения служит «рефлекс свободы», описанный И. П. Павловым, преодоление препятствия, преграды. Для человека преграда — это не обязательно внешнее препятствие, ею может стать и конкурирующая потребность, в частности инстинкт самосохранения²⁷. О его преодолении и идет речь.

Наиболее ярким проявлением этого является Песнь Председателя в «Пире во время Чумы».

«Пир во время Чумы», и в частности — Песнь Председателя, знаменитый Гимн Чуме, служил пред-

²⁷ Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент, характер, личность. М.: Наука, 1984. С. 76.

А. Кравченко. Чумной город.
Иллюстрация к трагедии «Пир во время
чумы». 1937.

метом многочисленных исследований, достаточно глубоко прослеживающих их психологическое и философское звучание²⁸. Моя задача много скромнее — попытаться проследить связь четвертой из «Маленьких трагедий» Пушкина с эпидемией холеры 1830 г. Как известно, «Пир во время Чумы» — это перевод одной из сцен драматической поэмы английского автора Джона Вильсона «Чумный город» (*The City of Plague*). Эта поэма входила в изданный незадолго до того в Париже сборник поэтических произведений четырех английских поэтов — Мильмена, Боулса, Вильсона и Барри Корнуола, который Пушкин захватил с собою в Болдино. Никаких указаний на то, что Пушкин заранее собирался перевести пьесу Вильсона, не существует. Если тематика остальных трех «Маленьких трагедий» отражена уже в перечне драматических замыслов поэта, относящемся к 1826—1828 гг., то ничего напоминающего «Пир во время Чумы» в этом перечне нет²⁹. Замысел перевода появился, очевидно, в Болдине. И это понятно. Хотя одиночное сидение в деревне совсем не напоминало попытки совместно утопить в вине страх смерти на площади зачумленного города, само дыхание страшной болезни (а мы неоднократно указывали, что для Пушкина чума и холера почти идентичны) создавало аналогию между ситуацией в Лондоне 1665 и Болдине 1830 гг. и вполне могло стать стимулом к созданию такого произведения. Пушкин перевел одну сцену 1-го акта пьесы Вильсона, причем перевел очень близко к подлиннику, местами дословно. Исключение составляют наиболее впечатляющие монологи — Песнь Мери

²⁸ Одна из последних работ в этом направлении — статья Л. А. Когана «Был ли «повержен» Вальсингам? (К проблеме философской интерпретации «Пира во время чумы»)». — Вопросы философии. 1986. № 12. С. 71—80.

²⁹ Сб. *Рукую* Пушкина. «Academia», 1935. С. 276.

и особенно Песнь Председателя — знаменитый Гимн Чуме. М. Цветаева писала: «Что у нас остается (в ушах и в душах) от Пира? Две песни. Песня Мери — и песня Вальсингама»³⁰. В них, по словам Д. Д. Благого, «Пушкин — гениальный переводчик на наших глазах превращается в гениального творца»³¹. Это дает основание считать именно Песнь Председателя отражением умонастроения самого Пушкина. Этой Песнью чума славится не за гибельные ее последствия для сотен людей, а за то, что сильным духом она дает возможность почувствовать свою силу, преодолеть царствующий повсюду страх так же, как при любой смертельной опасности:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю.
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обретать и ведать мог.

И так — хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!..

(VII, 180—181).

³⁰ *Цветаева Марина*. Мой Пушкин. М.: Советский писатель. Изд. 3-е, 1981. С. 193.

³¹ *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 661:

В. Г. Белинский назвал Песнь Председателя «яркой картиной гробового сладострастия, отчаянного веселья»³². Я позволю себе не согласиться с великим критиком. Картина веселья уделено всего четыре строки:

Зажжем огни, нальем бокалы;
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

Смысловой центр песни лежит между тем в двенадцати строках двух следующих строф. Ни веселья, ни тем более сладострастия в Гимне Чуме нет, а есть гимн Человеку, его желанию и способности побеждать страх. Именно в этой победе проявляется величие человеческого духа — «бессмертья, может быть, залог».

Этот же мотив — преодоление страха смерти, причем на этот раз лишенный налета эгоцентризма, в известной мере свойственного Гимну Чуме, звучит в завершенном в Болдине³³ стихотворении «Герой». Напомню, что «Герой» представляет диалог Поэта с Другом по поводу посещения Наполеоном госпиталя зачумленных в Яффе. Этот эпизод превратился в легенду, ему были посвящены многие стихи, он был изображен на широко известной картине А. Гро. И вдруг в 1829 г. появились воспоминания сподвижника Наполеона Ф. Бурьенна, который утверждал, что

³² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М.: АН СССР, 1955. Т. 7. С. 556.

³³ Я говорю о завершении, поскольку, по моему убеждению, стихотворение было начато до приезда в Болдино и лишь закончено там. Аргументация этого мнения заняла бы слишком много места и к тому же выходит за пределы нашей темы, поэтому она мною здесь не приводится.

эпизод выдуман и на самом деле Наполеон никогда в госпиталь для зачумленных не заходил и ни к кому из них не прикасался. Именно это антиномия и составляет содержание пушкинского «Героя».

Поэт восхищается Наполеоном:

. Он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость...

Друг же напоминает:

. Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас,—
И где ж очарованье света!
(III, 252—253)

Стихотворение «Герой» имеет сложную структуру: она включает как взаимосвязанные элементы: 1) эпиграф — евангельский текст «Что есть истина?»; 2) основной корпус стихотворения и 3) заключающую его дату — 29 сентября 1830 г., связанную с прибытием Николая I в холерную Москву. Оставляя в стороне непростой и до конца не разрешенный вопрос о соотношении этих трех элементов текста, остановимся лишь на восприятии Пушкиным истинного или мнимого поступка Наполеона. Это восприятие сформулировано во всем, вероятно, памятной формуле «Тьмы низких истин мне дороже // Нас возвышающий обман» и в утверждении:

. Небесами
Клянусь: кто жизнь свою
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом...

Быть другом небу, обрести истинное бессмертие, заслуживает человек, сумевший не просто преодолеть страх смерти: эгоистические мотивы, присутствующие в «Пире во время Чумы» (желание немногие оставшиеся для жизни дни провести не в предсмертной тоске, а в радости и веселье), здесь совершенно не представлены, а презрение к смерти служит благой цели — желанию внушить бодрость другим. Тем выше этот моральный подвиг. Тем большей награды он заслуживает.

Таким образом, несмотря на то что в художественных произведениях Пушкина холера практически не упоминается, можно утверждать, что она оставила глубокий след в его творчестве.

Глава шестая

«Не дай мне бог сойти с ума...»

Среди медицинских проблем одна особо привлекала внимание Пушкина. Это — проблема безумия. Он обращался к ней неоднократно, что дает нам основание остановиться на ней несколько более подробно. При этом подчеркнем дистанцию между социально-философской глубиной произведения в целом и одномерностью извлекаемых из него цитат на определенную тему, именно здесь дающую о себе знать с особой силой. Тем не менее приходится мириться с этим мучительным сознанием во имя выполнения задачи, поставленной в книге, основной угол зрения которой — восприятие Пушкиным медицинских знаний и представлений.

Словарь языка Пушкина регистрирует очень большое число случаев употребления поэтом слов *безумие*, *безумство*, *безумный*, но далеко не всегда они указывают на душевную болезнь в прямом смысле слова. Словарь раскрывает их значение и как глупость, нерасчетливость, увлеченность, неосторожность, безрассудство, вдохновение, раскованность — свобода от ограничивающих мнений. Отдельные случаи употребления этих слов Пушкиным позволяют к этим значениям добавить еще легкомыслие, веселье, исступление, неистовство.

Такая многозначность понятия позволяет Пушкину порою играть словом, переводя его содержание из одной плоскости в другую. Так, Дона Анна («Камен-

ный гость») говорит Дон Гуану: «Вы не в своем уме», т. е. называет его сумасшедшим. Он же, отвечая ей, вкладывает в понятие «безумец» и другое значение — представление о пылком влюбленном, безрассудно надеющемся во что бы то ни стало добиться ответного чувства:

Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце;
Когда бы я был безумец, я бы ночи
Стал провождать у вашего балкона...

(VII, 156)

Все перечисленные Словарем языка Пушкина состояния, определяемые словом «безумие», в какой-то степени *приближаются* к болезни, поскольку они выводят человека из нормальной, т. е. спокойной, размеренной, уравновешенной жизни. Безумие часто у Пушкина ассоциируется с творчеством, представляется поэтическим эквивалентом вдохновения («И тяжким, пламенным недугом // Была полна моя глава...» — II, 325). Аналогия вдохновения с безумием сохраняется даже тогда, когда (в прозе) она выражается в антипоэтических терминах: «Дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю» (из письма жене — XV, 81); «Когда находила на него такая *дрянь* (так называл он вдохновение)...» (выделено авт.— С. Г.) («Египетские ночи» — VIII, 264). И все же это — уклонение от нормы, но не болезнь.

В данной же работе мы коснемся безумия лишь как болезни, сумасшествия.

Некоторые врачи — современники Пушкина — возражали против использования в научных трудах распространенного в общежитии термина «сумасшествие», так как он, по их словам, «предполагает бывший когда-либо ум, между тем как лишение ума

бывает иногда и соврожденное»¹. Однако пушкинские безумцы — это как раз те, у кого «был некогда ум», и они его лишились в результате болезни². Мы не считаем возможным включать в перечень пушкинских безумцев ни «Рыцаря бедного», ни Юродивого из «Бориса Годунова». Посетившее Рыцаря «виденье, непостижное уму», — это проявление свойственного рыцарям средневековья экзальтированного, с некоторым оттенком сексуальности, поклонения Деве Марии, которое вряд ли должно квалифицироваться как безумие. Юродивый также не входит в плеяду пушкинских безумцев, так как он — не безумный в принятом нами узком смысле слова, а, по-видимому, слабоумный от рождения. К числу же истинно безумных относятся Мария («Полтава»), Мельник («Русалка»), Германн («Пиковая дама»), Евгений («Медный всадник»). Судя по черновым планам и наброскам неосуществленных и незаконченных произведений, Пушкин еще не раз предполагал изобразить душевную болезнь: «Болезнь душевная» («Русский Пелам» — VIII, 974); «Старшая дочь сходит с ума от любви к В.[любленному] б.[есу]» («Влюбленный бес» — VIII, 429); по первоначальному

¹ [Громов С.] Краткое изложение судебной медицины, для академического и практического употребления, сочиненное... Сергеем Громовым. СПб., 1832. С. 235.

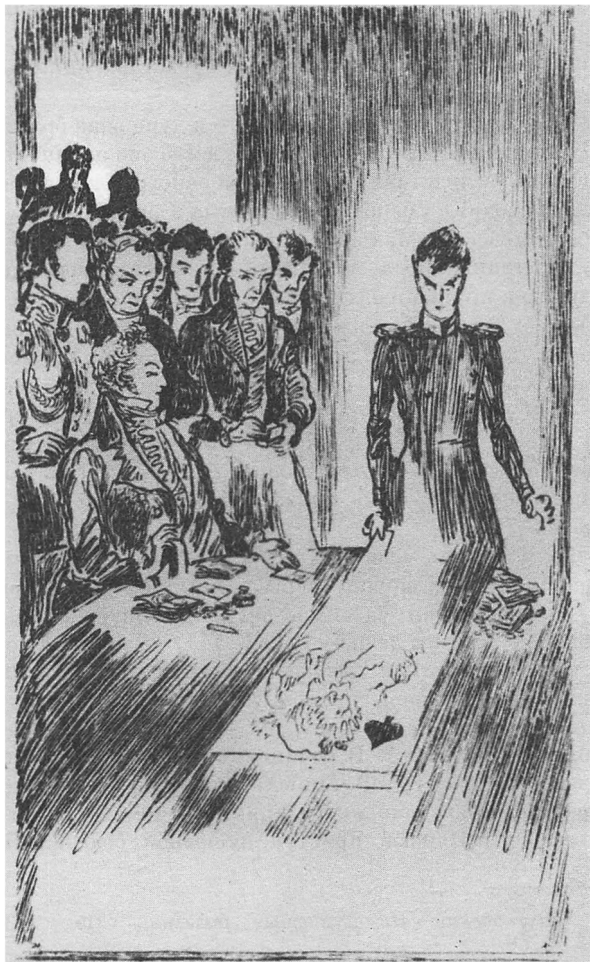
² Кстати, нам кажется, что составители Словаря языка Пушкина не правы, приведя в качестве примеров употребления Пушкиным слов «безумие», «безумный» в смысле сумасшествия (Т. 1. С. 89, 90) две цитаты: «Он часто в сечах роковых ... глядит с безумием вокруг» («Бахчисарайский фонтан» — IV, 168) и «Кудесник, ты лживый, безумный старик!» («Песнь о Вещем Олеге» — II, 245). В первом случае безумие — это воспоминание, с чрезвычайной силой охватывающее Гирея и отвлекающее его от действительности; во втором — слово «безумный» означает просто «глупый».

плану должна была сойти с ума покинутая любовница одного из братьев-разбойников («Братья разбойники» — IV, 372). К числу произведений Пушкина, трактующих проблему безумия, следует, конечно, отнести и потрясающее своей силой стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума» (III, 322—323).

Обратившись к хронологии создания перечисленных произведений, нетрудно заметить, что подавляющее большинство из них создано в 1830-е гг.³ Чем же вызван интерес Пушкина к проблеме безумия и почему пик его приходится именно на указанный период? Этими вопросами задавались многие исследователи, предлагая свои версии ответа на них. Сравнительно недавно они были рассмотрены в работе Я. Л. Левкович⁴. Ее выводы представляют несомненный интерес, но и они носят гипотетический характер, так что вопрос не может считаться окончательно решенным. Одно ясно — свести его разгадку к непосредственным впечатлениям от встреч с душевнобольными нельзя. Московские пересуды о сумасшествии Варвары Окуловой, о чем Пушкин рассказывал в письме к жене (XVI, 111), относятся к более позднему времени; душевные болезни Батюшкова и тестя Пушкина — Н. А. Гончарова — совершенно не напоминают те состояния, в которых находятся пушкинские безумцы. Причины внимания Пушкина к проблеме безумия и глубокого проникновения в это состояние следует искать глубже.

³ «Полтава» — 1828, «Русалка» — 1829—1832. «Медный всадник» — 1833, «Пиковая дама» — 1833, «Не дай мне бог сойти с ума» — 1833—1835(?), «Странник» — 1835.

⁴ *Левкович Я. Л.* Стихотворение Пушкина «Не дай мне бог сойти с ума». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 10. Л.: Наука, 1982.

Н. Алексеев. *Сумасшествие Германна. Иллюстрация к повести «Пиковая дама».*
1929.

Рассматривая, как изображает Пушкин душевнобольных, их поведение и мысли, мы видим, что его описания очень близки к научным представлениям того времени о безумии.

Как возникает и как проявляется душевная болезнь у пушкинских персонажей? Чаще всего она начинается внезапно вследствие сильного нервного потрясения: Мария сходит с ума после казни отца, Евгений — после гибели невесты, Мельник — после самоубийства дочери, Германн — после неожиданного проигрыша, приведшего к крушению близких, казалось, к осуществлению всех его надежд на богатство. Это вполне соответствует знаниям и представлениям того времени о непосредственных причинах душевных болезней. К «возбуждающим причинам помешательства» врачи — современники Пушкина — относили преимущественно «сильные потрясающие страсти, несчастные приключения»⁵. Одна из частых причин болезни — любовь.

Возможность «сойти с ума от любви» воспринималась Пушкиным вполне всерьез. Так, в письме к жене он с сожалением рассказывает о девушке, которая «сошла с ума от любви» (XVI, 111). В книгах того времени несчастная любовь числится среди причин душевных болезней, причем по возможному исходу болезни эта причина отнесена к разряду «наиболее неблагоприятных»⁶. В сочинении знаменитого французского психиатра Ф. Пинеля, вышедшем в русском переводе, приведено много примеров помешательства от любви⁷. Первый приступ душевной болезни Ба-

⁵ Бутковский П. Душевные болезни. СПб., 1834. Ч. 2. С. 49.

⁶ Громов С. Указ. соч. С. 249.

⁷ Пинель Ф. Врачебно-философское начертание душевных болезней. М., 1829. С. 29, 53, 313.

тющкова, несмотря на явную его наследственную отягощенность, тоже все приписывали неразделенной любви⁸. Для мужчин одним из решительных способов лечения в этих случаях признавалась физическая близость с женщиной. Такой «метод» лечения врачи рекомендовали и Батюшкову. В. Ф. Вяземская, принимавшая большое участие в судьбе больного поэта, намеревалась привлечь для этого за вознаграждение какую-то девушку⁹. П. Вяземский категорически воспротивился этому. Тогда экзальтированная Е. М. Хитрово, исполненная жалости к Батюшкову, предлагала для этой цели себя. Пушкин писал по этому поводу: «Она (Е. М. Хитрово. — С. Г.) как нельзя более тронута состоянием Батюшкова. Она предлагает явиться сама, чтобы испробовать последнее средство, с самоотвержением поистине удивительным» (XV, 25). В этих словах слышится привычная ирония Пушкина по адресу Елизаветы Михайловны, но полное доверие к пользе самого «лечения».

В соответствии с взглядами врачей того времени¹⁰, душевная болезнь чаще всего поражает пушкинских персонажей внезапно. И только к Германну она подкрадывается исподволь. Впервые расстройство восприятия наступает у него, когда он прощается с мертвой графиней: «В эту минуту показалось ему, что мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом» (VIII, 247). Той же ночью ему привиделась покойная графиня и назвала три заветные карты. С этой

⁸ Майков Л. Н. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова. — В кн.: Сочинения К. Н. Батюшкова. Т. 1. СПб., 1887. С. 193.

⁹ Старина и новизна. Кн. 12. М., 1907. С. 329—330.

¹⁰ «Сумасшествие оказывается иногда вдруг, особенно если произраждается скоро и сильно действующими причинами...» (Бутковский П. Душевные болезни. Ч. 1. С. 67).

минуты Германн на грани безумия, и, наконец, в роковой вечер, когда туз лег налево и дама пик — направо, увлекая с собой весь прежний выигрыш Германна и повергая его в нищету, он окончательно теряет рассудок (VIII, 251).

Представление о природе безумия Пушкин кратко выразил уже при первом подступе к этой теме, вложив в уста Князя («Русалка») следующие слова:

. Человек, лишенный
Ума, становится не человеком.
Напрасно речь ему дана, не правит
Словами он, в нем брата своего
Зверь узнает, он людям в посмеянье,
Над ним всяк волен, бог его не судит.

(VII, 207—208)

В дальнейшем целая галерея пушкинских персонажей образует своего рода сюиту на тему безумия. Она чрезвычайно выразительна и вместе с тем очень близка к научным представлениям того времени о причинах, проявлениях и типах помешательства. Это дает право считать, что, помимо личных наблюдений, поэт был знаком с соответствующей литературой или по крайней мере — с суждением своих современников-медиков; поэтому бесполезно ознакомиться с высказанными в медицинских книгах пушкинской эпохи взглядами на природу душевных болезней. Лучше всего воспользоваться для этого рассмотрением современных Пушкину классификаций заболеваний.

М. Я. Мудров, исходя из учения Дж. Броуна о возбудимости как основе жизнедеятельности и здорового, и больного организма, разделил все болезни на возникающие в результате повышенной или же пониженной возбудимости. В первой группе душевные болезни составляют IV класс — «Неврозы», подразделяющиеся на неврозы жизни животной, неврозы жизни

органической и невроты половой жизни. Во второй группе они входят в VI класс — «Астении», составляя порядок «Болезни системы нервно-мозговой»¹¹. В этой классификации находит, как видим, отражение учение о разделении жизни на органическую и животную, которое, по-видимому, принималось Пушкиным. Однако эта классификация весьма схематична и не дает возможности с достаточной четкостью уложить в нее всю плеяду пушкинских безумцев.

«Система болезней» И. Е. Дядьковского включала класс «Болезни нервные», подразделявшийся на «Болезни чувств», «Болезни побуждений» и «Болезни ума». Каждая из этих групп в свою очередь подразделялась на болезни с повышенной, пониженной и «превратной» деятельностью соответствующей сферы¹².

Более детализирована классификация душевных болезней П. Бутковским. Исходя из представления о трех психосоматических сферах — умопредставлении, чувствовании и вожделии, Бутковский все душевные болезни подразделяет на следующие виды: 1) расстройства умственной сферы, 2) расстройства чувственной сферы, 3) расстройства желательной сферы, т. е. «неправильные побуждения», или мании, и 4) расстройства всех трех сфер. В каждой из названных групп болезней также представлены заболевания, связанные с «возвышенной» или «пониженной» деятельностью той или иной сферы¹³. По Бутковскому,

¹¹ Лушников А. Г. И. Е. Дядьковский и клиника внутренних болезней... С. 161.

¹² Там же. С. 165.

¹³ [Бутковский П.] Душевные болезни, изложенные сообразно началам нынешнего учения психиатрии в общем и частном, теоретическом и практическом содержании Доктором медицины Петром Бутковским. СПб., 1834. Ч. 2. С. 42—43.

душевные болезни с возвышенной деятельностью умственной и чувственной сфер сопровождаются спутанностью идей, бредом, манией, а при душевных болезнях с пониженной деятельностью ума и чувств «внешние предметы оказывают впечатление очень слабое и несовершенное»¹⁴.

По взглядам врачей того времени, помешательство бывает двух родов: «Смотря по тому, о всех ли вещах судит больной превратно или только об одной, помешательство ума разделяется на общее (*mania universalis*) и частное или одностороннее (*monomania, delirium fixum*). Это последнее вращается беспрестанно около одного какого-либо предмета или ложного предположения и разве на то только распространяется, что состоит в какой-либо связи с *коньком*»¹⁵.

При общем помешательстве «человек ни на чем не может остановить своего внимания, но беспрестанно перебегает от одного предмета к другому, почему иначе и называется оное разбродным бредом»¹⁶. Этот «разброд», рассеянность мыслей безумцев нашли отражение в произведениях Пушкина. Речь безумца — это «дикое лепетанье» (II, 328), его мысли — «пламенный бред», «чад нестройных грез» (III, 322). Пушкин не раз проводит аналогию между рассеянными мыслями умалишенных и тучами, гонимыми ветром: безумная Мария «вихрю мыслей предана» (V, 62); о Мельнике князь говорит: «Несчастный, он помешан. Мысли в нем // Рассеяны как тучи после бури» (VII, 206).

Неспособность логически мыслить, потеря интеллекта лишает человека основных человеческих свойств,

¹⁴ Там же. С. 74.

¹⁵ Громов С. Безумие.— Энциклопедический лексикон Плюшара. Т. 5. 1836. С. 185 (Выделено авт.— С. Г.)

¹⁶ Громов С. Краткое изложение судебной медицины. С. 252.

низводит его до промежуточного состояния между человеком и животным. Такая характеристика умалишенного не раз звучит в пушкинских произведениях — как вложенная в уста персонажей («Человек, лишенный // Ума, становится не человеком. <...> В нем брата своего // Зверь узнает» — VII, 207—208), так и в авторском тексте («И так он свой несчастный век // Влачил, ни зверь, ни человек, // Ни то ни се...» — V, 146). Ученые высказывались еще решительнее. А. Галич утверждал: «В высоких степенях помешательства человек не только равняется с животным, но и упадает гораздо ниже его...»¹⁷

Если попытаться подвести пушкинских безумцев под схемы душевных болезней, приведенные в руководствах того времени, то Мария («Полтава»), Мельник («Русалка») и Германн («Пиковая дама») подпадают под категорию «помешательства с возвышенною деятельностью мозга». Характерным признаком такого помешательства служит бред. При этом бред безумцев отличается от бреда при горячках. Если при горячках бред пушкинских персонажей всегда содержит элементы полученных впечатлений, носит, если так можно выразиться, ретроспективный характер, то при душевной болезни он связан с беспочвенными представлениями и галлюцинациями. Таков бред Марии, в котором реальные воспоминания перемешиваются с искаженным восприятием сегодняшней действительности:

Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову — творец!

¹⁷ Галич А. Картина человека. С. 595.

Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечья,
А волчья...
(V, 62)

Бред Мельника, возомнившего себя вороном и упорствующего в этом убеждении, совершенно не мотивирован, никак не связан с событиями его предшествующей жизни и даже с тем, которое вызвало его помешательство,— гибелью дочери. Поведение Мельника подпадает под категорию «Сумасбродство», которой свойственна «превратность ума касательно предметов и содержаний внешнего мира, равно как и собственного телесного организма»¹⁸.

Трудно, конечно, ждать от Пушкина точного следования существовавшим в его время классификациям душевных болезней, тем более что они не полностью совпадали между собой. Так, Мельник может быть отнесен не только к рубрике «Сумасбродство», но и представляет типичный пример «Дурачества», специфическим свойством которого считалось «несвободное возбуждение умственных сил с превратностью понятий и суждений о самом себе»¹⁹. По другим современным Пушкину классификациям, безумие Мельника — это «частное или однопредметное помешательство», моноomania²⁰.

Бесспорным и очень ярким примером моноomanии служит помешательство Германна. С истинно пушкинским лаконизмом и вместе с тем с почти клинической точностью описана история возникновения и развития

¹⁸ Бутковский П. Указ. соч. Ч. 2. С. 50.

¹⁹ Там же. С. 65.

²⁰ Громов С. Краткое изложение судебной медицины. С. 248.

его болезни, суть которой — переходящая в безумие одержимость одной навязчивой идеей. Сущность болезни четко сформулирована Пушкиным в начале шестой, последней, главы повести: «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место» (VIII, 249). «Неподвижные идеи» — это калька французского «*idées fixes*», выражения, ставшего впоследствии обывательским, но в начале XIX в. принадлежавшего науке (см. у Громова — *delirium fixum*, в книге Ф. Лере, бывшей в библиотеке Пушкина, — *fixité d'idées fausses*). Такой неподвижной идеей, вытеснившей все прочие, для Германна стала жажда карточного выигрыша с помощью трех заветных карт. С тех пор, как в состоянии галлюцинации Германну послышались названия карт, сулящих ему выигрыш, «тройка, семерка, туз — не выходили из его головы и шевелились на его губах. Увидев молодую девушку, он говорил: Как она стройна!.. Настоящая тройка червонная. У него спрашивали: который час, он отвечал: — без пяти минут семерка. — Всякий пузастый мужчина напоминал ему туза» (VIII, 249). Бред Германна имеет вполне реальную основу: ставя на пароли́ и на пароли пé, т. е. удваивая каждый раз ставку, Германн должен был после второй игры получить выигрыш, равный трем, а после третьей игры — семи его капиталам²¹. Каждый вечер наблюдая игру, Германн давно произвел в уме соответствующие расчеты²², и желание разбогатеть с помощью карт

²¹ *Чхаидзе Л. В.* О реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме». — Пушкин. Исследования и материалы. Т. 3. М.—Л.: АН СССР, 1960. С. 455—460.

²² Эти расчеты, воспроизведенные Пушкиным, сохранились в его черновиках (VIII, 836).

прочно связалось в его воображении с мыслью о возможности утратить и усмерить свой капитал. Тройка и семерка звучат в первых же рассуждениях Германна, услышавшего анекдот о трех картах: «Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что *утроит, усмерит* мой капитал...» (VIII, 235; выделено мной.— С. Г.). Эти три карты, да пиковая дама, роковым образом подменившая туза, преследуют его и в дальнейшем и составляют содержание его бреда (VIII, 252).

Знакомство с еще одним видом мономании отражено во фразе Скупого рыцаря:

Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе...

(VII, 112).

Оставляя в стороне аналогию между ощущениями человека, вкладывающего ключ в замочную скважину, и человека, вонзающего нож в живое тело, анализ которой — дело психологов и психиатров, обратим внимание на первые две строки приведенной цитаты. Действительно ли существует категория людей, «в убийстве находящих приятность»? И от каких «медиков» дошло до Пушкина известие о таких людях?

Д. П. Якубович отметил, что в медицинских книгах, принадлежащих Пушкину, ему не удалось обнаружить указаний, легших в основу этих стихов²³. Это верно, однако такие указания в изобилии находятся в других

²³ См.: *Пушкин*. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 7. С. 515. Прим. 3.

современных Пушкину книгах. Так, в книге А. Галича «Картина человека», в разделе «Болезни душевные» бывший учитель Пушкина описывал такое расстройство, при котором «люди испытывают непреодолимую склонность наносить вред другим, жажду убийства и бешенство». Относительно жажды убийства он отмечал, что «одержимые сим смертоносным недугом сохраняют еще и во время припадков правильное употребление смысла и не обнаруживают никакого расстройства мыслящих сил»²⁴, т. е. за пределами сферы действия своей мании сохраняют здравый рассудок. П. Бутковский же отмечал, что склонность к убийству «часто бывает столь сильною, что лишенный ума до наступления припадков находится в беспрестанной внутренней борьбе между таковым ужасным побуждением и глубочайшим отвращением, которое внушает ему воображение такового поступка»²⁵. Знаменитый французский психиатр Ф. Пинель уже на заре XIX в. — в 1800 г. — описал особую форму помешательства, при котором человеком овладевает неудержимое влечение убить кого-нибудь. Книга Пинеля вышла в русском переводе в 1829 г.²⁶, литература 20-х гг. XIX в. богата изданиями, специально анализирующими этот вопрос²⁷. Наконец, Ф. Галль, учение которого, как мы отмечали, было очень распространено в 1820—1830-е гг., посвятил целую главу своего многотомного сочинения влечению к убийству²⁸.

²⁴ Галич А. Указ. соч. С. 604. (Выделено авт. — С. Г.).

²⁵ Бутковский А. Указ. соч. Ч. 1. С. 56.

²⁶ Пинель Ф. Указ. соч. С. 108.

²⁷ *Esquirol*. Note sur la monomanie homicide. Paris, 1827; *Teyssier*. Mémoire sur la monomanie homicide. Paris, 1829; *Regnault*. Nouvelles reflexions sur la monomanie homicide. Paris, 1830.

²⁸ *Gall F. J.* Sur les fonctions du cerveau... Vol. 4. Paris, 1823. P. 85—184.

Даже если Пушкин не читал этих книг, он, безусловно, знал о некоторых реальных происшествиях, вызвавших всеобщее внимание в проблеме патологического влечения к убийству. Так, в 1825 г. шумный резонанс вызвал уголовный процесс в Париже некоего Папавуана, который 10 октября 1824 г. в Венсенском лесу без всякой видимой причины зарезал на глазах у матери двух ее маленьких детей. Парижские газеты уделяли этому процессу большое внимание, и их корреспонденции подробно излагались в Петербурге, в частности в «Северной Пчеле». Адвокат Папавуана утверждал, что причиной его поступка может быть только психическая болезнь. Присяжные не приняли во внимание этого обстоятельства и приговорили Папавуана к смертной казни, но в публике было широко распространено мнение о его безумии²⁹. Пушкин запомнил этот процесс и в 1830 г., откликаясь известной заметкой в «Литературной Газете» на сообщение о выходе в свет «Записок Сансона», французского палача, среди его жертв, которых, по словам Пушкина, на страницах записок «мы увидим опять в последнюю, страшную минуту», он вспомнил и «Папавуана, резавшего детей» (XI, 95).

Пятью годами ранее, когда во Франции судили Лувеля, убийцу герцога Беррийского, — этим процессом Пушкин, конечно, очень заинтересовался, — адвокат обвиняемого также ссылался на врачей, которые в числе разного рода сумасшествий находят одно под названием монomanии, и именно этот род помешательства приписывал своему подзащитному³⁰. Такой способ защиты убийц получил широкое распространение.

²⁹ *Северная Пчела*. 1825. № 24, 27, 28, 29, 30, 37, 39.

³⁰ *Вестник Европы*. 1820. № 12. С. 304—305.

Была даже издана книга, в которой собраны данные о подобных процессах ³¹.

Признание такой формы помешательства надолго вошло в медицинскую науку. На исходе XIX в. крупный специалист по судебной психиатрии В. Сербский отмечал, что «многочисленные наблюдения, собранные опытными наблюдателями, ставят вне сомнения существование случаев неудержимого влечения к убийству» ³². Так что Пушкин вполне имел право заявить: «Нас уверяют медики...», хотя и вложил эти слова в уста персонажа более ранней эпохи, чем все приведенные суждения.

Словами Барона поэт не только констатировал возможность такого патологического явления, но пытался проникнуть в двойственность сопровождающего его ощущения: «приятно и страшно вместе...»

И Германн, и Мария, и Мельник — все это примеры помешательства «с повышенною деятельностью мозга», по терминологии того времени. Пример безумия противоположного характера — «помешательства с пониженной деятельностью чувствительной сферы», которому присуща «несвобода сердца с унынием и погружением в глубокое размышление; неотступное занятие себя каким-либо предметом потери, скорби, болезни, либо отчаяния» ³³, — представляет Евгений («Медный всадник»). Его болезнь подпадает под категорию «меланхолии» или «печального помешательства» (С. Гро-

³¹ *Georget. Nouvelle discussion medico-legale sur la folie ou aliénation mentale, suivie de l'examen de plusieurs procès criminels, dans lesquels cette maladie a été alléguée comme moyen de défense. Paris, 1828.*

³² *Сербский В. Судебная психопатология. Вып. 2. М., 1900. С. 285.*

³³ *Бугковский П. Указ. соч. Ч. 2. С. 96.*

А. Бенуа. Безумный Евгений. Иллюстрация к поэме «Медный всадник». 1923.

мов), или же «бездейственного равнодушия» (П. Бутковский). Нельзя не удивляться той смысловой близости к сухому языку научных книг, которая обнаруживается в щемящих поэтических строках пушкинской «Петербургской повести». В статье С. Громова «Безумие» читаем: «При печальном или меланхолическом помешательстве ума человек бывает погружен совершенно в самого себя и занимается только грустью или мрачными мыслями, не обращая почти вовсе внимания на окружающие его предметы»³⁴. У Пушкина:

. Ужасных дум

Безмолвно полон, он скитался.

Его терзал какой-то сон.

Прошла неделя, месяц — он

К себе домой не возвращался.

.
. Он скоро свету

Стал чужд. Весь день бродил пешком,

А спал на пристани; питался

В окошко поданным куском.

Одежда ветхая на нем

Рвалась и тлела. Злые дети

Бросали камни вслед ему.

Нередко кучерские плети

Его стегали, потому

Что он не разбирает дороги

Уж никогда...

(V, 145—146)

В книгах Бутковского, Пинеля и др. можно также найти чрезвычайно близкие параллели почти каждой пушкинской строке. Особенно знаменателен следующий пассаж: «Он *оглушен* // Был шумом внутренней

³⁴ *Энциклопедический лексикон* Плюшара. Т. 5. С. 185.

тревоги» (V, 145—146. Выделено мной.— С. Г.). Ведь в современном руководстве по психиатрии³⁵ мы находим «оглушение» среди симптомов некоторых психических заболеваний. Это терминологическое совпадение удивительно. Поражает зоркость и точность пушкинского определения, предвосхитившего научную терминологию последующих лет.

Пушкин точен и в описании начального момента помешательства Евгения. Тот обнаруживает, что наводнением снесен домик Параша:

И полон сумрачной заботы
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захохотал...

(V, 145)

Ср.: «У некоторых при начале припадка можно предполагать, что болезнь походит на бешенство, либо на иступление... Но в скором времени задумчивость обнаруживает настоящий свой характер. Свирепость, бред, смех теряются и место их заступает уныние, глубокомыслие, прискорбие и плач... В сем состоянии жизнь больного может продолжаться целые годы... Больной умирает от телесного истощения»³⁶. Здесь последовательно перечислены все этапы болезни Евгения и все их проявления, описанные Пушкиным.

Временное прояснение сознания героя («Евгений вздрогнул. Прояснились // В нем страшно мысли...» — V, 147) и появившийся вслед за этим бред преследования его Медным всадником также полностью согласовываются с медицинскими представлениями пушкинской эпохи³⁷.

³⁵ *Руководство по психиатрии*: В 2 т. Под ред. А. В. Снежного. М.: Медицина, 1983. Т. 1. С. 60.

³⁶ *Бутковский П.* Указ. соч. Ч. 2. С. 97—98.

³⁷ Ср.: *Пинель Ф.* Указ. соч. С. 114.

Особо следует остановиться на персонаже стихотворения «Странник» (III, 391—393). Это стихотворение было неоднократно предметом внимания пушкинистов, но не в плане интересующей нас проблемы. Оно представляет перевод, или вернее — пересказ стихами, начала книги английского проповедника XVII в. Дж. Беньяна (J. Bunyan) «Путешествие пилиграма в небесную страну»³⁸. Пересказ очень близок к подлиннику за исключением того, что Пушкин объединил в одном лице автора и героя его пророческого сна. Контаминированный таким образом персонаж, от лица которого написано пушкинское стихотворение, — это человек, ощутивший греховность своего существования и предчувствующий близкую гибель свою и всех своих близких. Как следует из текста, его прорицания — плод мистического озарения. Текст Беньяна, а еще больше — Пушкина, очистившего его от ряда символов и иносказаний, не дает никаких оснований считать персонаж «Странника» душевнобольным в узком смысле слова, т. е. утратившим реальное представление об окружающем и способность логически мыслить. Лишь его родные считают его сумасшедшим, Пушкин же к этому мнению не присоединяется. Никто из исследователей пушкинского творчества не воспринимал «странника» как безумного.

Почему же в таком случае анализ этого произведения включен нами в раздел работы, посвященный

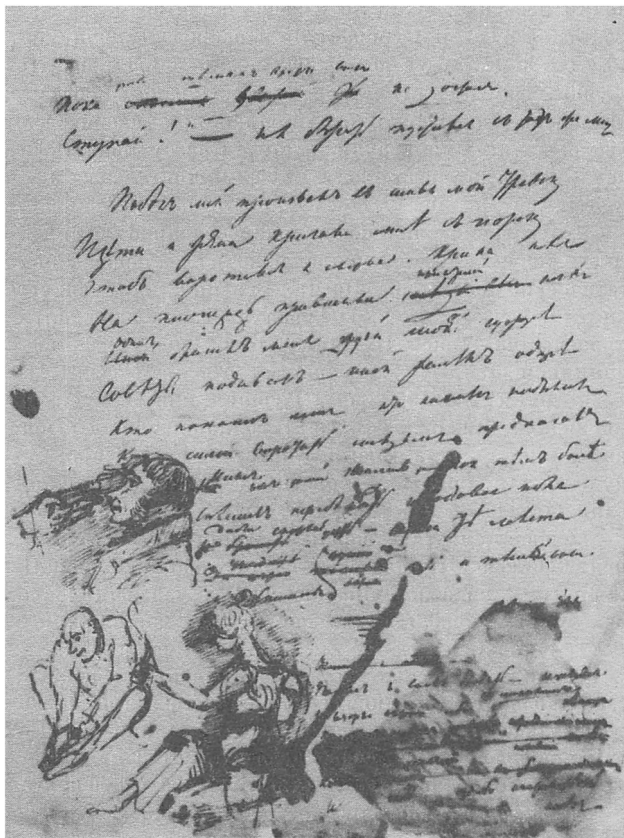
³⁸ [Bunyan J.] *The Pilgrim's Progress from this World to that which is to come*, by J. Bunyan. Книга эта весьма популярна в Англии. В России она неоднократно переводилась, начиная с XVIII в. Я пользовался переводом Ю. Д. З[ащепкиной] в издании 1881 г. Текст Пушкина и подлинный текст Беньяна приведены в приложении к обстоятельной статье *Благого Д. Д.* «Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой» в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 4. М.—Л.: АН СССР, 1962. С. 50—74.

отношению Пушкина к проблеме безумия? Основанием для этого послужили рисунки поэта на рукописи. Давно установлено, что рисунки, сопровождающие процесс создания пушкинских творений, представляют либо иллюстрации к ним, либо (чаще) отражают ассоциации, возникающие параллельно поэтическому творчеству³⁹. Рисунок в рукописи «Странника» исследователь графического наследия Пушкина, атрибутировавший его как изображение сумасшедших, описывает так: «Внимание Пушкина занято здесь внутренним состоянием изображаемых лиц: сосредоточенностью скривившегося идиотика, возбуждением жестикулирующей женщины, кротостью лица блаженного. Подобная психологизация очень редка в пушкинских рисунках. Следует отметить черты переработанного, но явного автопортретизма (линия профиля, глаза, бакенбарды), которые Пушкин придал лицу блаженного, примерив к себе, таким образом, еще одну метаморфозу подстать стольким другим и как бы смешивая своего вымышленного «странника» с самим собой»⁴⁰.

Это описание вполне соответствует рисунку. Но... рисунок не соответствует тексту сопровождаемых им стихов. Даже если принять, что здесь изображены умалишенные, то ни «скривившийся идиотик», ни «возбуждение жестикулирующей женщины» не находят эквивалентов в тексте. разве что только профиль, в котором А. Эфрос нашел сходство с Пушкиным (оно, действительно, слегка проглядывается), может служить изображением человека, видящего перед собой

³⁹ Эфрос А. Рисунки поэта. «Academia», 1933; Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. Изд. 4-е. М.: Искусство, 1986; Керцелли Л. Мир Пушкина в его рисунках. М.: Московский рабочий, 1983.

⁴⁰ Эфрос А. Указ. соч. С. 454.

Автограф стихотворения «Странник»
с рисунками Пушкина. 1835.

некий небесный свет. Но и здесь остается не вполне понятной рука, находящаяся в непосредственной близости от лица этого человека. Ее можно было бы связать с упоминаемым в стихотворении указующим перстом, открывшим герою этот свет, но лишь при условии, что изображения лица и руки мы будем рассматривать не как единую композицию, а как самостоятельные элементы.

Рассмотрение же в целом текста и сопровождающего его рисунка позволяет предложить следующее гипотетическое построение. По Дж. Беньяну, персонаж его книги — не безумец, а человек, обладающий даром пророчества. Текст Пушкина, точно следуя за подлинником, также не изображает этого человека сумасшедшим. В то же время Пушкин, считавший, как мы видели, болезнью всякое отклонение от нормы, мог воспринимать и мистическое прозрение горестного будущего как душевную болезнь⁴¹. Отсюда — нарисованный рядом с текстом «портрет», прямо связанный с содержанием стихотворения. Мысли же о безумии, появившиеся у Пушкина, вызвали у него ассоциации с другими видами сумасшествия, в частности — со слабоумием, которым наделен «скривившийся идиот».

Среди пушкинских произведений, соприкасающихся с проблемой безумия, особо должно быть выделено специально посвященное этой теме стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума» (III, 322—323). Ему посвящены многочисленные исследования, в известной степе-

⁴¹ Неожиданное подкрепление такого взгляда встречаем в современной психиатрии, среди различных видов бреда знающей «депрессивный бред греховности», при котором «возникает убежденность в гибели родных, имущества, жилища и предстоящей смерти» (*Руководство по психиатрии*. С. 34).

ни подытоженные в упомянутой выше работе Я. Л. Левкович. Большинство исследователей правильно увидели в этом стихотворении высказанную мечту поэта о нравственной и умственной свободе, о романтическом побеге в природу, о присущей безумию раскованности. Но следует со всей категоричностью отвести высказанные предположения, что это стихотворение воспроизводит «клиническое состояние душевнобольного человека» и что в нем Пушкин собирался привести образец бреда. Это последнее заявление исходит из слов Баратынского, который, по записи Бартенева, «сказывал Елагиным, что стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума» напечатано без конца. Было еще две строфы, где выражалась несвязность мыслей сумасшедшего. Издатели, не поняв этого, искали смысла в этих стихах и, как бессмысленные, откинули»⁴². Это предположение поддержал М. Гофман, считавший, что внешний вид белой — единственной дошедшей до нас — рукописи «говорит определенно и категорически» о том, что Пушкин не окончил переписывать свое стихотворение и что «это подтверждает косвенное свидетельство о бреде безумца — продолжении пьесы»⁴³. То, что стихотворение переписано не до конца, достаточно вероятно: после последней переписанной строфы стоит звездочка, подобная тем, которыми разделены все предыдущие строфы, а не характерная заключительная виньетка. Что же касается содержания якобы недостающих строф — бреда безумца, то это предположение немыслимо. Ведь бред может принадлежать помешанному. Тот же, от лица которого написано стихотворение — психически вполне здоровый чело-

⁴² *Рассказы о Пушкине...* С. 51.

⁴³ *Пушкин и его современники*, вып. 33—34. Пг., 1922. С. 360.

век. Все его мысли абсолютно здравы, а все поступки и рассуждения безумца даны в сослагательном наклонении: «я *пел бы*», «я *забывался бы*», «я *б заслушивался*» и т. д. (Выделено мной. — С. Г.). Только в таком наклонении безумие может рассматриваться как радостное состояние раскованности, свободы от условности, от религии («пустые небеса»), поэтического подъема. В реальной же жизни, по Пушкину, безумие страшно: «Страшно // Ума лишиться. Легче умереть» (VII, 207). Содержащиеся в этом стихотворении мысли о преимуществе безумия никак не могут соседствовать с бессмысленным бредом. К тому же они совершенно не совпадают с образцами бреда и поведения всех изображенных Пушкиным безумцев, но зато они поразительно перекликаются с другими воплощениями в пушкинской поэзии устойчивой формулы вдохновения. Мотив этот с исключительным постоянством повторяется на протяжении многих лет. В 1824 году: «И тяжким, пламенным недугом // Была полна моя глава; // В ней грезы чуждые рождались...» (II, 325). В 1827 г.: «Бежит он (поэт.— С. Г.), дикой и суровый, // И звуков и смятенья полн, // На берега пустынных волн, // В широкошумные дубровы...» (III, 65). И, наконец, в середине 1830-х: «... Как бы резво я // Пустился в темный лес! // Я пел бы в пламенном бреду, // Я забывался бы в чад // Нестройных, чудных грез. // И я б заслушивался волн...» (III, 322).

Все это приводит нас к выводу, что ни в коей мере не следует воспринимать это стихотворение как картину болезненно расстроенного воображения. Оно состоит из двух частей, и обе они — плод здравого рассуждения. Первая половина — мечты о той свободе, которая достигается, увы, только в состоянии безумия. А вторая содержит сугубо реалистическое описание условий существования помешанных. Учитывая цели и задачи нашей работы, мы остановимся на этой второй части

стихотворения специально. Но перед этим я позволю себе коснуться вопроса о его датировке и об обстоятельствах, которые могли вызвать его написание.

В упомянутой работе Я. Л. Левкович приведены очень убедительные аргументы по обоим этим аспектам истории стихотворения. Нисколько не оспаривая ее выводов, я позволю себе дополнить их еще одной гипотезой.

Как бы ни были трудны и тягостны для Пушкина 1833—1835 гг. — период, в рамках которого это стихотворение было создано, — непосредственного повода для опасения сойти с ума у него не было. Но было достаточно поводов, чтобы опасаться *прослыть*, а вернее — быть официально признанным сумасшедшим. Объявление умалишенным было одним из страшных оружий Николая I и его приближенных в борьбе с неугодными им лицами. Знаменитая сплетня о безумии Чацкого не была «изобретением» А. С. Грибоедова, а представляла отзвук реальной действительности. Ю. Н. Тынянов считал: заявление о том, что Чацкий «не в своем уме», имело в 20-е гг. XIX в. не тот смысл, какой вкладывается в это понятие нынче; оно якобы подразумевало безумную любовь⁴⁴. Однако согласиться с этим трудно. Упоминаемый Тыняновым рыцарский кодекс любви, включавший безумие из-за дамы, совершенно не приходил в голову гостям Фамусова, не подозревавшим к тому же о любви Чацкого к Софье. Зато они очень легко склонны были объяснить его мнимое безумие другими весьма конкретными причинами: ранением в голову, пьянством, а главное — вольнодумством. Такое объяснение никого не удивило, так как оно соответствовало реальной практике. Современники Грибоедова

⁴⁴ Тынянов Ю. Н. Сюжет «Горя от ума». — Литературное наследство. Т. 47—48. М., 1946. С. 154.

и Пушкина могли назвать ряд лиц, официально объявленных сумасшедшими по политическим причинам. Нынешнему читателю наиболее известна история П. Я. Чаадаева, но она произошла только в 1836 г. и, следовательно, не могла быть поводом к созданию написанного ранее пушкинского стихотворения. Однако это был далеко не единственный случай. М. В. Нечкина назвала несколько лиц, разделивших подобную участь. Так, при Александре I был объявлен сумасшедшим и заключен в тюрьму юнкер Жуков, сочинитель вольнолюбивых стихов; будущий декабрист Ф. Глинка за либеральные идеи был объявлен сошедшим с ума; в 1830 г., когда Сенат рассматривал дело участника Июльской революции во Франции М. Кологривова, граф С. Уваров и граф Ф. Толстой заявили, что Кологривов «поступал как безумный и как безумный должен быть наказан»; А. И. Герцен в вятской ссылке слышал рассказ о том, как тамошний губернатор объявил сумасшедшим чиновника — брата своей любовницы, пытавшегося помешать этой связи; здоровый и нормальный человек был посажен в сумасшедший дом, где и умер⁴⁵. Из дела о «Гавриилиаде» узнаем, что некто В. Шишков, известный «сочинитель дерзких возмутительных стихов», был за них «посажен в Москве в сумасшедший дом»⁴⁶.

Эти случаи становились известны в обществе. Уже в 1818 г. Пушкин вкладывал в уста Александру I обещание «Лаврову дам отставку, // А Соца — в желтый дом» (II, 69), не сомневаясь в осуществимости подобных намерений. То, что в других списках этого

⁴⁵ *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. С. 340—341.

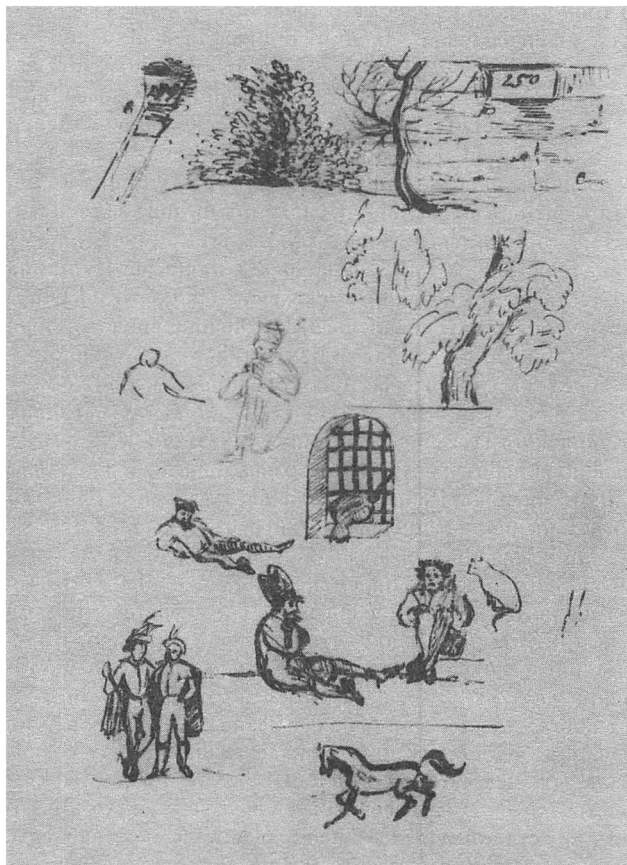
⁴⁶ *Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине.* СПб., 1906. С. 316.

стихотворения вместо Соца значится другая фамилия (II, 551), лишь подтверждает, что речь идет не о подлинной душевной болезни, а о произвольном «упрятывании» в «желтый дом». Были подобные случаи и в окружении Пушкина. Вернувшись в 1826 г. из ссылки, поэт, конечно, узнал, что его бывшему учителю и другу А. Галичу в свое время угрожали объявить его сумасшедшим. В те же годы Магницкий, сменив прежнее благоволение к профессору Казанского университета А. Жобару, человеку «беспокойного нрава и раздражительного характера», на нападки в его адрес заявил министру, что Жобар сошел с ума. Об этом стало известно в Петербурге, и впоследствии этим воспользовался С. Уваров: в 1835 г. Жобара снова пытались объявить сумасшедшим, но ему удалось отвести от себя это обвинение, добившись освидетельствования в Московском губернском правлении, которое нашло его «совершенно в здравом состоянии рассудка»⁴⁷.

В дальнейшем пути Пушкина и Жобара пересеклись на почве общей нелюбви к Уварову. Жобар перевел на французский язык памфлет «На выздоровление Лукулла». Благодаря его за присланный перевод, Пушкин писал: «Если правда, как вы говорите в вашем письме, что хотели законным порядком признать вас потерявшим рассудок, то нужно согласиться, что с тех пор вы его чертовски приобрели» (XVI, 94).

В таких условиях легко могли объявить сумасшедшим и Пушкина. Мысль об этом приходила порой ему в голову — недаром в черновиках «Домика в Коломне» мелькнуло: «...Важные особы мне твердят, // ... Что в желтый дом могу на новоселье // Как раз попасть...» (V, 371). Такие мысли подсказывались ему и извне.

⁴⁷ *Русская Старина*. 1880. № 7. С. 557.

Помешанные. Рисунок Пушкина. 1828.

В 1830 г. «Сын Отечества» печатал пародийный альманах «Альдебаран». В нем помещались пародии на авторов круга «Литературной Газеты» с соответствующими же подписями, за которыми легко было распознать имитируемых авторов. И вот под одной из пародий стояла подпись «Африкан Желтодомов». Имя Африкан, намекающее на происхождение Пушкина и неоднократно обыгранное Булгариным, позволяет считать, что подпись метила в Пушкина, приписывая ему сумасшествие. А в 1834 г. в связи с просьбой Пушкина об отставке Жуковский писал ему: «Я право не понимаю, что с тобою сделалось; ты точно поглупел; надобно тебе или *пожить в желтом доме*, или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение» (XV, 174. Выделено мной.— С. Г.). В этих словах Жуковского Пушкин легко мог учуять намек на реальную для себя угрозу. И не ответом ли на это стало стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума»? Дата его создания вполне допускает такое предположение.

От возможности *быть объявленным сумасшедшим* мысль легко могла перейти к возможности *стать* им в действительности и вообразить все страшные реалии такого существования. Эти-то реалии и отражены в рассматриваемом стихотворении, причем предельно достоверно.

Хотя наука о душевных болезнях к началу XIX в. сделала большие успехи, представление о душевнобольных именно как о больных не стало еще общим достоянием. Этим несчастным еще очень часто приходилось сталкиваться с неоправданной жестокостью. Одним из способов «лечения» их считались строгость и суровое обращение. Россия не составляла в этом исключения. Не случайно у Пушкина в переводе-пересказе «Странника» признание героя безумным приводит его родных к выводу, что ему «суровый нужен врач» (III, 392). В черновике этот вывод звучит

еще резче: «кого на цепи держит врач» (III, 981). Следует подчеркнуть: в английском оригинале упоминания цепи нет, а речь идет лишь о суровых мерах. Но цепь действительно была обязательным атрибутом содержания душевнобольных. Их признание больше походило на тюремное заключение. Оковы, решетки, каменные мешки — все это было средством оградить здоровых от нападения со стороны беспокойных больных, но оно находило подкрепление и в реакционных представлениях о безумии как об одержимости бесом или во всяком случае как о следствии злостных прегрешений, заслуживающих не лечения, а наказания. Против этого «учения» и против содержания больных в оковах, как известно, восстал Ф. Пинель (1745—1826), а затем — наиболее активно — Ж. Эскироль (1772—1840), и под влиянием их трудов и горячей пропаганды их идей возникла доктрина «no-restraint», т. е. НЕ-стеснения душевнобольных. Пинель писал: «Сумасшедшие не преступники, чтобы их наказывать, но больные, коих жалостное состояние в полной мере заслуживает человеколюбия»⁴⁸.

В России в 20—30-х гг. XIX в. содержание душевнобольных в больницах еще мало чем отличалось от положения преступников в тюрьмах. Гуманная идея «нестеснения» помешанных, их лечения, а не только признания и усмирения, постепенно внедрялась в умы русских врачей, но еще не из всех больниц были изгнаны цепи и решетки. Если даже их не признавали врачи, то к ним охотно прибегали зрители⁴⁹.

⁴⁸ Пинель Ф. Указ. соч. С. 139.

⁴⁹ Баженов Н. История московского доллгауза. М., 1909. С. 59.

Пушкину, по-видимому, приходилось наблюдать обстановку, в которой содержались душевнобольные. Доказательство тому — рисунок поэта в рукописи 1828 г., на котором изображены помешанные в неестественных позах, в нелепых колпаках и с непреременным атрибутом темницы — решеткой на окне.

В 1821 г. в Петербурге на Фонтанке, близ Обухова моста, была открыта больница для душевнобольных, «в 17-м номере» которой Пушкин поместил сошедшего с ума Германна. Сохранилось описание этой больницы, сделанное современником⁵⁰. Она считалась передовой — недаром великий Эскироль счел необходимым сообщить о ней всей Европе⁵¹. В этой больнице цепи, как видно, не применялись.

⁵⁰ Каждая комната в ней «длиною в 6, шириною в 5 аршин». В ней «находится окно с железною решеткою, деревянная к полу прикрепленная кровать и при оной ремень для привязывания беспокойных умалишенных. Постель их состоит из соломенного тюфяка, простыни и шерстяного одеяла с двумя подушками, набитыми волосом. Сверх того в каждой комнате находится прикрепленный к полу стол, наподобие сундука, и при оном место, где можно сидеть. <...> Над дверями находится полукруглое отверстие для сообщения с коридором. В дверях сделаны маленькие отверстия, наподобие слуховых окошек, дабы можно было по вечерам присматривать за больными, запертыми в комнатах. Средства для усмирения беспокойных сумасшедших состоят в ремне в два дюйма ширины и 2 аршина длины, коим связывают им ноги, и в так называемых смирительных жилетах, к коим приделаны узкие рукава из парусины длиною в три аршина, для привязывания ими рук больного вокруг тела. Кроме сих средств других не употребляют...» (*Журнал Имп. Человеколюбивого общества*, 1821. Ч. 18. Октябрь. С. 58—62).

⁵¹ *Esquirol. Note sur l'institution des aliénés au grand hôpital d'Aubouchov, St. Petersburg. Paris, 1824.*

Однако так было не везде, и в стихотворении «Не дай мне бог сойти с ума» читаем:

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,
 Как раз тебя запрут.
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверька
 Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
 Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих.
Да брань зрителей ночных,
 Да визг, да звон оков.

(III, 322—323)

Это стихотворение, как впрочем и все другие произведения Пушкина, где упоминаются помешанные, показывает, что, хотя мы не находим у поэта прямого протеста против бесчеловечного отношения к душевнобольным, он глубоко понимал болезненную сущность безумия и тяжесть этого состояния, по сравнению с которым «легче посох и сума», «легче труд и глад» и даже «легче умереть».

В этом он находился не только на переднем крае мировоззрения своей эпохи, но и впереди многих современных ему врачей.

Заключение

На страницах этой книги мы постарались проследить — по возможности детально — отражение различных сторон медицинской науки и практики первой трети XIX в. в творческом и эпистолярном наследии Пушкина, определить уровень его знакомства с ними, характер свойственных ему восприятия и оценки медицинских проблем.

Мы убедились, что Пушкин был знаком с этим кругом вопросов не только на уровне расхожих бытовых представлений. В своем стремлении «в просвещении стать с веком наравне» он достаточно внимательно следил за развитием медицины как сферы знания, в которой активно проявляется стремление человека глубже постичь собственную природу. Он был в курсе нарождающихся концепций и теорий, следил за разворачивающейся на страницах печатных изданий полемикой по естественнонаучным, в том числе и медицинским вопросам.

Некоторые современные ему взгляды и представления на этот счет Пушкин принимал, другие подвергал критической оценке. Человеку любой эпохи и любого уровня интеллектуального развития неизбежно свойственно в чем-то разделять ошибки и заблуждения своего времени. Но примечательно, что из новейших направлений современной ему медицинской мысли Пушкин, как правило, принимал то, что было затем поддержано в ходе дальнейшего развития науки.

В этом, как и во многом другом, сказались незаурядный характер личности поэта, его пронизательный и яркий ум. Он был убежден, что «ложная мудрость мерцает и тлеет // Пред солнцем бессмертным ума» (II, 420) во всех областях человеческого знания, верил в прогресс этого знания, в перспективу множества «открытий чудных». Это в полной мере относится и к сфере медицины, развитие которой Пушкин ощущал и во многом предвидел.

Поставив перед собой в этой работе достаточно узкую, конкретную задачу, мы в ходе ее реализации могли убедиться, что в рамках проблемы «Пушкин и медицина его времени» обнаруживается сложное переплетение особенностей его личности, фактов его человеческой судьбы, творческой истории его произведений. В соответствии с избранным направлением исследования, мы менее всего останавливались на том аспекте, который можно сформулировать так: медицинские представления Пушкина и его персонажей как художественная проблема. Изучение этого аспекта — самостоятельная задача, решением которой предстоит, очевидно, заняться историкам литературы. Однако несомненно, что решить ее можно, лишь будучи вооруженным достаточным знанием свойственных той эпохе и самому Пушкину медицинских взглядов и представлений. Хотелось бы надеяться, что эта книга даст специалистам-литературоведам необходимую первичную информацию на этот счет, а читателю-неспециалисту она, быть может, приоткроет еще одну сторону яркой личности великого поэта.

Послесловие

Книга — глубоко оригинальный труд по замыслу и исполнению. Это исследование сложных проблем истории медицины и истории литературы. Творчество Пушкина впервые рассмотрено под углом зрения того, как в нем отражаются проблемы медицины его времени.

Автор открыл новую, неизвестную сторону гениальной личности Пушкина: показал его познания в медицине, его отношение к этой науке, к врачам.

Доктор медицинских наук, профессор Сергей Михайлович Громбах (1909—1987) давно известен как исследователь биографии и творчества Пушкина. Ему принадлежат многочисленные публикации на эти темы. Доклады его в Музее А. С. Пушкина читались на протяжении многих лет, получали одобрение пушкинистов. Он — автор исторической монографии «Русская медицинская литература XVIII века» (М., 1953). Все последующие работы в этой области дополняли то, что им написано.

Цель, которую перед собой поставил С. М. Громбах в настоящей работе, — проследить отражение медицинской науки и врачебной практики первой трети XIX в. в творческом и эпистолярном наследии Пушкина, определить уровень знакомства его с медициной, характер свойственных ему восприятий. С задачей этой он справился превосходно. Проведено глубокое исследование, показывающее широту мышления поэта и раз-

нообразность его медицинских познаний, что стало весомым вкладом в изучение творчества Пушкина. Автор имеет твердые знания и суждения о предметах, им изучаемых. Он не боится авторитетов, вступает в спор даже с Белинским.

Верна исходная, основополагающая мысль: для истории медицины важно знать не только, какого уровня достигла медицинская наука, но и в какой степени проникала в сознание и в каком виде отражалась она в представлениях современников.

Этот труд подытоживает и обобщает все, что было опубликовано по теме, является своеобразным, оригинальным раскрытием ее. Анализ проведен на фоне научной литературы того времени, начиная с высказываний профессоров Мудрова, Дядьковского, Пинеля и многих других.

Подлинные находки -- те страницы, в которых обнаружено тонкое понимание Пушкиным многих медицинских представлений в деталях. Он был осведомлен в большом круге медицинских проблем, знания его были разносторонни и точны, основывались на многочисленных источниках.

Пушкин проявлял глубокое проникновение в тайны человеческого тела и духа, выдвигал догадки, предположения, которые удивляют. Откуда? Гениальность, по-видимому, единственное объяснение -- дар схватывать, по словам Ломоносова, «далековатые идеи».

Работа С. М. Громбаха открывает в пушкиноведении еще одну, ранее не известную страницу жизни поэта, новую грань его творчества.

Профессор Б. Д. ПЕТРОВ,
член-корреспондент АМН СССР

Указатель имен

- Александр I** 127, 255
Алексеев М. П. 9
Аксаков С. Т. 161
Анненков П. В. 8, 41, 50
Ансильон Л. Ф. 33
Ариосто Л. 168, 169
Аристотель 117
Архимед 39
Асеев Н. Н. 158
- Байрон** Дж. Г. 91, 194
Баратынский Е. А. 252
Баркгаузен Г. 187
Бартенев П. И. 109, 161, 252
Батюшков К. Н. 230, 232, 233
Бахерахт А. 135
Белинский В. Г. 224
Беллизар Ф. М. 93
Бенкендорф А. X. 171
Беньян Дж. 24, 153, 247, 250
Бершу Ж. 153
Бестужев А. А. (Марлинский)
18, 26, 67, 143
Бехтерев В. М. 139
Биша К. 27, 85, 165—168, 197
Благой Д. Д. 223, 247
Блок А. А. 150
Болтин И. Н. 76
Борисов П. И. 26
Боулс В. 222
Браницкая А. В. 50
Брилла де Саварен 97—99
Бриль-Краммер К. 94, 95
Броглио С. Ф. 171
Бродский Н. Л. 86
Брун Дж. 234
Бруссе 123
Брюдлов К. П. 196
Булгаков А. Я. 179, 216
- Булгаков К. Я. 179, 216
Булгарин Ф. В. 18, 258
Бурдон И. 90—92, 122, 124, 130
Бурьени Л. Ф. 224
Бутковский П. 235, 241, 245
- Велланский Д. М.** 36, 52—58, 70,
123, 133, 140, 142
Вересаев В. В. 161
Верстовский А. Н. 218
Вигель Ф. Ф. 50, 143, 163
Виельгорская С. М. 150
Вильсон Дж. 81, 222
Волконская (Раевская) М. Н. 50
Вольта А. 145
Вольтер 191
Воронцов М. С. 49—51
Воронцова Е. К. 50
Вульф А. Н. 24, 199
Вяземская В. Ф. 49, 233
Вяземский П. А. 8, 49, 50, 70, 77,
98, 183, 205, 233
- Гааз Ф. П.** 106
Гален (Галлиен) К. 39, 93, 192
Галич А. И. 43—46, 131, 157, 176,
177, 180, 197, 237, 241, 256
Галь Ф.-И. 89, 120—124, 241
Гальвани Л. 145
Гансман С. 64, 104
Гаррисон В. Г. 95, 96
Гасте Л. 92, 93
Гаттри М. 75, 76
Гейрот 83
Гельвеций К. А. 176
Герцен А. И. 36, 255
Гильдебрант Ф. А. 212
Гиннисуэ В. В. 130
Гиннократ 25, 32, 33, 92, 93, 129
Глинка Ф. Н. 255

- Гоголь Н. В. 67, 96, 130, 140, 159
 Голицын Д. В. 211
 Гомер 44
 Гончаров Н. А. 230
 Гончаровы 206
 Гофман М. 252
 Греч Н. И. 68, 105, 136, 139, 149
 Грибоедов А. С. 26, 130, 131, 254
 Гро А. 224
 Громов С. 239, 243, 244
 Грот Я. 41
 Грум К. 189
- Давыдова А. А.** 190
 Даль В. И. 21, 27, 62—66, 77, 104, 105, 107, 158, 192
 Декарт Р. 196
 Деланд Л. 82
 Делез 141, 145
 Дельвиг А. А. 16, 69, 118, 171
 Дельвиг С. М. 118
 Де Мерси 92
 Денисов А. К. 14
 Державин Г. Р. 46, 135
 Дефо Д. 81
 Добролюбов Н. А. 8
 Дондуков-Корсаков М. А. 164
 Доппе Ф. А. 75, 76
 Дядьковский И. Е. 26, 38, 180, 202, 235
- Екатерина II** 126
 Елагины 252
 Ермолов А. П. 106
 Есаков С. С. 171
- Жильбер Н. Ж. Л.** 91
 Жобар А. 256
 Жуков 255
 Жуковский В. А. 130, 258
- Завалишин Д. И.** 27
 Загоскин М. Н. 46
 Закревский А. А. 218
 Засецкая Ю. Д. 247
 Зенкевич М. 122
- Иванов** 101
 Инзов И. Н. 48
 Иовский А. А. 20, 34, 36, 138, 214
- Кабанис П.** 154
- Каверин П. К. 98, 160
 Каменецкий О. 102
 Карамзин Н. М. 118, 135, 197
 Карцев (Карпов) Я. И. 15, 41
 Катенин П. А. 174
 Каченовский М. Т. 153
 Керн А. П. 124
 Ключев К. А. 133, 142, 151
 Козлов И. И. 17
 Кологривов М. 255
 Колумб Х. 189
 Комовский С. Д. 15
 Кононов А. А. 140
 Корнуол Б. 222
 Корф М. А. 93
 Кошаанский Н. Ф. 44
 Крашенинников С. П. 74, 75
 Кречмер Э. 122
 Крюков Н. А. 26
 Курганов Н. Г. 18
 Кутузов А. 208
 Кюхельбекер В. К. 16, 44, 171
- Лагарп Ф. С.** 194
 Лафатер И. К. 88—91, 116—120, 122, 124—129, 135
 Левкович Я. Л. 230, 252, 254
 Левшин А. И. 50
 Лейтон Я. И. 20
 Леклерк Н.-Г. 75, 76
 Ленин В. И. 34
 Лепехин И. И. 74
 Лере Ф. 83, 192
 Лермонтов М. Ю. 115, 123, 150
 Лернер Н. О. 130, 161
 Лисенков И. Т. 73
 Логановский А. В. 178
 Ломоносов М. В. 8, 30, 145
 Лотман Ю. М. 27
 Лувель П.-Л. 242
 Луи-Филипп 129
- Магницкий М. Л.** 28, 55, 256
 Майков В. И. 172
 Макаров М. Н. 212
 Микинтош Дж. 51
 Мандрька Е. Н. 149
 Матюшкин Ф. Ф. 171
 Маурер 137
 Месмер А. Ф. 100, 133—135, 139
 Местр Ж. де 40

- Мид 81
 Мильмен Г. 222
 Модзалевский Б. Л. 71—73, 81, 95, 96
 Молчанов 101
 Мольер Ж.-Б. 107, 132
 Моро 90
 Мудров М. Я. 32, 38, 200, 202, 234
 Муравьев-Апостол М. И. 136, 138
 Муханов Н. А. 208
 Мухин 38
- Набоков В.** 194
 Наполсон I 47, 48, 77, 127, 128, 190, 224, 225
 Нащокин П. В. 66, 173, 179, 218
 Нелюбин А. Н. 36, 106
 Нечкина М. В. 255
 Никитин А. 187
 Николай I 211, 216
 Никольский 28
 Нодье Ш. 194
- Одоевский В. Ф.** 55, 123
 Окулова В. 230
 О'Мира Б. 75, 77
 Орлов М. Ф. 47
 Осипова П. А. 213
- Павлищев Л. Н.** 101
 Павлов И. П. 53, 220
 Паллас П. 74, 106
 Папавуан Л.-О. 242
 Парни Э. 136
 Паррот 136
 Паскевич И. Ф. 24
 Пекен Х. 72, 77, 78
 Перовский В. А. 65
 Петр I 23, 25
 Петровский Б. В. 10
 Пешель Ф. О. 15
 Пинель Ф. 232, 241, 245, 259
 Пирогов Н. И. 38, 59, 63
 Плетнев П. А. 42, 169, 178, 197, 206, 208
 Плиний 39
 Плюшар А. А. 177, 180
 Погорельский А. 139
 Полenov В. А. 74
 Порта Дж. 117
 Пугачев Е. И. 65, 78
 Пузино П. 121
- Пушкин В. Л. 212
 Пушкин Л. С. 13, 66, 94, 95, 110
 Пушкин С. Л. 196
 Пушкина (Гончарова) Н. Н. 22, 59, 99, 101, 116, 172, 186, 196, 205, 206, 211, 228, 230
 Пушкина Н. О. 38, 59
 Пушкина (Павлицева) О. С. 101, 118, 217
 Пуцин И. И. 123
- Радищев А. Н.** 162
 Раевские 16, 108, 109
 Раевский А. Н. 137
 Раевский Н. Н. 14, 108—110, 137, 190
 Разумовский К. Г. 75
 Ржевский Н. Г. 171
 Римская-Корсакова М. И. 115
 Рихман Г. В. 30
 Россет-Смирнова А. О. 137
 Рудыковский Е. П. 14, 16, 46, 47, 110, 111, 116
 Рунич Д. П. 28, 44, 55
 Руссо Ж.-Ж. 27
- Савенко П. Н.** 84, 85, 107, 113, 114
 Сазонов К. 15, 123
 Сансон А. 242
 Сат 68, 69
 Сегюр Л.-Ф. 100
 Сенковский О. И. 18
 Сентимер Ф. 20, 79, 80, 201
 Сербский В. 243
 Сеченов И. М. 154, 172, 175
 Симонов П. В. 220
 Скотт В. 81
 Смельский Е. 68
 Соболевский С. А. 94
 Сомов О. М. 69, 70
 Сонцов Ф. 84
 Спасский И. Т. 22, 42, 58—61, 104, 105, 116, 180
 Софья, царевна 23
 Сталь Ж. де 86
 Стасов В. В. 59, 61
 Стендаль 194
 Суворов А. В. 63
- Тарле Е. В.** 77
 Тиссо С.-А. 27, 86

- Толстой Ф. А. 255
Торвальдсен Б. 127
Тургенев И. С. 123
Турчанинова А. А. 70, 137, 140
Тынянов Ю. Н. 254
Уваров С. С. 164, 255, 256
Ульянин В. В. 208
Уоррен С. 97
Фикельмон К. 196
Филомафитский А. 38, 132, 154, 156
Фонтенелль Ж. де 87, 89, 103
Франклин Б. 30
Фукс А. А. 140, 146—149
Фукс К. Ф. 29, 140, 146
Хатчинсон В. 49—51
Хвостов Д. И. 18
Хитрово Е. М. 233
Цветасва М. И. 223
Цшокке 139
Цявловский М. А. 71
- Чаадаев П. Я.** 33, 255
Чаруковский П. 38, 180, 187, 202
Чесский И. 84
Шатобриан Ф.-Р. 194
Шаховской А. А. 137
Шекспир В. 46, 122, 132, 188
Шелли П. Б. 50
Шеллинг Ф. В. 35, 36
Шимко И. 105
Шишков В. 255
Шпренгель К. 93
Шнурдгейм 121
Штюрмер 68, 69
Шулер Ф. М. 47—49
Эллизен Г. 102
Энгельгардт Е. А. 171
Эскироль Ж. 83, 259, 260
Эфрос А. 248
Яковлев Н. В. 81
Якубович Д. П. 240
Якушкин И. Д. 26, 131, 132

Указатель произведений А. С. Пушкина

- Анджело 126
«Аптеку позабудь ты для венков лавровых...» 16
Арап Петра Великого 7, 11, 166, 185
- Барышня-крестьянка** 125
Бахчисарайский фонтан 170, 229
«Безумных лет угасшее веселье...» (Элегия) 219, 220
Бова 14
Борис Годунов 159, 162, 168, 197, 229
Братья-разбойники 185, 230
«Была пора: наш праздник молодой...» 155
«В Академии наук...» (На Дондукова-Корсакова) 164
Вакхическая песня 263
[Влюбленный бес] 229
«...Вновь я посетил...» 155
[Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»] 34, 144
Воспоминание в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи...») 46
Выздоровление 178, 180, 184
Гавриилиада 159, 255
Герой 128, 224, 225
[Гости съезжались на дачу...] 125
Граф Нулин 124, 179
- 19 октября («Роняет лес багряный свой убор...») 158
Демон 137
«Для берегов отчизны дальней...» 220

- [Дневник 1833—1835 гг.] 44, 101, 163, 164
 Домик в Коломне 42, 112, 218, 219, 256
 Дорожные жалобы 219
 Дубровский 17, 42, 125, 126
 Евгений Онегин 27, 38, 44, 86, 111, 112, 114, 116, 131, 136, 140,
 142—144, 146, 154—156, 158, 162, 168—170, 173—175, 177, 179,
 181, 182, 191, 193—195, 198, 219
 Египетские ночи 126, 127, 228
 «Жил на свете рыцарь бедный...» 229
 Заклинание 219, 220
 [Заметка о холере] 24, 199, 205—207, 214, 216
 [Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенин-
 никова] 75
 «Заутра с свечкой грошевою...» 15
 «Зима. Что делать нам в деревне?...» 176, 178
 «И дале мы пошли — и страх меня объял...» 152
 [Из автобиографических записок] 177, 190
 [Из Ариостова «Orlando furioso»] («Пред рыцарем блещит во-
 дами...») 169
 Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой...») 165
 История Петра 23, 25
 История Пугачева 22, 78
 История села Горюхина 79, 103
 К бюсту завоевателя 127
 К Галичу («Пускай угрюмый рифмотор...») 44, 45
 К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...») 160
 К Пушкину («Любезный именинник...») 15
 «Как быстро в поле, вокруг открытом...» 178
 Каменный гость 167, 220, 227, 228
 Капитанская дочка 78, 89, 126, 182—184, 186, 188
 «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» (Эпиграмма) 190, 191
 Маленькие трагедии 219
 [Марья Шонинг] 23, 52
 [Материалы для заметок в газете «Дневник»] 22, 212--214
 Медный всадник 12, 83, 152, 184, 229, 230, 237, 243—246
 Метель 125, 166, 174, 183, 184
 Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслажденье») 160
 «Мне бой знаком — люблю я звук мечей...» 220
 Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так
 и отечественной 30, 35
 Моцарт и Сальери 23, 152, 220
 На выздоровление Лукулла 23, 256
 На статую играющего в свайку 178
 «Надеждой сладостной младенчески дыша...» 51
 «Надо помянуть, непременно помянуть надо...» 49
 «Не дай мне бог сойти с ума...» 230, 236, 250—254, 258, 261

- Недоконченная картина 198
 «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» 160, 161
- [О записках Самсона] 242
 О народном воспитании 163
 О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова 8, 30
 [О прозе] 58
 «О сколько нам открытий чудных...» 32—34
 [Обозрение обозрений] 196
 Осень (Отрывок) 154, 155, 177, 178, 181
 «Оставя честь судьбе на произвол...» (Эпиграмма) 189
 От издателя (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 17, 79, 183, 219
 «От меня вчор Леила...» 160
 Отрывки из писем, мысли и замечания 161
- Песнь о вещем Олеге 229
 Пиковая дама 12, 100, 128, 133, 144, 145, 229—234, 237—240, 243, 260
 Пир во время чумы 80, 81, 220—224, 226
 Пирующие студенты 44
 Платоническая любовь 160
 Подражание арабскому 165
 Подражания Корану 185
 Полтава 167, 168, 170, 198, 229, 230, 232, 236—238, 243
 «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...» 157
 Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой...») 44
 Поэт («Пока не требует поэта...») 253
 Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина» 38, 39, 93
 Прозерпина 160
 Прощание 155, 219, 220
 Путешествие в Арзрум 24, 25, 92, 111, 130, 164, 165, 190, 191, 206
 Путешествие из Москвы в Петербург 30, 130, 163
- Разговор книгопродавца с поэтом 228, 236, 253
 [Роман в письмах] 183, 184, 186
 [Роман на Кавказских водах] 17, 84, 85, 115, 116
 [Роставлев] 166, 167
 «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» 193, 195, 213, 219
- Русалка 229, 230, 234, 237, 238, 243, 253
 Руслан и Людмила 141, 142, 146
 [Русский Пелам] 170, 229
- Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 103, 172
 Скучной рыцарь 152, 198, 219, 240, 243
 «Словесность русская больна...» 152, 153
 Сон 153
 Станционный смотритель 17, 42, 167, 183, 184
 Странник 23, 24, 153, 230, 247—250, 258, 259
 Сцена из Фауста 12, 162, 176, 188, 189

Тень Фонвизина 16
Три ключа 156, 178
«Увы! зачем она блистает...» 181
Чедаеву («В стране, где я забыл...») 11, 262
«Чем чаще празднует лицей...» 170
Элегия («Безумных лет угасшее веселье...») 219, 220
«Я видел Азии бесплодные пределы...» 110, 111
«Я ускользнул от Эскулапа...» (N. N.) 16, 177
Noël (Сказки) 255
Table-Talk 132

Сергей Михайлович Громбах

Пушкин и медицина его времени

Зав. редакцией *В. С. Залевский*
Редактор *И. П. Ефимова*
Художественный редактор *В. Л. Фисенко*
Обложка художника *О. А. Четвериковой*
Технический редактор *Н. К. Петрова*
Корректор *А. И. Сорокина*

ИБ № 5094

Сдано в набор 24.11.88. Подписано к печати 24.04.89. Т-04492. Формат бумаги 70×100¹/₃₂. Бумага кн.-журн. офс. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,05. Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 12,00. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1846. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Медицина». 101000, Москва, Петровверигский пер., 6/8.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомиздате СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

С. М. Громбах.
Фотография
1970-х гг.

Об авторе этой книги

Автор этой книги Сергей Михайлович Громбах (1909—1987) — доктор медицинских наук, профессор, почетный член Чехословацкого медицинского общества им. Я. Е. Пуркинье, Научного общества «Хемиоз» (Народная Республика Болгария), Венгерского медицинского общества «Жозеф Фодор». Основной сферой научной деятельности С. М. Громбаха была гигиена детей и подростков. Одновременно он много и активно исследовал историю отечественной медицины, результатом чего явились такие книги, как «Русская медицинская литература XVIII века» (М., 1953), «Вопросы медицины в трудах М. В. Ломоносова» (М., 1961) и др. Наконец, на протяжении многих лет С. М. Громбах занимался изучением творчества А. С. Пушкина, по этой тематике публиковал статьи в специальных изданиях, выступал с докладами перед научной аудиторией.

Предлагаемая вниманию читателей книга — итог многолетнего труда, возникший на пересечении медицинских и историко-литературных интересов автора. Над этой книгой С. М. Громбах работал до последних дней своей жизни.

50 к.